

ISSN 2070-8831

СТРОГАНОВСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ

Сборник научных статей

Выпуск 3

г. Пермь

ISSN 2070-8831

**ПРИКАМСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
ПРИКАМСКОЕ НАУЧНОЕ СОБРАНИЕ**

СТРОГАНОВСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ

Сборник научных статей

Выпуск 3

Пермь 2008

С 86

ББК 63

С 86 Строгановское историческое собрание. Сборник научных статей. Выпуск 3. Под ред. С.Г. Шустова. – Пермь: Прикамский социальный институт. 2008. – 204 с.

Сборник включает статьи и материалы историков, изучающих Строгановскую проблематику. В издании помещены статьи, отражающие преимущественно духовную и культурную жизнь Строгановских имений в XVIII-начале XX вв. Сборник рассчитан на историков, краеведов, преподавателей, студентов и всех, кто интересуется историей Пермского края.

Печатается по решению Учёного совета Прикамского социального института.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:

кандидат исторических наук, доцент Шустов С.Г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*профессор Антипов А.Г., доцент Державин В.А.,
профессор Захаров Н.Н., профессор Дементьев Б.П.,
профессор Чагин Г.Н., доцент Шустов С.Г.*

РЕЦЕНЗЕНТ:

*Заведующий кафедрой общей истории
Пермского государственного университета,
доктор исторических наук, профессор Сулов М.Г.*

© Прикамский социальный
институт, 2008.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий выпуск сборника научных статей и материалов «Строгановское историческое собрание», издаваемый Прикамским социальным институтом посвящен 450-летию с начала освоения Прикамских земель Строгановыми. Царь Иван IV указом от 4 апреля 1558 г. даровал Григорию Аникиевичу Строганову более 3,4 млн десятин земли от нынешних городов Соликамска до Оханска по берегам рек Камы, Чусовой и их притокам. С этого времени началась активная русская колонизация Предуралья, распахиваются земли, строятся села и городки, развиваются торговля и ремесла, Верхнекамье становится центром отечественного солеварения. Род Строгановых играл большую роль в политической, экономической и культурной жизни Русского государства. Особенно возрастает влияние Строгановых в XVIII – первой половине XIX вв. Строгановы в это время были представлены не только в политической и военной элите России, но и прославились меценатством, собиранием богатых коллекций различных художественных ценностей. О многих из славных дел Строгановых читатель узнает из статей Б.Н. Дементьева, С.О. Кузнецова, В.А. Шкерина, В.А. Порозова. Проблемам духовной жизни и развитию культуры в Строгановских имениях в XVIII-XX вв. посвящены статьи Г.Н. Чагина, В.А. Рябковой, Г.В. Чудиновой и А.А. Кальсиной. Новые историографические и источниковедческие материалы содержат статьи Т.Ю. Шестовой, С.Г. Шустова, А.М. Баландина, В.Ф. Баландиной, О.Ф. Кузнецовой. Интересные сведения о связях Строгановых с Очёром и Усольем опубликованы Н.Е. Бесстрашниковым, И.В. Махначёвой и О.Н. Варнаковой.

Часть сборника составляют воспоминания И.А. Рогова (13.07.1832 г. – 14.01.1912 г.), одного из высокопоставленных служащих Строгановского имения, любезно предоставленные его потомком Дмитрием Александровичем Белановским. Воспоминания И.А. Рогова написаны на рубеже XIX и XX веков и воспроизводят многие детали и особенности общественных и межличностных отношений в Строгановском имении в 40-х-90-х гг. XIX в.

Шустов С.Г.
проректор по научной работе
Прикамского социального института,
кандидат исторических наук, доцент

СТРОГАНОВЫ, ИХ ДУХОВНЫЕ ОТЦЫ И СЛУЖАЩИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЧЕРДЫНИ

На сегодняшний день учеными и краеведами опубликован немалый материал по истории деятельности чрезвычайно обширного рода Строгановых в Пермском крае. Тем не менее имеются малоисследованные проблемы и явления, решение которых позволит еще более полно оценить роль Строгановых в хозяйственной и культурной жизни Пермского края.

Интересен вопрос о связях Строгановых с Чердынью, которая в истории Урала всегда осознается колыбелью русской культуры и православия. Словом Божиим Чердынь освящена епископом Пермской епархией Ионою в 1462 г. В момент принятия православия здесь основывается Иоанно-Богословский монастырь. Побывать в нем стремились многие православные люди, а быть вписанными в Синодик монастыря считали за большую честь.

Строгановы не разворачивали свою деятельность в Чердынском крае, но и не могли оставить без внимания древнюю землю и ее духовный центр. Несомненно, Аника Строганов, прежде чем обратиться к царю Ивану IV (Грозному), совершал поездку по Пермскому краю и с сыновьями Яковом, Григорием, Семеном бывал в Чердыни, чтобы оценить ее потенциальные возможности на предмет включения в свою будущую вотчину. О том, какие связи были у Строгановых, а также их духовных отцов и служащих с Чердынью, открывают записи монастырского Синодика.

Синодики (их еще называют Помянники) – древний вид письменных памятников. Они составлялись в храмах и монастырях и представляют собой книги, а порой и тонкие тетради, в которых записаны имена людей для «вечного их поминовения». Очень часто записи в Синодике предшествовал какой-либо вклад со стороны того лица, которое вносилось в Синодик, или его родственниками. Имя в Синодике могло появиться в связи с оказанием монастырю какой-то материальной помощи. Иногда имя вписывалось по инициативе настоятелей в целях престижа и авторитета монастыря или приходской общины.

Известно, что в Чердыни Синодик велся с момента возникновения монастыря. В нем был записан род Великопермских князей и Пермских епископов. Синодик XV в. до нашего времени не дошел¹. Список

с него, выполненный на рубеже XVII-XVIII в., хранится в Пермском краевом музее, куда он поступил в 1920 г. из собрания Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина (№ 205). Историческая значимость этого Синодика выяснялась известным исследователем Пермского края А.А. Дмитриевым².

В конце 1990-х гг. наше внимание привлек еще один экземпляр рукописного Синодика, который обнаружен в собрании книг Чердынской Иоанно-Богословской церкви (бывшей монастырской)³. О его существовании никто из исследователей не подозревал. Происхождение Синодика до конца не выяснено, но бесспорно, он является вторым Синодиком Чердынского Иоанно-Богословского монастыря, составленным не позднее первой трети XVIII в. Это время в истории монастыря было чрезвычайно важным – строился первый каменный храм и монастырь нуждался в материальной и духовной поддержке⁴.

Синодик написан на голландской бумаге XVII в. с гербом Амстердама и с шутом. В нем 193 листа записанных (с оборотами) и 16 листов чистых. Первые 22 листа заняты текстами Повествовательного Синодика, в которых краткий рассказ о необходимости поминовения усопших со ссылками на Священное Писание, Сорокоуст, отцов церкви, и о том, как нужно творить поминовение⁵. Тексты сопровождаются 17 цветными миниатюрами, выполненными в народном выразительном стиле⁶.

В Чердынский Синодик вписаны имена 9 вятских епископов, так как Чердынь до 1799 г. входила в состав Вятской епархии. Здесь записаны имена 10 патриархов Московских и всея Руси, за ними – имена великих князей от Владимира до Михаила и боярина его Федора, великих княгинь от Ольги до Анастасии, «благоверных царей и великих князей всея России» от Иоанна IV до императора Петра II (умер в январе 1730 г.), «благоверных царевен и великих княгинь благоверных и великих царевичей».

Среди записанных лиц в Синодике встречаем имена иноков Чердынского монастыря, местных воевод, род первого сибирского губернатора М.П. Гагарина, способствовавшего строительству первого каменного храма Чердыни, имена жителей городов и многочисленных сел и деревень Пермского края и сопредельных территорий. В нем значатся роды монастырей Архангельска, Соловков, Сольвычегодска, Великого Устюга, Ваги, Тотьмы, Яренска, Далматова.

Особо выделен в Синодике раздел с названием «Роды Пыскорского монастыря именитого человека Григория Дмитриевича Строганова и их монастырских, и строгановых крестьян, и бобылей, и всяких чинов людей, и обвинцов, и инвинцов, и сылвенцов, и всяких городов сибирских» (л.60). Украшением раздела является заставка тонкой работы и

на две трети листа инициал – заглавная буква слова «род» – с орнаментальными отростками, выполненный киноварью в поморском стиле.

Первым в строгановском разделе записан «Род имянитого человека Григория Строганова». Г.Д. Строганов (1656-1717) с 1688 г. являлся единоличным владельцем всех пермских и других земель имения Строгановых. На своей земле он способствовал строительству и поддержанию храмов, вкладывал книги и иконы и, возможно, не оставлял без внимания древний монастырь Чердыни.

В записи рода Г.Д. Строганова 215 имен, и на первом месте стоят имена Спиридона, Косьмы, Луки (л.60), с которых сами Строгановы начинали свою родословную⁷. Спиридон Строганов – современник московского князя Дмитрия Донского, умер в 1395 г.⁸ Его сын Косьма (Козьма) в 1445 г. принимал участие в выкупе московского князя Василия Васильевича (Темного) из казанского плена. Лука – сын Косьмы – значился в 1470-е гг. «московским жильцом». Федор – сын Луки – жил в Сольвычегодске. Из сыновей Федора прославился предпринимательской деятельностью Аника Федоров Строганов. Он расширяет владения по р. Вычегде и организует солеваренное производство.

Далее в Синодике идут «отцы духовные Строгановых»: «Игумена Иосафа, иеромонаха Афанасия, иерея Григория, иерея Фомы, иерея Михаила, протопopa Иоанна, иеромонаха Ермогена» (л.62).

Отдельно выделен «Род имянитого человека Григория Дмитриевича Строганова, его приказного человека Прокопия Матвеева Воронова». Из рода приказного человека внесено в Синодик 14 имен, в том числе имя монаха Исаии (л.62 об.).

Далее Пыскорский монастырь представлен именами родов архимандрита Евфимия и Сергия, черного священника Якова Сарашева, старца черного дьякона Никифора Азяскова, старца Иова «пономаря церковного», «больнишного келаря» и еще трех родов старцев (л.63, 66).

Здесь же «Род того же Пыскорского монастыря Белозорова Кирилла Федорова сына Гладышева, аки имена писаны за люботрудную работу запись синодика: Феодоры, Мариамии, Иерея, Кирилла, Феодосии, Иоанна» (л.63 об.). Из приведенного текста видно, что люди рода Кирилла Белозорова (возможно, Белозеров) занимались подготовкой какого-то Синодика, причем труд их назван «люботрудной работой». Не являлись ли они исполнителями уникального по содержанию и оформлению Синодика Г.Д. Строганова 1703 г., который им вложен в храм Похвалы Богородицы в Орле-городке⁹.

География имен, вписанных в Синодик, выглядит достаточно обширной – со всех пермских земель вотчины Строгановых: Новое Усолье, Орел-городок, Пыскор, Веретия, Зырянка, Слудка, Ильинское,

Нижне-Чусовской городок, Нижние Муллы, Шерья, деревни по рекам Яйва, Обва, Иньва, Чусовая, Сылва. Несомненно, география имен отражает широкую картину духовных и культурно-исторических связей Строгановской вотчины и Чердыни в первой четверти XVIII в.

Но помимо Чердынского Синодика имеются и другие памятники, запечатлевшие связь Строгановых и их служащих с важнейшим духовным центром Урала – Чердынью. Таким памятником, например, является Евангелие Московского печатного двора 1694 г., которое через 2,5 года после выхода книги из типографии служитель Г.Д. Строганова М.И. Коровин вложил в Чердынский монастырь.

Евангелие 1694 г. сохранилось в собрании Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина¹⁰. О своем вкладе М.И. Коровин оставил следующую запись: «7205 го [1697] марта в 1 день именитаго человека Григорья Дмитриевича человек Михаило Исаакова сына Коровинъ по своему обещанию приложил в Чердынь Вознесенского и Богословского монастыря в церков книгу сию святое напрестолное Евангелие при архимандрите Деонисии поминат за здравие Михаила, поминат за здравие Матрону, дондежа благоволит в Троице славимый Христос Бог живым быть, а по смерти злострастную душу мою поминат за упокои и отца моего Исаакия и мать мою скимнонахину Марфу, и Матрону поминат за упокои» (на л.423-448).

Не только сама книга, но и запись в ней совершалась и воспринималась духовным завещанием. Кроме того, в православной среде вклад с записью осознавался как взаимный договор между Богом, монастырем и человеком. За него верующий человек не ждал безусловной награды, он лишь надеялся на милость Всевышнего, причем в признанном духовном центре, каким являлась Чердынь со своей древней обителью.

Настоящей публикацией мы только обозначаем и открываем забытую тему для научного исследования – духовные связи рода Строгановых с регионами, не входящими в их вотчину. На основе анализируемых источников нам удалось показать только внешнюю сторону связи Строгановых с Чердынью. Остается сторона внутренняя, которая скрывается за записями в Синодике. Были ли вклады Строгановых в Чердынский монастырь? Как монастырь чтит представителей рода, духовных отцов и служащих из строгановских сел и деревень? Кто из записанных людей в Синодике бывал в Чердынском монастыре? Вот вопросы, на которые нужно еще ответить. Но для этого, как известно, необходимы источники. Если это состоится, то заявленная тема предстанет более осмысленной.

- ¹ Дмитриев А.А. Следы русских поселений в Перми Великой до появления Строгановых и Синодик Чердынского Иоанно-Богославского монастыря. Пермь, 1883. С.1-11; Он же. Пермская старина. Пермь, 1889. Вып.1. С.158-159.
- ² Дмитриев А.А. Пермская старина...
- ³ Чагин Г.Н. Синодик Чердыни первой четверти XVIII в. // V уральские археографические чтения: К 25-летию Уральского объединенной археографической экспедиции: Тез. докл. науч. конф. Екатеринбург, 1998. С.68-71.
- ⁴ Сравнительный анализ Синодиков, принадлежащих Чердынскому монастырю и Пермскому краевому музею, не выполнялся. Но такое исследование необходимо провести, причем с применением историко-генетического, историко-сравнительного и проблемно-хронологического методов. Одновременно необходимо обращение к междисциплинарным методам, поскольку Синодики предстают источником многоплановым – историческим, духовным, палеографическим, лингвистическим, географическим.
- ⁵ В своей первой публикации о Синодике не верно указал происхождение текстов вводной части, определив их как часть Вселенского Синодика: см.: Чагин Г.Н. Синодик Чердыни... С.69.
- ⁶ Некоторые миниатюры опубликованы: см.: Пермь Великая Чердынь: [Фотоальбом]. Пермь, 1999.
- ⁷ Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь, 2005. С.12-13.
- ⁸ В литературе часто излагается легенда о том, будто бы Строгановы происходят от ханского царевича из Золотой Орды. Спиридон – ханский сын – был пленен русскими, но освобожден татарами и «застроган» до смерти «за предательство». Отсюда якобы и пошла фамилия – Строгановы. Однако историки выдвигают версию о новгородском происхождении Строгановых и относят их деятельность к XIV в.
- ⁹ Синодик Г.Д. Строганова в 1925 г. поступил в Пермскую художественную галерею, в которой он хранится в настоящее время. Описание и иллюстрации см.: Искусство пермских вотчин Строгановых. Пермь, 2007. С.201-212.
- ¹⁰ Чердынский краеведческий музей им. А.С. Пушкина. №3727/4.

СТРОГАНОВЫ В ИСТОРИИ РОССИИ И ПЕРМСКОГО КРАЯ

Уже в начале XVI в. среди предпринимателей – солеваров становятся известными представители семейства Строгановых, одной из самых знаменитых фамилий в истории российского предпринимательства.

Богатые вотчинники, промышленники и торговцы Строгановы на протяжении нескольких веков оказывали влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь русского государства. Начало их деятельности относится к XV веку, когда четыре представителя этой фамилии – Спиридон, Кузьма, Лука и Федор, посадские люди, вышедшие из поморского крестьянства, стали основателями могущественного торгово-промышленного дома.

В истории русского хозяйства насчитывается немало торговых домов. Однако лишь немногие из них сумели удержаться «на плаву»: обычно их существование продолжалось не более двух-трех поколений, после чего фамилии сходили с исторической арены, не оставив семейных архивов или других документов, по которым можно было бы судить об их деятельности.

В этом плане дом Строгановых является своего рода исключением, можно сказать, уникальным явлением в истории российского предпринимательства. О Строгановых известно много. Правда, единым этот род был лишь в XV веке. В начале XVI века он распался на три самостоятельные ветви: тотемских, циренниковских и сольвычегодских Строгановых. Первые две ветви угасли к XVIII веку, и лишь сольвычегодская сохранилась до начала XX века. И именно ее представители оставили яркий след в российской истории.

Основы крупного бизнеса и обширного состояния этой семьи заложил Аника Федорович Строганов, отец которого переселился из Новгорода в Сольвычегодск в конце XV века.

Аника Строганов – младший сын Федора, родившийся в 1497 году и умерший монахом Иосифом в 1570-м, был любопытной фигурой в рядах купечества. Расчетливый предприниматель, он построил соляные варницы, а рядом – церкви и другие сооружения. Инстинкты крупного предпринимателя, умело использующего промах конкурента и слабость зависимого от него человека, сочетались в нем с умом и

дальновидностью, расчетом политика, умеющего получить содействие церкви и царской власти. Вечно деятельный, приумножающий свое богатство, изворотливый купец и смелый предприниматель, склонный идти на риск, – таков облик родоначальника сольвычегодской ветви Строгановых. Сам, начав деятельность в 18 лет, Аника рано привлек к делам и своих трех сыновей, заставляя их работать самостоятельно, но умело, направляя и поучая, – передавая им сущность и методы ведения торговых и промысловых дел.

Унаследовав от отца небольшой соляной промысел, Аника многократно его приумножил. Сначала он действует в Сольвычегодске, стремится к монополии в данном округе, всеми правдами и неправдами приобретает варницы и колодцы соседей – солеваров, не останавливаясь и перед применением насилия. Вместе с тем он ведет обширные торговые операции. Как один из богатых купцов, Аника Строганов был уполномочен наблюдать за торговлей англичан, когда те ее открыли через Белое море и Северную Двину. По заказам царя и его двора он приобретал у иноземцев нужные товары. Этот торг с иноземцами приносил большие доходы и самому Анике. Особенно удачно сбывались меха. Стремясь расширить торговлю ими, А. Строганов, его братья, сыновья проникают все дальше на восток, достигают бассейна Камы, выходят на Урал.

В 1560 году Строгановы начали строительство монастыря во имя Преображения Господня, который позднее стал именоваться Пыскорским. Этому монастырю Строгановы для поминовения царского рода пожертвовали «ближние места» к нему – земли от реки Лысьва до реки Нижняя Пыскорка с различными угодьями и несколькими соляными варницами.

Старший тогда из Строгановых, Григорий Аникиевич, бил челом царю в 1558 г., прося его разрешения населять земли по реке Перми и Каме до реки Чусовой.

В своей челобитной грамоте он говорил так об этих местах: «В восьмидесяти осьми верстах от Великой Перми, по реке Каме, по обе ее стороны, до реки Чусовой, лежат места пустые, леса черные, реки и озера дикие и острова и наволоки пустые, а всего пустого леса здесь сорок шесть верст. До сих пор на этом месте пашни не паханы, дворы не ставали и в царскую казну пошлаина никакая не бывала, и теперь эти земли не отданы никому, в писцовых книгах, в купчих и правяжных не записаны ни у кого». При этом Строганов заявлял, что хочет на этом месте городок поставить, снабдить его пушками и пищальями, пушкарей, пищалочников, оротников прибрать для береженья от ногайских людей и иных орд; по речкам до самых вершин и по озерам

лес рубить, расчищая место, пашню пахать, дворы ставить, людей созывать не письменных и не тяглых, рассолу искать, а где найдется рассол – варницы ставить и соль варить.

В 1558 г. по указу Ивана Грозного среднему сыну А. Строганова – Григорию было пожаловано «для всего рода» 3,5 млн. десятин земли на Северо-Западном Урале. В дальнейшем следовали новые пожалования, обширные угодья Строгановы захватывали сами. К концу XVI в. в их распоряжении находилось более 10 млн. десятин земли. Обещая привилегии и льготы, Строгановы привлекали сюда население со всей России. По рекам Каме, Чусовой ими основываются города и крепости. За свой счет они формируют и вооружают их гарнизоны, создают отряды для охраны своих промыслов, поддержания порядка среди работающего здесь люда. Постоянно происходят также стычки и целые войны с местным коренным населением, чьи земли достались столь удачливым предпринимателям. Даже знаменитый поход Ермака в Сибирь был организован на деньги и по инициативе Строгановых.

Здесь же на Урале Строгановы продолжают и добычу соли, основав промыслы Соли Камской. Пользуясь правом беспошлинной торговли, являясь практически монополистами-солепромышленниками в этом регионе, они в большом количестве поставляют соль в Казань, Нижний Новгород, другие города Поволжья и центральной России. Но вместе с тем, как и прежде, они ведут активную торговлю пушниной, рыбой, иными разнообразными товарами. Их богатства растут, а вместе с тем растут и их привилегии. О размахе соляного производства, организованного Строгановыми, свидетельствует численность их работников: 10 тысяч вольнонаемных и 5 тысяч крепостных. Владельцы несметных богатств, чей громадный капитал тогда уже оценивался в 3 млн. золотых рублей, ежегодно платили в казну примерно 250 тыс. золотых рублей. Не случайно московские цари не раз вынуждены были обращаться к солепромышленникам за денежной помощью.

В дальнейшем предпринимательская деятельность Строгановых приходит в упадок: на Урале появляются новые деятели, недостает рабочих рук для добычи и особенно вывоза соли в центральную Россию. На внутренний рынок страны все в большем количестве поступает соль, добытая из озер в Нижнем Поволжье, которая была дешевле вываренной дедовским способом в Строгановских вотчинах. Попытки заняться предпринимательством в сфере металлургии не приносят Строгановым особого успеха. И они, используя свои богатства и титулы, обзаваются именными и крепостными, совершают карьеру на государственной службе, ведут уже типичную жизнь для российской

аристократии, принадлежат к числу наиболее известных ее семейств XVIII-XIX веков.

Как предприниматели Строгановы в XVIII веке более всего известны в качестве владельцев металлургических заводов. Надо заметить, что Строгановы приобщались к металлургии без особого энтузиазма, хотя на территории их обширных вотчин находилось много железной и медной руды.

Заявку на строительство своего первого завода Строгановы подали в 1721 году, и тогда же Берг-Коллегия, ведавшая этими вопросами, разрешила им построить медеплавильный завод на р. Таманке. Однако Строгановы не стали спешить, а занялись этим лишь три года спустя, и завод начал работать только в 1726 году, но действовал не на полную мощность.

Вслед за Таманским заводом Строгановы построили Билимбаевский. Его строительству предшествовала тяжба с Акинфием Демидовым, который делал заявки «про запас», чтобы таким путем избавиться от конкурентов. На этот раз экспансивный Демидов вторгся в пределы владений Строгановых и пытался записать рудники на реке Билимбаихе на свое имя. Барону Александру Строганову, который подал челобитную в Берг-коллегию в обоснование своих прав, пришлось сослаться на привилегию 1719 года, отдававшую предпочтение при постройке заводов владельцам земель, на которых была обнаружена руда. Нахрапистому Акинфию Демидову не удалось тогда выиграть дело у своих именитых соперников (что он много раз несправедливо делал у более слабых). Несомненно, что домогательство Демидова оказало некоторое влияние на строительство Билимбаевского завода.

При строительстве третьего, Юго-Камского завода Строгановым пришлось преодолевать сопротивление уже казны, которая хотела построить там медеплавильные печи и имела приоритет. При поддержке Соляной конторы Строгановым удалось, хотя и не сразу, добиться своего, и они в 1746 году построили завод, допустив при этом ряд нарушений законов.

По этому поводу возник скандал. Строптивный прокурор Берг-коллегии Суворов пытался опротестовать действия Строгановых, но от этого пострадал лишь сам, – настолько было сильно влияние Строгановых при дворе.

Отношения с государством на протяжении нескольких веков у Строгановых складывались по-разному. С одной стороны, представители этой семьи оказывали помощь и московским князьям, и царям, и императорам. Так, по некоторым сведениям, внук Спиридона (основателя династии) Лука Кузьмич в 1445 или в 1446 году выкупил из та-

тарского плена великого князя Василия Васильевича Темного «по великому к нему усердию, знатною суммою денег, не жалея своих пожитков». В Смутное время начала XVII века Максим Яковлевич и Никита Григорьевич Строгановы оказывали денежную и военную помощь правительству Василия Шуйского. Финансовую помощь московским государям, особенно в период Смутного времени, когда в казне не было средств для выплаты жалования ратникам, оказывали и другие представители семьи Строгановых. В одной из грамот Петра I указано, что в период междуцарствия и правления Михаила Федоровича (первого царя из династии Романовых) Строгановы пожертвовали около 850 тысяч рублей, что по тем временам считалось просто астрономической суммой. С другой стороны, и российские самодержцы не забывали об оказанных услугах, предоставляя Строгановым все новые и новые привилегии. Уже Василий Шуйский пожаловал им особый титул «именитых людей» с правом величаться «вичем», то есть полным отчеством, что в то время разрешалось только представителям самых знатных княжеских и боярских родов.

Строгановы подлежали только личному суду царя, их владения были фактически неподвластны воеводам и наместникам. Так сложилось что-то вроде полгосударства со своей администрацией, вооруженными силами и даже «внешней политикой» – еще во времена Ивана Грозного. Строгановы получили право вести военные действия против Сибирского ханства для «покорения оного под Российскую державу».

Земли и промыслы Строгановых долгое время находились в совместном владении всего «рода», т.е. всех потомков Аники Федоровича. В середине XVII в. произошел раздел этого богатства между разными ветвями династии. Но в конце того же XVII в. все владения вновь оказались в руках единственного наследника именитого человека Григория Дмитриевича Строганова. Кроме 10 млн. десятин земли, он имел 20 городов и «острогов», свыше 200 деревень, 15 тыс. душ мужского пола. Опираясь на поддержку властей, он отстоял свои промыслы от конкуренции других солепромышленников, активно сотрудничал с казной в правлении Петра I. В 1722 г. его сын Александр сопровождал Петра I в персидском походе и был удостоен титула барона.

Поход Ермака в Сибирь был также организован на деньги и по инициативе Строгановых. Еще в 1574 году Григорий и Яков Строгановы были вызваны в Москву к Ивану Грозному. В результате состоявшихся бесед братья получили от царя грамоту, которая расширяла их владения на восточную сторону Урала и одновременно возлагала на них вопросы обороны и расширения восточных границ Российского государства. Об этом в грамоте говорится так: «Его царское величест-

во, государь, царь и великий князь Иоанн Васильевич пожаловал им, Строгановым, все те места за Югорским Камнем, в Сибирской Украине, между Сибирью, Нагай и Тахчей и Тобол реку с реками и озерами с устья до вершин, где собираются ратные люди салтана Сибирского; на тех землях позволено им принимать всяких чинов людей, города и крепости строить, и на оных держать пушкарей и пищальников, а ясашных вогуличей от нападков и разъездов татарских защищать, да и в самом царстве Сибирском покорением онаго под Российскую Державу иметь старание; также по реке Иртышу и по Оби Великой людей населять, пашни пахать и угодьями владеть». После смерти родителей их сыновья Максим Яковлевич и Никита Григорьевич были серьезно озабочены охраной своих владений. В 1579 году, узнав, что на Волге разбойничает шайка казаков (ограбившая, в том числе и Карамышева, русского посла в Персию), они решили пригласить ее к себе на службу. В грамоте, посланной предводителям казаков, в числе которых был и Ермак Тимофеевич, говорилось, что они должны «быть не разбойниками, а воинами царя Белого и ...примириться с Россией». «Имеем крепости и земли, – писали Строгановы дальше, – но мало дружины; идите к нам оборонять Великую Пермь и восточный край христианства». Казаки откликнулись на это приглашение и зимой этого же года прибыли к Строгановым. В 1581 году Ермак Тимофеевич, снабженный Строгановыми всем необходимым, начал свой знаменитый поход в Сибирь. В одной из царских грамот утверждается, что Максим Яковлевич и Никита Григорьевич «на помощь ему, Ермаку, в товарищи ратных многих людей наймовали и всему войску помощь чинили, и деньги, и платье, и боевое ружье, и порох, и свинец, и всякий запас к воинскому делу из своих пожитков давали и дворовых людей с ними посылали, и тою службою, радением и посылкою Сибирское государство взяли и татар и остяков и вогулич под нашу (царскую) высокую руку привели». Однако в результате доноса действия Строгановых в Москве были оценены крайне негативно. К ним пришел приказ о том, что когда казаки вернутся из похода, их необходимо арестовать и выдать представителям московской власти. Если же этого не произойдет, то «в том на вас опалу положим большую, а атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, велим перевешати». Это царское послание сильно напугало Строгановых. Вскоре, получив известия об успехах казаков в Сибири, они поехали оправдываться в Москву. В результате царский гнев был сменен на милость, а Строгановы были пожалованы правом беспошлинной торговли во вновь завоеванных землях.

Григорий Дмитриевич (1656 – 1715) с 1688 г. сделался единоличным владельцем всех огромных Великопермских, Зауральских, Сольвычегодских, Устюжских и Нижегородских имений. Огромные средства давали ему возможность оказывать Петру I значительную помощь во время Северной войны; около 1701 г. он на свои деньги снарядил два военных фрегата. Жена его, урожденная Новосильцева, была первой статс-дамой при дворе. Имена Григория Строганова были еще увеличены Петром I по восьми жалованным грамотам, так что в одних только Пермских владениях у него было «на лицо» 44643 человек, да 33235 человек «в бегах и в мире скитающихся».

Сергей Григорьевич (1707 – 1756), барон, генерал-лейтенант, пользовался благосклонностью императрицы Елизаветы Петровны и отличался редкой благотворительностью; в «Академических Ведомостях», по поводу его смерти, было сказано, «что он око был слепых, нога хромым и всем был друг». Любя искусство, он основал богатейшую картинную галерею в своем доме, выстроенном знаменитым Растрелли.

Александр Сергеевич (1733 – 1811), граф, сын предыдущего, был постоянным собеседником императрицы Елизаветы Петровны. В 1761 г. был отправлен к австрийскому двору и здесь получил графское достоинство. В 1766 г. в его доме собирались депутаты, избранные в комиссию по составлению проекта Нового уложения. Как член последней, он особенно настаивал на устройстве школ для крестьян. Екатерина II назначила его сенатором, Павел I – президентом Академии Художеств и директором Публичной библиотеки, Александр I – членом Главного правления училищ и Государственного совета.

В делах благотворительности императрицы Марии Федоровны он принимал большое участие. Покровитель писателей и художников, он занимался нумизматикой, составил обширную галерею картин, коллекции эстампов, медалей, камней и монет; последних у него было свыше 60000 экземпляров. Библиотека его в то время считалась одной из лучших.

В XVIII веке, когда начался процесс «одворянивания», то есть получения купцами дворянских званий, Строгановы одними из первых смогли совершить переход в привилегированное сословие. В 1722 году Александр, Николай и Сергей Григорьевичи Строгановы «за заслуги предков» были возведены в баронское достоинство. Потомки Строгановых, используя свои богатства, получали титулы, делали карьеру на государственной службе, обзаводились именьями и крепостными, то есть вели типичную жизнь российской аристократии. Впрочем, Строгановых отличала одна характерная черта – покровительство предста-

вителям культуры. Уже в конце XVI и начале XVII века Строгановы поддерживали творчество наиболее искусных иконописцев, стремившихся к особому изяществу живописи, заказывая и приобретая их произведения для своих «горниц». В тот период сложилась «Строгановская» художественная школа. В конце XVII века можно говорить и о Строгановском стиле в архитектуре. Именно в этом стиле выполнена церковь Рождества Богородицы в Нижнем Новгороде, построенная на средства Г.Д. Строганова. В XVIII веке первый граф в роду Строгановых Александр Сергеевич (1733 – 1811) стал одним из выдающихся русских меценатов в полном смысле этого слова. Он покровительствовал талантам, как в искусстве, так и в литературе. Его поддержкой пользовались Державин, Бортнянский, Богданович, Крылов. С 1768 года А.С. Строганов являлся почетным членом Академии художеств, а в 1800 году был назначен ее президентом. В 1801 году графу было поручено наблюдение за строительством Казанского собора, проходившим под руководством архитектора Воронихина, который ранее был его крепостным. А.С. Строганов являлся также автором проекта открытия в Санкт-Петербурге Публичной библиотеки, директором которой он и был назначен.

Особой добротой в роду Строгановых прославилась графиня Наталия Павловна (1796 – 1872). Современники отмечали удивительную мягкость ее характера и сердечную кротость. «В особенности отличалась она состраданием к ближнему и вообще неимущим людям; вся ее жизнь вращалась в кругу своей семьи, деяний добра, и другого мира у нее не было. Так она начала свое существование, так и провела всю свою жизнь, так и отошла в вечность».

Её муж - известный благотворитель и меценат – граф Сергей Григорьевич Строганов (1794 – 1882) – с 1835-го по 1847 год был попечителем Московского учебного округа и Московского университета. Этот период современники называли «Строгановским временем». Управляя университетом, Строганов умел находить и поощрять талантливых преподавателей. Грановский, Кавелин, Соловьев, Буслаев, Бодянский – вот только несколько профессоров, которые начали свою университетскую деятельность в это время, а впоследствии стали гордостью российской науки. Под его руководством и на его средства были напечатаны «Древности Российского государства» и целый ряд других изданий, в том числе и те, автором которых был он сам. Большой любитель и знаток живописи и скульптуры, Сергей Григорьевич Строганов оставил о себе память и как основатель первой российской рисовальной школы. В 1825 году он организовал в Москве знаменитое ныне Строгановское училище.

Строгановы – самые первые и самые крупные меценаты Прикамья. Получив по жалованной грамоте Ивана Грозного большую часть территории современной Пермской области, они начали осваивать этот край с особой активностью. Династия Строгановых главенствовала в Прикамье около пятисот лет. Широта их культурно-созидательной деятельности имела поистине государственное значение и лежала в основе культурного процветания края. Не случайно целые направления в разных видах искусства получили наименование «Строгановских». Различают «Строгановскую школу» в архитектуре, иконописи, церковном шитье.

Строгановы обеспечивали и строительство храмов, и наполнение их разнообразной культовой утварью. Известно, что в своих вотчинных землях они организовывали иконописные и золотошвейные мастерские. Подобные мастерские обычно создавались при архиерейских, великокняжеских, царском дворах, однако не при дворах богатых, но не родовитых вотчинников, какими были Строгановы до конца XVII столетия. Меценатство стало для Строгановых некоей семейной традицией, подхваченной позднее другими династиями – купцов Никитиных, промышленников Демидовых, пароходчиков Каменских. Наиболее отчетливы контуры знаменитой Строгановской иконописной школы, прославившейся еще в XIX веке. Сегодня нам известно более ста имен строгановских иконописцев, причем многие их произведения дошли до нашего времени и попали в крупнейшие музеи страны. В Прикамье кроме Пермской галереи отдельные памятники Строгановской иконописной школы хранятся в Березниковском краеведческом музее, в действующей церкви Похвалы Богоматери с. Орел Усольского района, возможно, и в других действующих церквях Пермской области. Самая большая коллекция строгановских икон принадлежит Пермской галерее, где хранятся около пятидесяти памятников, причем половина из них – подписные и датированные иконы конца XVI – первой половины XVII века. Это работы Истома Савина и Никифора Савина, мастера Григория, Семена Хромого, Богдана Соболева и многих других талантливых живописцев. Очевидно, такое обилие имен встречается в Строгановской иконописной школе далеко не случайно. Именно Строгановы впервые по-настоящему оценили индивидуальное мастерство иконописца.

Необычно для того времени и прямое соучастие заказчика в создании художественных произведений – об этом говорят сложнейшие иконографические программы, виртуозное высоко профессиональное исполнение произведений, вышедших из строгановских мастерских. По тонкости, изяществу, богатой «узорочности» строгановские произ-

ведения не имели себе равных в тогдашнее время. Не случайно строгановское искусство выделяется как самое «качественное» художественное явление в позднем периоде Древней Руси.

Среди российских предпринимателей нет, пожалуй, ни одного другого рода, который можно было бы сравнить по древности, по масштабам деятельности и оставленному следу в истории с родом Строгановых. Богатейшие вотчинники, промышленники и торговцы, Строгановы на протяжении пяти веков оказывали заметное влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь России.

Литература

1. Введенский, А.А. Дом Строгановых в XVI-XVII вв. М., 1962.
2. История родов русского дворянства. Т.2. М., 1997.
3. Мартынов, С.Д. Первые из «именитых людей» (Строгановы) // Предприниматели, благотворители, меценаты. СПб., 1993.
4. Захаров, В.Н. Начальный период становления предпринимательства // Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997.
5. Трубинов, Ю.В. Строгановский дворец. СПб., 1997.
6. Кутузов, М. Элиты в русской истории // Экономические стратегии. № 5-6. 2004.
7. Широкова, В.А. Соляные промыслы России // Вопросы истории естествознания и техники. № 3. 2005.
8. Энциклопедия «Брокгауз и Ефрон». Т.62.
9. Сайт «История и археология Урала» (<http://archaeology.hobi.ru>).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МЕЦЕНАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОДА СТРОГОНОВЫХ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

В имперский период Строгоновых, который можно также определить как петербургский, известно семь поколений рода – с IX по XVI колена¹. Этот этап начался с деятельности последнего именитого человека Григория Дмитриевича (1656 – 1715), который во второй раз в истории династии, после Аники Федоровича, сконцентрировал в одних руках владение. К началу XVIII в. Строгоновы имели 10 миллионов десятин земли и примерно 150 соляных варниц. Все это обеспечило базу не только для высочайшего статуса рода вплоть до конца империи, независимости его представителей на государственной службе, роскошной светской жизни и сверхординарного собирательства предметов искусства, но и для исключительного по своему размаху меценатства, которое в начальную пору было связано исключительно с православными храмами. Архитектурная школа Строгоновых рубежа XVII-XVIII вв., главным памятником которой является Храм Рождества Богородицы в Нижнем Новгороде, являлась знаком самодостаточности своего рода «семьи-государства»² накануне петровских преобразований и провозглашения империи.

В начале XVIII в., синхронно с началом Северной войны и основанием Санкт-Петербурга, началось движение династии на запад из Приуралья, где находилась вотчина Строгоновых. Исключительно динамичный Григорий Дмитриевич покинул Нижний Новгород, оказавшийся для него временным пристанищем, и, вероятно, обосновался в Москве, где был построен дом на Швивой горке. Поблизости от города было создано имение Влахернское (Кузьминки). Судя по всему, Григорий Дмитриевич никогда не жил в Петербурге, хотя, вероятно, все же построил одноэтажный дом на Мойке вблизи Зеленого моста и таким образом заложил основу будущего главного здания рода. Заложенный по настоянию царя Петра огромный дом династии вблизи стрелки Васильевского острова, был призван топографически обозначить место Строгоновых в создаваемом государстве, но остался необитаемым из-за малой доступности территории в условиях сурового климата Ингерманландии.

Факт одновременного получения титула представителями одного рода дает нам ценный материал для анализа различных вариантов поведения в равных условиях становления Российской империи. Отцовский капитал явился, с одной стороны, превосходной стартовой площадкой для сыновей Александра (1698 – 1754), Николая (1700 – 1757) и Сергея (1707 – 1756), которые в 1722 г. стали баронами Российской империи (X колено). С другой стороны, исключительное богатство имело и негативные последствия для развития инициативы молодых Строгоновых. Новый социальный статус потребовал от них следования иной, нежели у предков, модели поведения. Малолетство детей и, вероятно, другие обстоятельства привели к появлению первого «строгановского матриархата», которым управляла вдова Григория Дмитриевича Мария Яковлевна (1677 – 1733), также ставшая баронессой. В 1720 – 1730-е гг. прошла первоначальная «легимитизация герба» путем браков юных баронов с представителями знатных родов (Шереметевы, Дмитриевы-Мамоновы, Нарышкины). За ней последовало финансовое и правовое самоопределение отдельного представителя рода, что оказалось необходимым условием продвижения по бюрократической лестнице (1740-е гг.). После смерти баронессы Марии Яковлевны в 1733 г. разрушился патриархальный уклад жизни в Москве. Ее младший сын барон Сергей настоял на делении отцовского имущества, что позволило ему создать в Петербурге собственный двор, являвшийся подобием императорского (на Невском проспекте). Барон, заказавший свой портрет И. Никитину, заложил основы меценатства и собирательства Строгоновых в новых условиях. Он же в начале 1740-х гг. приобрел в окрестностях С.-Петербурга (на Выборгской стороне) землю для так называемой Строгановской дачи – летней резиденции. Хотя Александр Григорьевич имел большое «интеллектуальное развитие», нежели Сергей, он не имел потомков мужского рода и, вероятно, поэтому, а также в связи со своим положением старшего, не проявлял активности. Он, а также Николай Григорьевич, который вместе с тремя сыновьями (Александром, Николаем и Сергеем) скептически отнесся к усвоению западных норм жизни, не покинул старой столицы до смерти. С этого момента можно говорить о двух линиях Строгоновых: московской и петербургской, определяя первую как консервативную, вторую как либеральную при всей условности этих определений. Представители обеих линий жили вдали от вотчины.

Барон Сергей Григорьевич представлял собой экстравагантное соединение промышленника, камергера императорского двора и генерала. Прибавив к богатству образование и светские манеры – это было условием вхождением в элиту дворянского сословия – принадлежав-

ший к XI колену А.С. Строгонов (1736? – 1811)³, не избавившийся до смерти от комплекса купеческого сына, в 1761 г. получил графский титул. К тому времени в столицу перебрались его двоюродные братья, над которыми Александр Сергеевич главенствовал в силу обладания титулом, богатством и образованием, полученным, вероятно, частным образом в Сухопутном шляхетском корпусе, а также во время заграничного путешествия 1752-1757 гг. В этот период Александр Сергеевич чрезмерно увлекся французской культурой, в частности, литературой и весьма скептически относился к просвещению в России. Последующие годы были временем усвоения корпоративных правил, становления меценатства, получения авторитета среди знати Парижа (1770-е гг.) и, наконец, приобретения опыта государственной деятельности, к примеру, в момент работы Комиссии по составлению Нового Уложения (1766-1767 гг.). Выборы в 1784 г. графа на пост предводителя столичного дворянства (на этом посту он оставался до смерти) следует считать блестящим окончанием стремительного процесса вхождения Строгоновых в аристократию. К 1790-м гг. Александр Сергеевич завершил создание и архитектурное оформление своего Кабинета (собрания картин и природных «куръезов» библиотека⁴), а также создал Строгоновский сад – еще один просветительский проект, который был сформирован вокруг так называемой «гробницы Гомера» – подлинной античной вещи, что прежним владельцем в рекламных целях была выдана за саркофаг знаменитого поэта. Соблюдение всех правил поведения аристократа потребовало от графа таких расходов, которые не покрывались даже его исключительными доходами от соляного⁵ и металлургического дела⁶, поддерживать которые, находясь в столице и не имея «кредита» при дворе, он не смог. Особенно «затратным» оказались для него 1800-е гг., когда граф, не прекращая коллекционирования, много сделал для поощрения молодых художников Академии художеств. Президентом этого учреждения, а также главным директором Императорской Публичной библиотеки, Александр Сергеевич являлся в 1800-1811 гг. Для сооружения Казанского собора, своего крупнейшего меценатского проекта, Строгонов привлек прежнего крепостного А.Н. Воронихина⁷, который занимает следующее, по хронологии, место в череде главных воспитанников династии после С. Нарыкова, обстоятельства жизни которого почти неизвестны, и М. Пучинова. Последний благодаря Александру Сергеевичу прошел школу у знаменитого итальянского художника П. Баттони в 1750-е гг., но в Петербурге не нашел себе достойного применения, отчасти из-за чрезмерного увлечения Строгоновым в тот момент Европой. Еще в 1780-е гг. он осознал свои ошибки, а в 1800-е гг. обратил большое внимание

на первые проявления русской школы живописи, собрав произведения И. Никитина и А. Матвеева. В результате неумеренного меценатства граф разорился, оставив после себя долг в 3 миллиона рублей. Этот пример показал другим представителям рода пагубность дальнейшего движения по этому пути и, наряду с иными факторами, послужил поводом для постепенного отхода от усвоенной модели поведения.

В начале XIX в., ознаменованного наполеоновскими войнами, мы наблюдаем в устройстве дома на Невском проспекте, который и ранее имел, по отзывам современников (А. Чарторыйский) «азиатские черты», симптомы возврата к патриархальному устройству. Это проявилось, в частности, в устройстве «открытых столов», на которые собирались не только представители разных социальных слоев (чаще всего объединенных интересом к искусствам), но и всей семьи, соединившийся под одной крышей, причем помимо детей, внуков, племянников Александра Сергеевича в его доме находили уют и дальние родственники, например, брат невестки писатель кн. Б.В. Голицын. Хотя все эти застолья проходили в прежних «европейских декорациях» дома или дачи на Выборгской стороне (летом). Строгонова часто именовали «боярином», отчасти в связи с признанием главой патриотической партии. Кроме того, граф, занимая место президента Академии художеств, деятельно вовлекал общественность в строительство Казанского собора, который в момент сооружения сыграл роль национального монумента. При этом Александр Сергеевич имел чувство баланса между государственными и национальными интересами. Это выразилось, в частности, в дозированном использовании иностранных мастеров в Академии художеств.

Очевидно, что Строгонов хотел «обратить в свою веру» Григория Александровича – единственного жизнеспособного потомка линии барона Николая⁸ (XII колена). Построенный для него Ворониным в 1791-1793 гг. дом был задуман внутри как некое подобие неевского дома династии, то есть как скорее общественное, чем частное жилище, предназначенное для демонстрации коллекций. Однако, судя по всему, барон не имел желания их собирать. К тому же его финансовые возможности были скромнее, чем у графа Александра Сергеевича. В результате в 1804 г. дом был продан дальней родственнице княгине А.Г. Лаваль и только после перестройки Т. де Томона, наполненный, наконец, произведениями искусства, получил музейный дух. Дипломатическая служба казалась для барона Строгонова выходом из затруднительного положения. В том же 1804 г. накануне назначения послом в Испанию Григорий Александрович сдал в аренду предпринимателю А.А. Кнауфу металлургические заводы, причем условия аренды напо-

минали те, что были приняты двоюродным братом его отца четвертью века ранее. В качестве арендной платы купец обязывался нести все расходы по содержанию заводов, исполнять повинности и вносить банковские платежи и страховые взносы за заложенные во Вспомогательном банке и застрахованные в Англии Елизавето-Нердвинский и Екатерино-Сюзвенский заводы. Очевидно, что нуждавшийся в деньгах барон согласился на аренду именно с целью получения этого займа: в результате у него сразу появлялась четверть миллиона рублей, и он освобождался от ежегодных платежей по залогам⁹. Григорий Александрович оставался на дипломатической службе до начала 1820-х гг. К тому моменту ситуация в династии кардинальным образом изменилась.

Несмотря на важность постов Александра Сергеевича и успехи Григория Александровича во внешнеполитической деятельности, высшие достижения Строгоновых на государственном поприще, однако, связаны не с ними, а с Павлом Александровичем¹⁰ – первым представителем рода, который родился графом, имел наставником представителя второго ряда просветителей Ж. Ромма и, наконец, волей обстоятельств оказался свидетелем главных событий французской революции в 1789 г. Тот год, не только завершил оформление «либерала», что пришел на смену фрондированию отца, но и оказал решающее значение на дальнейшую жизнь представителя XII колена рода. В 1790-е гг. Павел стал членом оппозиционного кружка при вел. кн. Александре Павловиче, а в 1802-1804 гг. при Александре-монархе действовал в рамках так называемого Негласного комитета. Окончание его работы без видимых результатов вызвало у графа тяжелый душевный кризис, который не был разрешен малоуспешными попытками дипломатической и военной службы. Павел Александрович не имел желания заниматься хозяйственной жизнью и лишь предпринимал некоторые шаги к отсрочке отцовских долгов Государственному банку. Таким образом, к моменту освящения в 1811 г. Казанского собора и апофеоза рода Строгонова, ясно обозначился хозяйственный кризис рода, который не имел больше возможности продолжать широкую светскую жизнь и заниматься меценатством в прежнем объеме. В связи с этим закономерно выглядит стремительное физическое вымирание графской линии в 1811-1817 гг., когда вслед за Александром Сергеевичем скончались его внук Александр (XIII колено) и сын Павел. Что далее? Возврат в вотчину? Нет.

В сложившихся условиях единственным путем для спасения династии стало учреждение Павлом Александровичем перед смертью нераздельного имения. Ему сопутствовал второй «строгоновский матри-

архат», ибо управительницей всех дел в 1817 – 1845 гг. была графиня С.В. Строгонова, урожд. кнж. Голицына (1775 – 1845). Она не скрывала своего преклонения перед баронессой Марией Яковлевной и именно в честь нее назвала значительно расширенное имение под Петербургом, куда переместился духовный и хозяйственный центр клана Строгоновых-Голицыных на ближайшие тридцать лет¹¹. Строительство, задачей которого было создание вместительного дома на «родной почве», было обусловлено несколькими факторами, главным из которых было стремление объединиться после трагических событий: Отечественной войны 1812 г., на которой Строгонова потеряла единственного сына, и пресечения мужской линии рода барона Сергея Григорьевича. Марьино, удобно расположенное между Петербургом и Москвой, все же было имитацией вотчины, устройством которого Софья Владимировна должна была заниматься¹².

Наследницей нераздельного имения была Наталья Павловна. Ее муж, по условиям акта о нераздельном имении 1817 г., получал титул графа Строгонова. Он достался в 1818 г. барону Сергею Строгонову, потомку барона Николая Григорьевича (также XIII колено). В этот момент обозначился некоторый конфликт двух поколений и двух линий рода по поводу путей дальнейшего развития. Софья Владимировна ощущала себя наследницей Александра Сергеевича, в частности его меценатства и художественной традиции, ориентированной на западноевропейское искусство XVII в. Ее зять Сергей Григорьевич отрицал значение Академии художеств и был сторонником более интенсивного стремления к национальной самостоятельности. Этот конфликт лишь отчасти просматривается в одновременном учреждении Софьей Владимировной Школы горнозаводских, горных и лесных наук в Петербурге и открытием Сергеем Григорьевичем Школы по отношению к искусствам и ремеслам в Москве¹³, ибо объединяющим моментом для обоих было стремление к «полезной деятельности». Компромиссной фигурой оказался А.Е. Теплоухов¹⁴ – следующий после Воронихина «строгановский гений», выдающийся представитель целой плеяды служащих династии (Волеговы, Володины и др.), знаменитый русский лесовод и наиболее знаменитый выпускник Школы Софьи Владимировны, которому помогал и Сергей Григорьевич. До 1845 г., года смерти Софьи Владимировны продолжался переходный период, когда стремление к самобытничеству, в виде «русских обедов» в городском доме, с одной стороны, и англомании в Марьине, куда были доставлены наиболее ценные родовые вещи, архив и даже часть коллекции президента Академии художеств – с другой. Таким образом, было закреплено временное доминирование сельского дома над городским, кото-

рый перестал развиваться после смерти графа Александра Сергеевича, но не мог быть продан по условиям акта 1817 г.

Следует признать, что Сергей Григорьевич не получил образования, а главное воспитания соответствующего статусу главы рода, роль которого ему была назначена в 1817 г. в знак уважения к воинской доблести, прежде всего, и досталась только в 1845 г. после кончины тещи. После этого граф провел в вотчине ряд мероприятий по восстановлению допетровских установлений, прежде всего, в церковной жизни. Граф абсолютно не принимал культуры XVIII-XIX вв. и деятельно участвовал, правда, безуспешно, в поисках самобытной русской формы. В этом смысле весьма важна его контрреформация в вотчине, имея в виду искоренение «светской» или академической иконописи. В то же время сестра Наталья Павловны светл. кн. Е.П. Салтыкова, урожд. гр. Строгонова (1802 – 1868), в 1840-е гг. предприняла попытку реабилитации дома на Невском проспекте, а Павел (1823 – 1911), один из сыновей Сергея Григорьевича, в первые годы правления имп. Александра II (и в качестве манифестации в поддержку его реформ) построил новую версию родового здания на Сергиевской улице в С.-Петербурге¹⁵ (XIV колено). Все это были знаки второй редакции «просвещенной монархии». Знаковой фигурой периода был живописец Ф.А. Васильев, признанный петербургской общественностью, как и Воронихин, незаконнорожденным сыном Павла Сергеевича вследствие огромных финансовых и душевных усилий, затраченных на его воспитание и образование. Пейзажи Васильева играли огромное значение для утверждения национальной школы живописи, начало которой связано с именами И. Никитина и А. Матвеева.

К концу 1860-х гг. по нескольким причинам, в частности из-за начала контрреформ, эта линия исчерпала себя, хотя граф Григорий Сергеевич (1829 – 1910) основал в Риме дом, продолжавший коллекционерские традиции Строгоновых, оставив в них только гедонистическое начало, которым не ограничивался Александр Сергеевич¹⁶. Граф Николай Сергеевич (1836 – 1907) находился под духовным контролем отца, который к 1870-м гг. «поработил» всех родственников, за исключением сына Григория. Момент истины наступил в 1881 г. В период правительственного кризиса Сергей Григорьевич, который и ранее критиковал реформы имп. Александра II, резко выступил против продолжения либерального курса. При помощи своего протезе К.П. Победоносцева, опираясь на «охранительные традиции» семьи, Строгонов добился подписания манифеста о незыблемости самодержавия как истинной русской формы правления. Тем самым, он сформулировал кредо и духовное завещание следующим образом: национальные инте-

ресы выше государственных, в данном случае, в ущерб имперским амбициям.

После смерти графа Сергея Григорьевича, заслужившего, как и Александр Сергеевич, титул «боярина» былой клан претерпел изменения. Теперь в него, помимо Строгоновых и снизивших свое представительство Голицыных, входили кн. Васильчиковы, кн. Щербатовы, а также семья Родзянко. Граф Сергей Александрович, (1852 – 1923)¹⁷, внук Сергея Григорьевича и последний владелец нераздельного имения, чрезмерно педалировал свой аристократизм. Каждую осень он собирал родственников (прежде всего, кн. П.П. Голицына и кн. Б.А. Васильчикова) в Вошьново¹⁸ на «товарищескую охоту», в момент которой восстанавливалось внесловное единство между господами и слугами (XV колено). Кроме того, вне зависимости от хода научной дискуссии по поводу происхождения рода, Строгонов полагал, что он вернулся к истокам рода, происходившего по основной легенде из Великого Новгорода. Это обстоятельство, вероятно, оказывало серьезное влияние на образ его мыслей, в частности, формировало апокалиптические настроения, который также подпитывались переживанием смерти жены, урожд. кнж. Е.А. Васильчиковой, и отсутствия детей. После кончины супруги Строгонов отстранился от художественного наследия предков, которое было почти исключительно западноевропейским по своему происхождению, по условиям акта 1817 г. оставалось в его владении как главы нераздельного имения и не могло быть продано. Также он относился к самому зданию, которое фактически оставил в 1880-е гг. Стремясь быть «только баринном», но не графом (в смысле обязательств по отношению к общеевропейским культурным нормам), оставив себе только «привилегии аристократа». В 1914 г. Сергей Александрович одобрил план создания в доме общедоступного музея, предприняв таким образом еще до второй российской революции XX в. шаги по «национализации» своей собственности.

Сергей Александрович действительно оказался последним представителем рода Строгоновых, но по разным причинам не стал главой клана. Ведущее положение принадлежало его сестре Ольге Александровне (1857 – 1944) и потому мы можем говорить о третьем «строгановском матриархате». Роль идеолога принадлежала кн. Г.А. Щербатову (1850 – 1915), мужу Ольги и владельцу имения Васильевское под Москвой. Известные факты, в частности организация оркестра народных инструментов, в котором играли княгиня и ее сын, указывают на попытку устройства общинной жизни во главе с «князем-боярином» во главе. В отличие от Сергея Александровича, который эмигрировал во Францию, Щербатов принимал активное участие в борьбе с революци-

ей, став одним из учредителей «Союза русского народа». Подпитываясь энергией почвы в усадьбе, Григорий Александрович написал ряд брошюр. В них он настоятельно рекомендовал соотечественникам строить жизнь по правилам православной сельской общины, выступил против города, который являлся разрушителем нравственных начал, и обосновывал принцип противодействия экономической экспансии западных стран. Однако само Васильевское не было центром хозяйственной жизни клана, ибо главная собственность оставалась в руках Строгонова.

В имперский период истории рода можно отметить три кризиса, относящихся каждый раз ко второму десятилетию столетия, связанных с большим военным конфликтом, значительными переменами в жизни страны и семье. Лидерство в такой момент переходило к женщинам, которые испытывали потребность в доме, который мог бы объединить всех членов семьи. В 1710-х гг. после смерти именитого человека Григория Дмитриевича, с именем которого связано достижения величайшего могущества династии, первый «строгоновский матриархат» возглавила Мария Яковлевна. После успешного окончания Северной войны она вместе с сыновьями, которых пыталась удержать в доме на Швивой горке в Москве, стала принадлежать к аристократии. Следующий кризис связан с наполеоновскими войнами, смертями гр. А.С. Строгонова, главного представителя рода в XVIII в., и двух его потомков в течение шести лет. Имение Марьино, созданное гр. С.В. Строгоновой в Новгородской губернии, оказало решающее значение для возрождения династии, находившейся на грани исчезновения. На рубеже XIX и XX вв. имения Васильевское под Москвой и усадьба Вошьово под Порховом конкурировали за право стать единым центром клана Строгоновых-Голицыных-Щербатовых-Васильчиковых, который, все еще обладая мощным экономическим и, главное, духовным потенциалом, являлся столпом империи, но он был не способен предложить модель для ее выживания в XX в. После русско-турецкой войны 1877-1878 гг., убийства императора Александра II и чрезвычайно ранней смерти жены гр. С.А. Строганова, лидерство в клане вновь перешло к женщине – кн. О.А. Щербатовой, урожд. гр. Строгоновой. Ее брат гр. С.А. Строгонов положился на провидение и оказался созерцателем финала империи и своего рода, который в экономическом плане оказался чрезвычайно устойчив, благодаря солеварению. Именно в этом состоит его уникальность. В отличие от других европейских «сверхдинастий» (Медичи, Фуггеры и Вейзеры) Строгоновы выстояли в финансовом отношении даже после отказа от непосредственного руководства делом и значительных трат на художества и просвещение. Бла-

годаря капиталу они получили дворянство и, несколько позже государственные посты. Было бы неправильным относить представителей династии к альтруистам. Безусловно, стремясь вверх и занимаясь меценатством, они рассчитывали еще больше увеличить свое могущество. Однако, по разным причинам, как объективным, так и субъективным, к началу XIX в. род должен был удовлетвориться 10 процентами от максимальной величины вотчины, которая, впрочем, и в данном случае оставалась крупнейшей в стране. Этого было вполне достаточно для сохранения влияния на внутреннюю политику государства и осуществление меценатских проектов, значимость которых впрочем, постоянно снижалась, прежде чем они вовсе прекратились при Сергее Александровиче. История рода Строгоновых в целом в имперский период это история утраты государственного мышления и постепенного перехода исключительного частного богатства в национальную собственность. В известном смысле Строгоновы теперь это только славная фамилия, которая вдохновляет, должна вдохновлять на славные деяния. К сожалению, только в этом смысле династия продолжает существовать.

-
- ¹ Сербов Н.И. Строгановы // Русский биографический словарь. Том. Смеловский – Суворина. СПб., 1909. С.471 – 531. Stroganoff: The Palace and collections of a Russian noble family. General editor P. Hunter-Stiebel. New-York, 2000; Строгановы. Меценаты и коллекционеры. Каталог выставки. СПб., 2003; Купцов, И.В. Род Строгановых. Челябинск, 2001.
- ² Брайцева О.И. Строгановские постройки рубежа XVII – XVIII веков. М., 1977.
- ³ Кузнецов С.О. Пусть Франция поучит нас «танцовать». Создание Строгоновского дворца в Петербурге и своеобразии придворной культуры России первой половины XVIII века. СПб., 2003; Кузнецов С.О. Не хуже Томона. Государственная, меценатская, собирательская деятельность рода Строгоновых в 1771 – 1817 гг. и формирование имперского облика С.-Петербурга. СПб., 2006; Шмидт С.О. К юбилею П.П. Дубровского: Дипломат-коллекционер в контексте развития отечественной культуры и общественной мысли второй половины XVIII – начала XIX века // Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005. С. 267 – 355.
- ⁴ Елагина Н.А., Сомов В.А. Каталоги библиотеки графов Строгановых в отделе рукописей РНБ (К вопросу о реконструкции строгановского книжного собрания) // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. СПб., 2001. С. 222 – 234; Сомов В.А. Круг чтения петербургского общества в начале 1760-х годов (Из истории библиотеки графа А.С. Строганова) // XVIII век. Сборник 22. Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб., 2002. С. 200 – 234.
- ⁵ Харитонova Е.Д. Солеваренная промышленность Прикамья в XVIII веке (К вопросу о генезисе капиталистических отношений в промышленности). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. историч. наук. Пермь, 1971.
- ⁶ Павленко Н.И. История металлургии в России. Заводы и заводладельцы. М., 1962; Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.
- ⁷ Гримм Г.Г. Архитектор Воронихин. М.-Л., 1963.
- ⁸ Саплин А.И. Российский посол в Испании // Вопросы истории. № 3. 1987. С. 178 – 184; Кудрявцева Е.П. Российский посланник в Константинополе Г.А. Строганов // Портреты российских дипломатов: Сб. научных трудов. М., 1991. С. 27 – 46; Кудрявцева Е.П. Российский дипломат Г.А. Строганов (1770-1857) // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 153 – 165.

- ⁹ Неклюдов Е.Г., Купец А.А. Кнауф и его кредиторы: первый опыт иностранного предпринимательства в горно-заводской промышленности Урала // Известия Уральского государственного университета. № 31. 2004. С. 83-101.
- ¹⁰ Vissac M. de. *Romme le Montagnard*. Clermont-Ferrand, 1883; Бартенов П.И. Жильбер Ромм (1750 – 1795). К истории русской образованности нового времени // РА. М., 1887. Вып. 1. С.5-38; Николай Михайлович, великий князь. Граф Павел Александрович Строганов (1774 – 1817). Историческое исследование эпохи Александра I: В 3 т. СПб., 1903; Le comte Paul Stroganov [par] Le Grand-Duc Nicolas Mikhaïlovitch de Russie. Traduction française de F. Billecocq; précédée d'un avant-propos par Frédéric Masson. Paris, 1905; Чудинов А.В. «Русский принц» и француз-«царевича» (История необычного союза в документах, исследованиях и художественной литературе) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (К 95-летию со дня рождения). М., 1998. С. 88 – 120.
- ¹¹ Трубников А. Княгиня Голицына в Марьино и Городне // Старые годы. 1910. Июль – сентябрь. С.153 – 181; Рахманина Е.Н., Трубинов Ю.В. Усадьба Марьино: Памятник творчества крепостных // Строительство и архитектура Ленинграда. 1973. № 2. С.32 – 33; Седова Г.М. Помещичьи крестьяне Северо-Запада России в первой половине XIX века. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. истор. наук Л., 1989; Кузнецов С. Марьино: несостоявшийся мемориал 1812 году // Наше наследие. 2002. № 61. С.31 – 34; Кузнецов С.О. Новые сведения о работах графини Строгановой по переустройству лесного хозяйства в имении «Марьино» // Известия Санкт-Петербургской Лесотехнической академии. Вып. 177. СПб., 2006. С. 207 – 225.
- ¹² Шустов С.Г. Пермское имение графов Строгановых в первой половине XIX века. Пермь, 2006.
- Строгановым. Ее возникновение и развитие до 1860 г. М., 1901.
- ¹³ Гартвиг А. Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам, учрежденная в 1825 г. гр. С.Г. Строгановым. Ее возникновение и развитие до 1860 г. М., 1901.
- ¹⁴ Голохвастова Н.В. Крепостные служащие в системе управления Уральского горнозаводского управления в конце XVIII – первой половине XIX века (на примере пермских вотчин Строгановых). Пермь, 2004.
- ¹⁵ Г [ригорович] В.Д. Дом П.С. Строганова на Сергиевской улице // Пчела. 1875. №1 – 4. С. 8, 9, 11, 12, 26 – 28, 39 – 41, 49 – 52 (нумерация сквозная); Липгарт, Э., фон. Дар графа П. С. Строганова Императорскому Эрмитажу // Старые годы. 1912. Апрель. С. 33 – 45; Коршунова, М.Ф., Кузнецов С.О. Особняк графа Павла Сергеевича Строганова: ул. Чайковского, Д.11 // Петербургские чтения 97. Ред. совет под пред. Т. А. Славинной. СПб., 1997. С.440 – 443; Кузнецов, С.О. Строгановские fond's d'ог. Живопись XIV – XV веков в собраниях Сергея Григорьевича Строганова и его сыновей – Павла и Григория // Судьбы музейных коллекций: Материалы VII Царскосельской научной конференции. СПб., 2001. С.246 – 272; Муравьева Е.Н. П.С. Строганов и Общество поощрения художеств // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. Отв. ред. В.В. Барабанов. СПб., 2002. С.55 – 58; Муравьева Е.Н. Благотворительность П.С. Строганова (по материалам тамбовской периодической печати) // Герценовские чтения 2000. Актуальные проблемы социальных наук: Сб. научных статей. Отв. ред. В.Ю. Сморгунова. СПб., 2000. С.43 – 45; Кузнецов С.О. Граф П.С. Строганов – рисовальщик, коллекционер и меценат. Опыт краткой биографии // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Вып. 4 (44). Тамбов, 2006. С. 423 – 426.
- Врангель Н., Трубников А. Картины собрания графа Г.С. Строганова в Риме // Старые годы. 1909. Март. С.115 – 138; Халпахчян В. Римский дворец графа Г.С. Строганова в акварелях Ф.П. Реймана // Пинакотекa. 2003. № 16 – 17. С.184 – 195; Халпахчян В. Биография одного шедевра. «Мадонна» Луччо из римской коллекции графа С.Г. Строганова (1829 – 1910) // Наше наследие. 2004. С.16 – 25.
- ¹⁶ Врангель Н., Трубников А. Картины собрания графа Г.С. Строганова в Риме // Старые годы. 1909. Март. С.115 – 138; Халпахчян В. Римский дворец графа Г.С. Строганова в акварелях Ф.П. Реймана // Пинакотекa. 2003. № 16 – 17. С.184 – 195; Халпахчян В. Биография одного

- шедевра. «Мадонна» Дуччо из римской коллекции графа С.Г. Строганова (1829 – 1910) // Наше наследие. 2004. С.16 – 25.
- ¹⁷Кедров Н. Дядя Сережа или Моряк в седле // Щербатово (Марьино). Православный историко-краеведческий альманах. Вып. 1(6) // М., 2000. С.103 – 137; Кузнецов С.О. «Я потерял веру в земное счастье». Жизнь графа С.А. Строганова в России (1852-1907) // Краеведческие чтения «Порхов – Холомки»: Материалы научной конференции 21 – 23 сентября 2001 г. / Сост. Л. Т. Васильева. Псков, 2002. С. 46 – 71; Кузнецов С.О. Сергей и Ольга Строгоновы. Перипетии жизни аристократических жителей села Вольшово. 3. Судьба строгановского художественного наследия. 4. С берега Шелони на берег Москва-реки. Приложение. «Мое любимое место было Васильевское ...». Фрагмент из воспоминаний князя Г.А. Щербатова «Моя жизнь» (пер. и комм. С.О. Кузнецова) // Краеведческие чтения «Порхов – Холомки». Материалы научной конференции 20 – 21 декабря 2002 г. / Сост. Л. Т. Васильева. Псков, 2003. С. 159 – 213; Кузнецов С.О. «Порядочных собак очень мало». Охотничьи интересы Сергея и Ольги Строгоновых в течение 1880 – 1890-х гг. // Краеведческие чтения. Порхов-Холомки. Материалы науч. конф. Псков, 2006. С.78 – 112; Кузнецов С.О. «Считаю патриотическим долгом продолжать производство снарядов». Граф С.А. Строгонов как гражданин и промышленник в период Первой мировой войны // Научно-технические ведомости Санкт-петербургского Государственного политехнического университета. Вып.6 – 3. СПб., 2006. С.170 – 174.
- ¹⁸Проскуракова Г.В. «Вольшовская старина» / подготовка текста Н.Н. Масленниковой // «Псков». № 3. С.10 – 29; № 4. С.11 – 29; № 5. С.11 – 22; № 6. С.5 – 16; № 7. С.8 – 21; № 10. С.23 – 32; № 11. С.3 – 20; № 12. С.96 – 106; № 13. С. 11 – 22.

РАЗДЕЛЫ ВЛАДЕНИЙ СТРОГАНОВЫХ И ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ ГОРНОЗАВОДСКИХ ВОТЧИН В ПРИКАМЬЕ В XVIII ВЕКЕ

Строгановы, появившиеся во второй половине XVI в. в Прикамье, сыграли важную роль в хозяйственном и культурном развитии этого отдаленного восточного региона. В конце XVII – начале XVIII в. все принадлежавшие им, а также новоприобретенные земли оказались сосредоточены в руках одного из наиболее ярких представителей этой известнейшей династии – Григория Дмитриевича Строганова. Его владения составляли в общей сложности, по одним данным, 10,8 млн. десятин земли¹, по другим, 7,9 млн².

После смерти в 1715 г. Г.Д. Строганова, а затем и его жены Марии Яковлевны, в 1747 и 1749 гг. последовали разделы наследственных земель и хозяйства между тремя их сыновьями баронами Александром, Николаем и Сергеем Григорьевичами Строгановыми. Проведенным разделам предшествовала серьезная подготовительная работа. В нашем распоряжении имеется интересный документ – копия выписки из указа Строгановых от 1 января 1745 г. о намерении «их превосходительств к разделению пермских вотчин на три части». Из документа выясняется, что важная роль в подготовке первичных материалов, касающихся в данном случае раздела 1747 г., отводилась строгановским приказчикам, мирским старостам и выборным из числа «первостатейных крестьян людей добрых о состоянии вотчин подлинно знающих», на которых возлагалась задача «описать со всякою верностью» «обще во всех частях принадлежащие угодья, то есть пашенные земли, сеньные покосы, состоящие леса, рыбные ловли и протчее»³.

Первый по времени раздельный акт был подписан баронами 20 мая 1747 г. В дореволюционных трудах он обычно фигурировал под названием «вотчинный». Разделу подлежали, однако, не только вотчинные земли с селами и деревнями, но и заводы с принадлежавшими к ним рудниками. Главный принцип проводимой акции заключался в том, чтобы осуществить ее «по справедливости» при делении земель, крепостного населения, имущества на три равные части. Для предотвращения обид и недовольства со стороны участников как этого раздела, так и 1749 г., они проводились на основе жеребьевки в присутствии медиаторов – поверенных. В качестве таковых выступали лица, зани-

мавшие высокое положение в российском обществе, обер-прокурор Синода князь Я.П. Шаховской и камергер А.И. Бутурлин⁴.

По разделу 1747 г. во владение А.Г. Строганова перешли земли с 15 селами, не считая многочисленных деревень и починков, а также недостроенный Югокамский медеплавильный и передельный завод и до 16,5 тыс. душ крепостных муж. пола. Н.Г. Строганову достались земли с 12 селами и большим числом деревень, Таманский медеплавильный завод и около 17,5 тыс. крепостных муж. пола. С.Г. Строганову, соответственно, отошли земли с 12 селами и рядом деревень, Билимбаевский доменный и передельный завод и 16,8 тыс. крепостных⁵.

Важное значение для Строгановых имел также так называемый «соляной» раздел, состоявшийся 14 декабря 1749 г. Акт раздела соляных промыслов, как и «вотчинного» 1747 г., опубликован крупнейшим дореволюционным уральским историком А.А. Дмитриевым⁶. По «уверстанию» 1749 г. каждый из баронов получил в вечное владение выделенные части Новоусольских, Ленвенских, Зырянских и Чусовских соляных промыслов с лесными угодьями, приписанными к промыслам работниками и т.д. В раздельном акте содержался ряд уточнений в отношении уже «распределенных» между владельцами заводов, земель, речь шла и о судьбе сольвычегодского строгановского имения. В документе указывалось, что наследственные сольвычегодские земли переходят во владение Александра и Николая Строгановых, каждому «по половине»⁷. Передача им данной родовой вотчины явилась своеобразной компенсацией в связи с получением в результате жеребьевки их младшим братом С.Г. Строгановым более крупного Билимбаевского доменного и передельного завода.

У исследователей и краеведов, касавшихся темы разделов строгановских вотчин в 1740-е гг., сформировалось мнение, что в отличие от других владельцев, занимавшихся дележом наследства, сопровождавшимся обычно острыми конфликтами и семейными скандалами, бароны Строгановы действовали безупречно, проявляли заботу об общих интересах и интересах каждого из братьев. Но, пожалуй, лучше согласиться с утверждением видного историка Н.И. Павленко, что Строгановы просто «умудрялись не выносить сор из избы и не давали повода для вмешательства комиссий»⁸. И действительно, в процессе подготовки «разделительных» документов и даже после их подписания, братья выражали «неудовольствия» и взаимные претензии. Особое недовольство со стороны Н.Г. и С.Г. Строгановых вызывали действия их старшего брата, который играл главную роль в проведении разделов.

В Госархиве Пермской области сохранились, например, в копиях несколько писем А.Г. и С.Г. Строгановых, относящихся к концу 1747 –

началу 1748 г., когда уже был проведен «вотчинный» раздел. Хотя все братья подписали отдельный акт 1747 г., тем не менее С.Г. Строганов уведомлял Александра Григорьевича о нехватке в своих вотчинах приказчиков и подьячих и требовал возместить возникший дефицит за счет «общих наших служителей, обитающих при соляных промыслах и комиссии дровяного заготовления». Отказывался он «принять во владение» доставшийся ему по жребью Билимбаевский завод, ссылаясь на его убыточность. Главное же, что не устраивало С.Г. Строганова, – он сомневался в должной «уравнительности» проведенного раздела⁹.

Еще в большей мере выражал недовольство действиями старшего брата и в какой-то мере результатами дележа родового наследства Николай Григорьевич Строганов. В 1750 г., когда разделы были уже завершены, он писал о «несносных обидах», нанесенных ему А.Г. Строгановым и его людьми, отчего он «утратил много своего здоровья»¹⁰. Свои претензии Н.Г. Строганов изложил в 14 пунктах в письме к некоему Иоанну Иоанновичу, выступавшему, как можно считать, посредником в урегулировании взаимоотношений между братьями. «Обиды» Николая Строганова сводились к следующему. Он считал, что те договоренности, которые существовали между наследниками при разделе вотчин в 1747 г., не были в полном объеме выполнены, отчего в той части, которая досталась ему во владение, оказались «многие недостатки». Особое же «утеснение» интересам Н.Г. Строганова было сделано в результате раздела соляных промыслов в 1749 г. Вину за это он возлагал на старшего брата, который, как считал автор письма, взял к себе «в промысловые дела» «по своей воли без жеребья лучших» приказчиков и крестьян, а ему отдал «старых и негодных», ограничивал его в получении средств на действие промыслов из общего капитала, при решении вопросов никогда не считался с мнением ближайшего «единоутробного» родственника и пр.¹¹

Как завершился этот семейный конфликт, связанный с разделами наследственных владений между баронами Строгановыми мы не знаем. «Сор из избы» на более широкое обсуждение ими вынесен не был. Известно только, что на рубеже 1740-х – 1750-х гг. предпринимались частные попытки примирить конфликтующие стороны. Заключенные же братьями отдельные акты 1747 и 1749 гг., имевшие законную силу, привели к образованию трех самостоятельных вотчинно-промысловых и заводских хозяйств.

Судьба этих обширных владений сложилась по-разному. Если имение С.Г. Строганова продолжало оставаться в руках его наследников и потомков, то вотчины двух старших братьев, Александра и Николая, в

середине и второй половине XVIII в. подверглись дальнейшему дроблению. Вначале эта участь постигла хозяйство Александра Григорьевича Строганова. Он владел в Прикамье землями, лежавшими в Обвинском, Орловском и Чусовском округах, с селами в бассейне р. Камы – Полазнинским, Верхне- и Нижнемуллинскими, Беляевским, Крыловским, Паинским, Таборским; по р. Чусовой – Калининским и Камасинским; по р. Сылве – Кишертским, Сергинским и другими, не считая многочисленных деревень и починков. Александру Строганову принадлежала также треть Новоусольских, Ленвенских, Зырянских и Чусовских соляных промыслов с рассолоподъемными трубами и варницами. Из других важных промышленных объектов в вотчине действовали уже упомянутые ранее Югокамский медеплавильный и передельный завод, доставшийся Строганову по разделу 1747 г., и построенный в 1752 г. иждивением самого владельца Кусье-Александровский доменный и передельный завод¹².

А.Г. Строганов вынашивал планы дальнейшего развития вотчинного хозяйства, но их осуществлению помешала смерть барона, последовавшая в ноябре 1754 г. Владения унаследовали его последняя, третья, жена Мария Артемьевна, урожденная Загрязская, и дочери: пятнадцатилетняя Анна от второго брака Александра Григорьевича с Еленой Васильевной Дмитриевой-Мамоновой и шестилетняя Варвара от брака с Марией Артемьевной. При несовершеннолетию дочерей управление вотчиной вплоть до 1757 г. находилось в руках деятельной М.А. Строгановой. Продолжая дело мужа, она построила в 1754-1756 гг. Хохловский медеплавильный завод, тогда же, получив разрешение Берг-коллегии, приступила к строительству Нытвенского завода, а также расширила действие Кусье-Александровского завода, где была пущена вторая домна¹³. В результате активного заводского строительства, развернувшегося в середине и второй половине 1750-х гг., металлургическое производство в пермской вотчине Строгановых приобрело если не ведущее, то самостоятельное значение.

Однако в комплексном виде в рамках единого вотчинно-промыслового и заводского хозяйства данное обширнейшее имение сохранялось недолго. «Принадлежность наследниц к разным фамилиям» и приближающееся замужество Анны Александровны Строгановой, вскоре ставшей Голицыной, ускорили разделы вотчины, что положило начало появлению в Прикамье новых горнопромышленников.

Примечательно, что первый по времени раздел владений А.Г. Строганова состоялся 13 сентября 1757 г., за два дня до брака князя М.М. Голицына и А.А. Строгановой. Поэтому Анна Александровна фигурировала в раздельном акте под своей девичьей фамилией¹⁴. Обстоятель-

ства дела заставляли его участников торопиться. В результате раздел 1757 г. проходил в условиях, когда была подготовлена далеко не вся необходимая для этого документация. Этим можно объяснить тот факт, что хотя в акте 1757 г. и говорилось о разделе пермских, сольвычегодских и других строгановских родовых, пожалованных и купленных вотчин «со всякими угодья и всяким же господским домовым строением, конскими заводами, рогатым и мелким скотом и птицами», а также с соляными промыслами «на указные части»¹⁵, раздел коснулся в первую очередь крепостного населения. Кроме того, в документе достаточно четко были обозначены доли каждой из наследниц в землях и крепостных в имениях А.Г. Строганова, расположенных в центральных районах страны. Что же касается пермской вотчины, соляных промыслов, то в отношении их была сделана существенная оговорка: раздел должен был произойти при условии получения «надлежащих расписаний» этих владений, иначе говоря, при наличии соответствующих документов.

Из материалов отдельного акта также выясняется, что в общем владении наследниц по-прежнему оставались и все четыре завода – Югокамский, Кусье-Александровский, Хохловский и Нытвенский, но такое положение было временным. В документе, в частности, указывалось, что данные предприятия находятся в совместном распоряжении М.А., А.А. и В.А. Строгановых «по время как из вышеписанных заводов Нытвенский и Хохловский приведены будут в совершенное действие, да вдобавок по уравнительному уверстанию к разделу построен будет на речке Гремячей доменной для плавки чугуна завод»¹⁶. Но последнее предприятие по каким-то причинам построено не было.

Незавершенный характер раздела 1757 г. не мог не повлечь за собой нового «уверстания» прежнего владения А.Г. Строганова. Следствием стало появление отдельного акта 15 мая 1763 г., который касался собственно заводского хозяйства. Согласно ему баронесса М.А. Строганова получила в собственность «без жеребья» Хохловский завод «со всяким строением», оцененный в 3650 рублей. Ее падчерица Анна Александровна, в то время уже княгиня Голицына, становилась владелицей Нытвенского завода, оценочная стоимость которого составляла 7678 рублей, и половины Кусье-Александровского. Варваре Александровне Строгановой, вышедшей через несколько лет замуж за князя Б.Г. Шаховского, по разделу достался Югокамский завод стоимостью 5300 рублей и вторая половина Кусье-Александровского завода¹⁷.

Тогда же, в 1762-1763 гг., наследницы А.Г. Строганова подавали в различные инстанции неоднократные прошения о разделе соляных

промыслов покойного владельца. По именному высочайшему указу и определению Главной соляной конторы в августе 1762 г. им предписывалось составить подробное «расписание» промыслов «для разделу оных на указные части». Работа над ним была закончена весной следующего года и все материалы с обстоятельным описанием промыслового оборудования, «варничного, машинного и анбарного строения», вплоть до определения «доброты рассолов», были направлены в марте 1763 г. в Главную соляную контору для рассмотрения и утверждения «упоминаемых Пермских Новоусольских, Ленвенских и Зырянских промыслов с показанными принадлежностями, что кому по тому расписанию в раздел по частям написано»¹⁸. В конце апреля того же года баронессы Строгановы и княжна Голицына подали в соляную контору новое прошение, но оно касалось уже раздела между ними Чусовских соляных промыслов «по части А.Г. Строганова»¹⁹.

Как же сложилась дальнейшая судьба этих наследственных строгановских владений с их заводами и промыслами? Хорошо известно, что разделы вотчин А.Г. Строганова производились из расчета: одна седьмая их часть достается его вдове – М.А. Строгановой и по три седьмых – каждой из дочерей. Мария Артемьевна владела своим пермским имением вплоть до 1780-х гг. В августе 1784 г. по купчей записи она продала дворянину И.Л. Лазареву свои прикамские земли, деревни и села с крепостными крестьянами и принадлежащий баронессе Хохловский завод, за исключением небольшой доли в Кусье-Александровском заводе и доставшихся ей угодий по р. Чусовой, на общую сумму 160 тыс. рублей²⁰. За два месяца до предстоящей сделки между М.А. Строгановой и Лазаревым, 18 июня 1784 г. состоялся раздел земель по р. Чусовой, находившихся до того в общем владении наследниц. В нем участвовали княгиня Анна Голицына и Варвара Шаховская. Хотя старшая в роду М.А. Строганова в разделе непосредственно не участвовала, в раздельном акте говорилось о выделении ей указной части угодий – земель по р. Усьве, «с устья оной по обе стороны», за исключением верховой реки (после смерти Строгановой в 1786 г. эти владения были поделены между княгинями). В свою очередь А.А. Голицыной досталась так называемая вижайская часть чусовских земель по рекам Вижаю, Вильве и верховья р. Усьвы с левой ее стороны. В.А. Шаховской же отошла койвенская часть Почусовья по рекам Койве, Лысьве и верховья р. Усьвы по течению с правой стороны²¹. В документе фиксировались и условия владения закрепленными в собственность территориями: безусловное и полное распоряжение полученными землями и угодьями, «не учинение» каждой из княгинь друг другу «ссор, обид, утеснений». Оговаривалась также «воль-

ность» владелиц «заводы пыльные и мучные мельницы и другие подобные тому строения, что заблагорассудится, строить без малейшего препятствия, спору и прекословия»²², но, естественно, лишь на принадлежавших им землях.

Став владельцами обширных уральских вотчин, Голицыны и Шаховские увидели путь к укреплению своих хозяйств и увеличению прибылей в первую очередь в развитии заводского производства. Помимо полученных по разделам предприятий, Голицыными в 1785 г. был построен Архангело-Пашийский доменный и передельный завод, Шаховскими в 1787 г. – Лысьвенский и в 1788 г. – Бисерский доменные и передельные заводы. Все это усиливало производственную специализацию вотчин.

Примерно в то же время, когда происходил раздел имения старшего из «Григорьевичей», Александра, дроблению подверглась и треть прежней вотчины Г.Д. Строганова, которая досталась по наследству среднему его сыну Николаю Григорьевичу. По отдельным актам 1747 и 1749 гг. Н.Г. Строганову отходили села: на Каме – Орел-городок и Усть-Косвинское, по Иньве – Кыласово, Майкор и Купросское; по Обве – Рождественское, Дмитриевское, Усть-Нердвинское, Кокшаровское, Зюкайское и другие, треть соляных промыслов. По жеребьевке он получил также малопроизводительный Таманский медеплавильный завод, однако его деятельность нового владельца в полной мере не устраивала. Строганов даже пытался организовать при заводе железоделательное производство. Горнозаводское хозяйство в вотчине в дальнейшем было расширено: в 1756 г. построен Пожевской доменный, передельный и медеплавильный завод, в 1761 г. – Кыновский доменный, тогда же было приступлено к строительству первоначально медеплавильного Чермозского завода.

В 1762 и 1763 гг. вотчина Н.Г. Строганова была разделена между его сыновьями – баронами Григорием, Сергеем и Александром Николаевичами. Каждый из них получил треть Усольских, Ленвенских, Зырянских и Чусовских соляных промыслов из той части, которая принадлежала прежде их отцу. «По справедливости» были разделены между братьями села с деревнями. Разделу подлежали также владения Н.Г. Строганова, находившиеся за пределами Пермского края, в Московском, Переяславском, Дмитриевском, Арзамасском, Алексинском, Алатырском, Каширском, Нижегородском уездах, которые «были отписаны» главным образом двум старшим сыновьям. Младший, Александр, в свою очередь получил земли, помимо пермских «у Соли – Вычегодской и в Великоустюжском уезде»²³. Переходили в их собственность и заводы. Строившийся Чермозский достался Г.Н. Строгано-

ву, Пожевской – С.Н. Строганову, а Таманский и Кыновский заводы получил А.Н. Строганов.

Впрочем старшие братья, Григорий и Сергей, не отличались рачительностью в ведении хозяйственных дел. Так в сложном положении на рубеже 1760-1770-х гг. оказалось имение С.Н. Строганова. Испытывая большие финансовые затруднения Сергей Строганов перед смертью, последовавшей в 1771 г., велел душеприказчикам продать свое пермское имение «все без остатка». В мае 1773 г. вотчина С.Н. Строганова, доставшаяся по наследству малолетнему сыну Александру, была продана опекунами наследника «для расплаты долгов» тайному советнику и сенатору Всеволоду Алексеевичу Всеволожскому за 300 тыс.рублей. Наряду с землями и соляными промыслами в руках нового владельца оказался Пожевской завод «со строением, материалами и припасами и с медными и железными единственными и общими рудниками»²⁴.

Аналогичная участь постигла также вотчину Григория Николаевича Строганова. После кончины барона в начале 1777 г. его пермское имение вскоре было продано с аукциона за долги. Новым владельцем стал представитель известного армянского рода Иван Лазаревич Лазарев, незадолго до этого возведенный в российское дворянство. Купчая крепость с ним была заключена 20 апреля 1778 г., стоимость имения составила 450 тыс. рублей²⁵. В состав новоприобретенного владения входили 354, 6 тыс. десятин земли, Чермозский завод, соляные промыслы; численность крепостного населения в вотчине превышала 7 тысяч ревизских душ. Кроме того, как уже говорилось, в руках И.Л. Лазарева оказалось и купленное у баронессы М.А. Строгановой имение с Хохловским заводом.

В 80-90-е гг. XVIII в. горнозаводское хозяйство Лазаревых было пополнено за счет построенных владельцем Кизеловского доменного и передельного завода (1789 г.) и Полазнинского передельного (1798 г.). Ему же принадлежала часть земель и до двух десятков варниц в Новом Усолье и Ленве.

Таким образом, в следствии разделов и продажи части строгановских вотчин в Прикамье сложились в XVIII в. новые владельческие хозяйства Голицыных, Шаховских, Всеволожских и Лазаревых. Что же касается собственно строгановского комплекса, то произошло его масштабное сокращение. В результате к концу столетия во владении Строгановых осталось только четвертая часть их некогда обширных земель²⁶. Сами же взаимоотношения заводчиков – вотчинников после проведенных разделов перешли в иную плоскость. Наличие большого количества общих земельных дач, запутанность прав владения поро-

дили обилие территориальных претензий и споров между горнозаводчиками, которые продолжались и в следующем XIX веке.

- ¹ Мухин В.В. История горнозаводских хозяйств Урала первой половины XIX в. Уч. пособие. Пермь, 1978. С.5. Можно высказать предположение, что существующая разница в цифрах, касающихся размеров строгановских владений в начале XVIII в., обусловлена тем, что исследователем учтены данные не только о пермских, но и о других вотчинах Г.Д. Строганова.
- ² Род Строгановых: Культурно-исторические очерки / Т.Г. Мезенина, А.Г. Мосин, Н.А. Мудрова, Е.Г. Неклюдов. Екатеринбург, 2007. С.136.
- ³ ГАПО. Ф.280. Оп.1. Д.3. Л.83, 83 об.
- ⁴ Там же. Д.2. Л.162, 164.
- ⁵ Волегов Ф.А. Историко – статистические таблицы на Пермские имения господ Строгановых с 1558 по 1850 год // Памятная книжка и адрес – календарь Пермской губернии на 1889 год. Пермь, 1888. Приложение. С. 28, 29.
- ⁶ Дмитриев А.А. Материалы к истории рода Строгановых за последние два столетия. Пермь, 1883. Ст. 1. С. 1-23; Ст. 2. С. 1-21.
- ⁷ Там же. Ст. 1. С. 20.
- ⁸ Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века: заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 59.
- ⁹ ГАПО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 5. Л. 2, 4, 4 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 7 об.
- ¹¹ Там же. Л. 6, 7.
- ¹² Дмитриев А.А. Указ.соч. Ст. 3. С. 15, 16.
- ¹³ Павленко Н.И. Указ.соч. С. 392.
- ¹⁴ ГАПО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2. Л. 90.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 91 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 172.
- ¹⁸ Там же. Л. 173, 173 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 174.
- ²⁰ Волегов Ф.А. Указ.соч. С. 34.
- ²¹ ГАПО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 73. Л. 1 об. 7.
- ²² Там же. Л. 3 об.
- ²³ Волегов Ф.А. Указ.соч. С. 36, 37.
- ²⁴ Там же. С. 38, 39.
- ²⁵ Там же. С. 38. О появлении Всеволожских и Лазаревых в Прикамье, формировании их горнозаводских хозяйств см. более подробно: Мухин В.В. Складывание уральской горнозаводской вотчины Всеволожских // Из истории края. Пермь, 1964. С. 35-53; Чернявская Т.А. К истории возникновения капиталов и горнозаводского хозяйства Лазаревых // Исторические записки. М., 1980. Т. 105. С. 273 – 279.
- ²⁶ Род Строгановых... С. 147.

«КЫШТЫМСКОЕ ДЕЛО» ГРАФА А.Г. СТРОГАНОВА

В первой половине 1826 г. в восточной части Пермской губернии работала «Комиссия розыскания похищения золота на Урале» под руководством статского советника Д. Пасенко. Каслинский штейгер Хлобыстин подал в Комиссию «извет», в котором числе прочего сообщил, что «во время проезда покойного государя императора Александра I через Пермскую губернию за одно намерение подать на высочайшее имя просьбу два крестьянина Кыштымского завода, Косолапов и Седельников, по приказанию Зотова (управляющего Кыштымскими заводами – *В. Ш.*) застрелены были из ружей при заводском исправнике и по его приказанию похоронены – без производства исследования...»¹. Министр финансов Е.Ф. Канкрин, ознакомившись с отчетом Пасенко, доложил об этом случае императору. Николай I распорядился начать новое расследование и, поскольку речь шла о чести престола, поручил его своему флигель-адъютанту полковнику А.Г. Строганову².

Александр Григорьевич Строганов (1795 – 1891), барон и с 1826 г. – граф получил образование в институте Корпуса инженеров путей сообщения, откуда был выпущен в 1813 г. в Лейб-гвардейскую артиллерийскую бригаду. Участвовал в заграничных походах 1813 – 1814 гг., был в сражениях под Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом, видел покоренный Париж. Однополчанин декабриста П.А. Катенина и хороший знакомый А.С. Грибоедова³. Он прибыл на Урал в сентябре 1826 г.⁴ и, не задерживаясь в Екатеринбурге, выехал на место предполагаемых преступлений – в Кыштымский округ. Уральские горные чиновники не столько помогали, сколько препятствовали ревизии. Для преодоления саботажа потребовалось даже секретное предписание Канкринна начальнику Екатеринбургских заводов от 17 ноября: «Вследствие высочайшего повеления, объявленного мне г. начальником главного штаба его императорского величества, предписываю вашему высокоблагородию: находящемуся в Екатеринбурге по особому высочайшему поручению флигель-адъютанту полковнику графу Строганову оказывать всякое содействие к успешному окончанию возложенного на него дела и законные его требования исполнять без малейшего отлагательства, дабы следствие им производимое нисколько не подвергалось напрасной проволочке времени»⁵.

Необходимость такого «понуждения» стала очевидна при аресте переписки администрации Кыштымского округа. В сенатском указе Пермскому Горному правлению от 9 июня 1827 г. говорилось: «В числе предписаний и циркулярной переписки заводчиков и Зотова с приказчиками сих заводов нашел он (Строганов – В. Ш.) разные бумаги, доказывающие как противозаконные их распоряжения по управлению сего имения и жестокое обращение с крестьянами, так и важнейшие по предмету исследования о двух смертоубийствах действия Зотова, в то же время узнав, что и поверенный наследниц употреблял сильное ходатайство в Пермских присутственных местах к сокрытию истины относительно означенных преступлений и имел некоторые успехи в делах, им предпринятых. Вследствие сего граф Строганов решился переписку его захватить. Но как занятия его по производившемуся следствию не позволяли ему отлучиться из заводов, то обратился он с требованием по сему предмету к пермскому гражданскому губернатору и горному начальнику Екатеринбургских заводов»⁶.

Здесь необходимо пояснить, что после кончины в 1823 г. владельца Кыштымских заводов купца-старообрядца Л.И. Расторгуева в наследственные права вступила его вдова Анна Федоровна и дочери Мария (жена купца Петра Яковлевича Харитонов) и Екатерина (жена купца Александра Григорьевича Зотова). Семейный совет доверил управление заводами тестю Екатерины – вольноотпущеннику (бывшему крепостному заводчиков Яковлевых) Григорию Федоровичу Зотову. Оно осуществлялось Г.Ф. Зотовым в некотором роде неофициально, ибо общей доверенностью на управление округом владели его сын и П.Я. Харитонов⁷. Разумеется, все новоявленные родственники Расторгуевых также являлись твердыми приверженцами «старой веры».

22 сентября 1826 г. граф Строганов просил начальника Екатеринбургских заводов: «1-е) по получении его сношения тотчас опечатать в домах или квартирах 2-й гильдии купца Петра Харитонова, Григорья Федотова, сына его Александра и племянника Петра Поликарпова Зотовых кабинеты и все те комнаты, сундуки, шкатулки и проч., в коих хранятся письменные дела и другие бумаги; и 2-е) к дверям всех тех комнат и снаружи домов поставить караул до прибытия его, дабы ни под каким видом не могли они скрыть каких-либо нужных к развязке дела бумаг, ... самого же Григорья Зотова и племянника его Петра Зотова числить под присмотром, дабы не могли они куда-либо отлучиться»⁸.

Строгановское требование вроде бы было выполнено на следующий день – 23 сентября. Занимались этим обер-гиттенфервальтеры Мундт и Подоксенов, екатеринбургский полицмейстер Шиленцов, ча-

стный пристав Малахов и квартальные надзиратели Жизанов, Устинов и Шиленцов (брат полицмейстера). Однако горные чины действовали так, что у графа появилось «явное сомнение в целостности всех опечатанных документов и <подозрение на> могущий быть в том с чьей-либо стороны подлог»⁹. Строганов потребовал наказать нерадивых чиновников и добился своего. В графе «штрафы» формулярного списка Н.И. Мундта за 1828 г. уже имелась запись: «Подозрение по делу о несообразностях печатей». Между тем, в горном Екатеринбурге Мундт был фигурой немаловажной. С 1821 г. он – помощник екатеринбургского горного начальника, а с декабря того же года по декабрь следующего он даже замещал отсутствовавшего начальника Екатеринбургских заводов¹⁰. Окончательная расплата за «несообразности печатей» настигла чиновников по сенатскому указу от 19 сентября 1830 г.: Мундта и Подоксенова оштрафовали «первого полугодовым, а последнего третьим жалованием», полицмейстера Шиленцова, пристава Малахова и надзирателей полгода продержали на гауптвахте¹¹.

Но предостаточно оказалось и документов, опечатанных губернскими чиновниками в Перми. Об их содержании можно отчасти судить по «Выписке из счетов, по которым показаны лихоимственные дачи денег разным чиновникам гражданского, военного и другого ведомства, а также прочие расходы по делам заводчика Расторгуева», составленной для дальнейшего расследования по приказу Е.Ф. Канкрина¹². Выписка состоит из 365 пунктов, в каждом из которых указано кому и за что даны деньги или сделаны подарки: «1. Заседателю Кожину – 43 руб.; почтовой конторы почтмейстерскому помощнику Засухину – 30 руб.; бухгалтеру оной же конторы – 30 руб.; приказным – 10 руб.; почтальонам – 5 руб....». Порой суммы внушительны: «338. Павлу Ивановичу Бело... (1821) – 10.000 руб.; 339. Андрею Никитичу Андр... (1821) – 2000 руб....». В целом же пермский поверенный Расторгуева и Харитонова Осип Наседкин раздал взятку за период с 1812 по 1826 гг. на сумму 61 920 рублей и 1 копейку.

В их получении были уличены даже обер-берггауптманы П.Е. Томилов и А.Т. Булгаков, последовательно занимавшие высшую в горнозаводской иерархии края должность берг-инспектора. Замешанным оказался и врач Ф.Х. Граль, бескорыстие которого отмечают мемуаристы, историки и краеведы¹³. Документ же свидетельствует: «Доктору Гралю на именины сахару на 121 руб.»; «Доктору при Пермском Горном правлении Гралю в 6 раз 639 рублей». Поверенный объяснил, что «платил доктору Гралю за пользование его, Наседкина, с семейством»¹⁴. Репутация врача существенно не пострадала.

Из числа старших чиновников горного ведомства Урала оказался незамаренным лишь один человек – советник Пермского горного правления берг-гауптман С.М. Походяшин¹⁵. «Граф Строганов присо-вокупляет, что рассматривая сии бумаги не раз приходил он в смущение и даже в стыд, удостоверясь в презрительной дерзости и самонадеянности, с какими богатые сии купцы распорядились действием и со-вестию первых лиц в тамошней губернии, распространяя свое проти-возаконное влияние даже до самой столицы»¹⁶.

Граф А.Г. Строганов доказал, что Г.Ф. Зотов, «удостоверясь тай-ными шурфованиями, что ... в башкирских землях ... находятся также золотосодержащие пески», получил эти земли в долговременную аренду противозаконными методами, «как видно из ... найденных в делах наследниц оригинальных переписок и счетов о лихоимных рас-ходах по сему предмету». К слову сказать, еще в 1818 г. подобные же обвинения выдвигались против Зотова оренбургским военным губер-натором П.К. Эссенем, противником обезземеливания башкир¹⁷.

Особым направлением строгановского следствия стало изучение обстоятельств гибели заводских людей Косолапова и Седельникова. Климентий Косолапов был арестован вместе с другими жожаками кыштымского возмущения 1822 – 1823 г. В казематах Екатеринбург-ского монетного двора он оказался в одной камере с мастеровым Не-вянского завода Андреем Сивковым, также осужденным за выступле-ние против начальства. В сентябре 1823 г. они бежали, вероятно, не без помощи караульного Казакова – штрафного солдата лейб-гвардии Семеновского полка. Зимой беглецы провели в лесу, срубив избушку близ Кыштыма. Конспирация, впрочем, была слабая: пищу им носила жена Косолапова, а его самого неоднократно видели «вооруженным, разъезжавшим по дороге провоза золота с промыслов»¹⁸. Григорий Зотов, вероятно, не желая будоражить кыштымцев, поначалу предпри-нимал к поимке беглецов «слабые меры». Однако, узнав, что Косола-пов «вознамерился подать просьбу ... государю императору Алексан-дру Павловичу в проезд его в 1824 г. чрез Екатеринбургский уезд», Зо-тов посулил полторы тысячи рублей приказчику Я.Т. Блиновскому «с тем, чтобы он Косолапова поймал и убил до смерти». Местонахождение Косолапова Блиновский вызнал у Седельникова, который за уча-стие в возмущении 1817 г. был «наказан плетьюми и сослан в Сибирь на поселение, но бежал оттуда и проживал в лесных дачах и в доме жены своей в виду заводского начальства более шести лет»¹⁹.

Блиновский сообщил необходимую информацию Г.Ф. Зотову, «а сей приказал ему на другой день собрать заводского вооруженного народа человек до пятидесяти и, раздав им из конторы пороху и дроби,

велел явиться к заводскому исправнику, которого он, Зотов, предварил о сем, не открывая впрочем злого своего к убийству Косолапова намерения, и просил только, чтобы он отправился вместе с народом, взяв с собою еще несколько солдат; сам же Зотов на другой день рано по утру, призвав к себе крестьянина Блиновского и повторив ему прежнее свое о убийстве Косолапова поручение, уехал из Кыштымского завода за 40 верст на Соймановский золотой прииск»²⁰. Косолапов был убит не то солдатом Шукшиным, не то самим Блиновским. «Яков Тихонов Блиновский ... сказывал, что он был от конторы послан убить Косолапова и это сделал», – отметил в записной книжке строгановский помощник С.Д. Нечаев²¹. Исправник Усольцев, «напуганный таковым событием, в представленном неделю спустя в Пермское Горное правление донесении изменил истину происшествия и в сочиненной им сказке написал, что Косолапов по поимке увезен на телеге, которая дорогой опрокинулась, и умер в заводе»²². Сами кыштымцы в позднейшем прошении прямо указывали, что «Косолапов июля месяца 25-го числа расстрелян до смерти заводским исправником Усольцевым»²³.

Однако после визита Александра I выяснилось, что попавший в сложную ситуацию Седельников сам подал прошение императору. Зотов «начал делать к поимке его многие подобные распоряжения, уговорил к убийству его также крестьянина Блиновского, который ныне утверждает, что он уклонился от предложения его, но один заводской крестьянин, бывший свидетелем сего злодеяния, показывает, что ... Блиновский с четырьмя другими крестьянами душили Седельникова в лесу». Когда труп был обнаружен, исправник Усольцев, привычно «не войдя ни в какие розыскания к открытию истины, в сделанном без медицинского чиновника свидетельстве показал, что тело предалось гнилости, и что никаких боевых знаков не было приметно». Но начало ноября, когда было совершено преступление, на Урале время уже зимнее»²⁴. Строганов произвел эксгумацию останков, при осмотре которых обнаружилось, что «шейный позвонок и правая нога сломаны и многие передние зубы верхней и нижней челюстей выбиты»²⁵. В октябре 1826 г. царский ревизор затребовал дело о гибели Седельникова из Пермского Горного правления и продолжал держать его у себя даже в 1829 г.²⁶

Записка графа А.Г. Строганова на высочайшее имя «О состоянии крестьян, принадлежащих к заводам наследниц купца Расторгуева, и об управлении оными» стала одним из ярчайших обличительных документов, направленных против крепостного режима на заводах. В этом качестве она уже в XIX в. привлекла внимание Д.Н. Мамина-Сибиряка и Н.Н. Новокрещенных²⁷. Уральские историки сталинского

периода М.А. Горловский и А.Н. Пятницкий нехотя признавали, что «граф Строганов ... вынужден был писать о Зотове и его системе зверской эксплуатации»²⁸. Зато академик М.В. Нечкина была более решительна в своей оценке: «Записка А.Г. Строганова – замечательный документ. <...> Бесспорна ее сила, красочность, подчас художественность. <...> Любопытно также, что Строганов в этом документе подчас говорит языком либерального дворянства, он осмеливается в официальной записке, обращенной к высшему начальству, употреблять по отношению к мучителям рабочих такие слова, как «самовластие» и «тиранство», дерзко сравнивает положение рабочих с положением «негров африканских берегов» и каторжников, находя впрочем, что последним лучше, чем рабочим...»²⁹.

Академик М.В. Нечкина считала графа А.Г. Строганов представителем передового дворянства, близкого к декабристам³⁰. Во время поездки на Урал в 1826 – 1827 гг. он даже принял одного из них (С.Д. Нечаева) своим помощником и тем самым, возможно, спас его от «всевидающего ока» III отделения³¹. Но не следует игнорировать и то обстоятельство, что автор записки происходил из знаменитой династии уральских латифундистов и заводчиков. В конце XVIII – первой четверти XIX вв. опыт и богатство позволили Строгановым выработать собственную модель патерналистских отношений с крепостными работниками³². Граф С.Г. Строганов, брат А.Г. Строганова, так формулировал обязанности служителей в своем пермском имении: «Главные местные должности не только не должны быть врагами своих людей и обидчиками их, но, напротив, обязанность их есть: вспомоществовать по возможности каждому, в чем требуется, ограждать невинность, удовлетворять нужды людей и ... разрешать всякое дело крестьян по закону совести...»³³. Новые заводчики, типа Расторгуева, к таким идеям были еще не готовы. Их жизненный опыт требовал брать сразу, по максимуму и без сантиментов. Не случайно в первой четверти XIX вв. народные волнения лихорадили работу купеческих заводов Урала, а работники Строгановых предпочитали обходиться подачей прошений.

В последних числах января 1827 г. А.Г. Строганов прибыл в Пермь³⁴. Это стало началом его «возвратного пути» в Петербург. Но и после отъезда флигель-адъютанта эхо его расследования долго звучало над горнозаводским Уралом. Строганова сменил статский советник И.М. Сесаревский. Декабрист В.И. Штейнгель характеризовал его, как чиновника «со способностями и человека ученого»³⁵. Сесаревский имел полномочия «в случае явных со стороны кого-либо злоупотреблений не допускать по ним дальнейшего действия, останавливать и протестовать г. министру юстиции». В феврале 1828 г. Екатеринбург-

ский уездный суд оправдал Г.Ф. Зотова, но Сесаревский оставил его под стражей. В защиту Зотова выступил богатый купец и один из лидеров поволжского старообрядчества, а в прошлом – житель уральского Ревдинского завода Г.И. Суетин. В послании в Сенат он утверждал, что «Строганов ... следуя внушениям личных врагов вольноотпущенного Григорья Зотова, все свое исследование обратил не на открытие истины, а на усилие найти виновным Зотова»³⁶. В сентябре 1830 г. Сенат вернул дело «к дополнительному и новому производству», а Зотова с подельщиками освободил «на верное поручительство с тем, чтоб Зотов ни в самих заводах наследниц Расторгуева, ни близко оных не находился, дабы никакого влияния на оные иметь не мог»³⁷. Однако, подсудимые вновь оказались под арестом – теперь по личному указанию Николая I. Вероятно, не случайно в том же году в конторе Кыштымских заводов произошел пожар, в огне которого погибло множество документов³⁸.

В начале 1831 г. был назначен очередной чиновник для продолжения следствия: «Состоящий в Правительствующем Сенате за обер-прокурорским столом действительный статский советник Бердников командирован по высочайшему повелению для производства ... исследования по делу о противузаконных поступках управляющего заводами купца Расторгуева вольноотпущенного Зотова и других»³⁹.

К купцу П.Я. Харитонову судьба вначале была благосклоннее. В 1826 г. он даже стал городским головой Екатеринбурга и занимал этот пост вплоть до завершения выборного срока⁴⁰. К кыштымским убийствам он, очевидно, отношения не имел, а по поводу «лиходательства» отвечал, что с момента принятия ответственности за заводские дела «решительно и строжайше воспретил Наседкину таковые противузаконные и служащие только к собственному обогащению расходы, но почему сих воспрещений не оказалось в бумагах Наседкина, ему не известно»⁴¹. По свидетельству Д.Н. Мамина-Сибиряка, Харитонов остался в памяти екатеринбургских старожилов, как «человек очень скромный и миролюбивый» и «совсем невинный в зотовских злодеяниях, но пострадавший как ответственное по заводам лицо»⁴².

Окончание зотовско-харитоновского дела не вполне ясно. Мемуарист Н.Я. Афанасьев, отец которого служил у Харитонова и Зотова, утверждал: «Зотов был арестован, правда, домашним арестом, а его дом был чистый дворец. <...> По прошествии десяти лет, за давностью срока, он был освобожден от суда; тем все и кончилось»⁴³. Д.Н. Мамин-Сибиряк пишет о высылке Г.Ф. Зотова и П.Я. Харитонова в Кексгольм, но без указания даты этого события⁴⁴. В литературе наиболее распространен 1837 г.⁴⁵, заимствованный из воспоминаний о путеше-

ствиях по Уралу директора Горного института Г.П. Гельмерсена⁴⁶ и из записки неизвестного корреспондента УОЛЕ⁴⁷. Историк Е.Г. Неклюдов, основываясь на сенатском указе 1850 г., пишет, что Харитонов сослан в Кексгольм по высочайшему повелению от 7 января 1836 г.⁴⁸ На преданиях семьи Зотовых и материалах Государственного архива Пермской области основана версия, согласно которой дело было решено в 1834 г., а в 1836 г. уже в Кексгольме Харитонов просил дозволения объявить капитал по первой купеческой гильдии, в чем ему было отказано в 1838 г.⁴⁹ Впрочем, можно прочитать, и о том, что Зотов с Харитоновым были выслан в Кексгольм в 1827⁵⁰, 1828⁵¹ и в 1838 гг.⁵²

И на этом разночтения не кончаются. По мнению Н.Н. Новокрещенных, Зотов и Харитонов были «отправлены в Соловки»⁵³. Исследователь раскола и писатель П.И. Мельников-Печерский утверждал, что уже в 1830-е гг. Харитонов и Зотов открыто и на широкую ногу жили в Петербурге⁵⁴. Все тот же корреспондент УОЛЕ утверждал: «Умер П.Я. Харитонов в Кексгольме 31/XI.1838 года»⁵⁵. Пермский историк Е.Д. Харитонова, происходящая из известной фамилии, называет датой смерти П.Я. Харитонова 31 декабря 1838 г., местом смерти – Кексгольм, а местом захоронения – кладбище в Хельсинки⁵⁶.

В литературе распространено мнение о том, что подлинной причиной ссылки Г.Ф. Зотова и П.Я. Харитонова стали не убийства и взятки, а принадлежность к верхушке уральского старообрядчества⁵⁷. Автором этой точки зрения, вероятно, следует признать академика Гельмерсена, писавшего о Зотове еще в 1838 г.: «Его деятельность в интересах секты и его принципы в политическом и моральном отношении безусловно были вредны. Это и заставило правительство убрать Зотова с Урала»⁵⁸. Но едва ли здесь возможен ответ, сформулированный по принципу «или – или». Было шумное уголовное дело и было ужесточение правительственной политики в отношении старообрядчества. Признавая уголовную основу дела, следует согласиться, что ссылка двух «столопов» объективно ослабила позиции уральского старообрядчества.

Печально сложилась судьба поверенного Наседкина. Он был арестован уже после отъезда Строганова, когда Зотов и Харитонов попытались свалить на него всю вину за взятки. Согласно сенатскому указу от 19 сентября 1830 г. Осип Наседкин был освобожден из-под ареста и передан «на верное поручительство» сыну Петру Наседкину и зятю Степану Чайкину, губернскому секретарю. Однако, уже 5 января 1832 г. бывший кыштымский поверенный скончался⁵⁹.

Обнаруженные графом А.Г. Строгановым списки взяточников побуждали царя к реорганизации горной власти на Урале⁶⁰. До той поры берг-инспектор, возглавлявший горнозаводскую промышленность

края, подчинялся и министру финансов, и губернатору, а через последнего – министру внутренних дел. Распоряжения, вышедшие из канцелярий различных министерств, порой противоречили друг другу. Николай I устранил это неудобство указом от 22 ноября 1826 г., учредив должность главного начальника горных заводов хребта Уральско-го. «Главный начальник непосредственно подчиняется министру финансов, по местному начальству своему есть главный командир и хозяин заводов», – утверждалось во всех редакциях «Устава горного» первой половины XIX в. В обязанности ему вменялось «сохранить единство в управлении заводами и иметь необходимый ближайший надзор по всем частям горного устройства»⁶¹.

В 1827 г. первым главным начальником уральских заводов стал генерал А.А. Богуславский. Вопреки заключениям Сената, предписаниям Канкрин и, наконец, указам императора, генерал сколько мог оттягивал начало «надлежащего расследования» о взяточниках в мундирах. Неспешность Богуславского отчасти можно понять: как создать комиссию по расследованию взяточничества, когда в подчинении одни взяточники? Лишь 22 ноября 1828 г. соответствующая комиссия приступила к работе под председательством С.М. Походяшина. К началу 1831 г. комиссия завершила труды, и тут уже походяшинская принципиальность поставила в щекотливое положение самого Канкрин (Богуславский скончался в 1829 г.). Нельзя же арестовать все Горное правление! Новый главный начальник А.И. Дитерихс получил от министра секретное предписание: «всех спрошенных по сему делу чиновников горного ведомства, в получении лихвенных взяток, денежных и другого рода подарков от помянутого Наседкина и в разных сношениях с ним по делам не признавшихся и не избалованных, ... учинить от суда и следствия по настоящему делу свободными», но «без всякой огласки иметь в виду нижеозначенных чиновников для постепенного их перемещения в другой род службы»⁶².

В 1834 г. граф А.Г. Строганов был назначен товарищем министра внутренних дел. В 1836 – 1838 гг. он был черниговским, полтавским и харьковским генерал-губернатором. С 1839 по 1841 г. служил управляющим Министерством внутренних дел⁶³. В 1849 г. участвовал в работе военно-следственной комиссии по делу петрашевцев и в том же году стал членом Государственного совета. В 1854 г. – столичный военный губернатор, затем около девяти лет – генерал-губернатор новороссийский и бессарабский. В период подготовки отмены крепостного права выступил сторонником наделения крестьян широкими правами на выкуп земельных угодий⁶⁴. Свою огромную библиотеку (свыше 20 тыс. томов, в числе которых были прижизненные издания Вольтера,

Руссо, Дидро, Монтескье, Гольбаха, бумаги Робеспьера и многое другое) подарил Томскому университету⁶⁵.

¹ Новокрещенных Н.Н. Из истории Кыштымских горных заводов // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. II. Пермь, 1893. С. 66.

² В записке неизвестного автора, хранящейся в фонде Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) Государственного архива Свердловской области, ошибочно указано, что следствие вел флигель-адъютант князь Барятинский (ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 840. Л. 2). В литературе также распространено утверждение, что следователем был «флигель-адъютант царя, полковник граф А.С. Строганов» (Рабочее движение в России в XIX веке: Сб. док-тов и мат-лов. М., 1955. Т. I. Ч. I. С. 678, 886; Свистнов В.М. История Каслинского завода 1745 – 1900 г. Челябинск, 1997. С. 56, 57; Линник О.В. История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745 – 1900 гг.). Снежинск, 2003. С. 31, 32, 62, 63, 151; Гладкова И.М. 25 екатеринбургских тайн: Очерки. Екатеринбург, 2003. С. 85). Действительно, у Николая I был флигель-адъютант граф А.С. Строганов, но не в начале, а в конце царствования (Крестьянское движение в России в 1850 – 1856 гг.: Сб. документов. М., 1961. С. 113 – 114, 441, 449 – 450, 655). Здесь же, вероятно, допущена путаница с еще одним известным представителем этого рода – президентом Академии художеств графом А.С. Строгановым, дедом А.Г. Строганова.

³ Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 181; Государственные деятели России XIX – начала XX в.: Биографический справочник. М., 1995. С. 175.

⁴ Еще одна распространенная ошибка – датировка прибытия графа А.Г. Строганова на Урал 1827 г. (Свистунов В.М. 1997. Указ. соч. С. 56; Карабаш: Страницы истории. Челябинск, 2005. С. 15).

⁵ ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 137. Л. 18 – 18 об.

⁶ Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 64.

⁷ И тем более Г.Ф. Зотов не являлся владельцем Кыштымских заводов, и ему не принадлежал господский «Белый дом» в Кыштыме, как это указывается в ряде изданий (Афанасьев Н.Я. Воспоминания // Исторический вестник. 1890. Т. XLI. С. 32 – 33; Лотарева Р.М. Города-заводы России: XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург, 1993. С. 87).

⁸ ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 137. Л. 7 – 7 об.

⁹ Там же. Л. 9 об.

¹⁰ Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1891. Л. 22 – 24.

¹¹ Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 79 – 80.

¹² ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 136. Л. 1 – 10.

¹³ Афанасьев Н.Я. Указ. соч. С. 28 – 29; Верхованцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994. С. 196, 198; Пермские губернаторы: традиции и современность. Пермь, 1997. С. 34; Шабашова Е.В. Исторические миниатюры о Земле Пермской. Пермь, 1998. С. 219 – 220; Старков В.И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX вв. Екатеринбург, 2007. С. 77 – 79.

¹⁴ ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 136. Л. 1, 136, 137.

¹⁵ Там же. Л. 30.

По сведениям известного пермского краеведа Ф.А. Прядыльщикова, это был последний представитель династии Походяшиных (Из бумаг Ф.А. Прядыльщикова // Памятная книжка Пермской губернии на 1891 г. Пермь, 1890. С. 65). Ее родоначальник – ямщик, а затем купец М.М. Походяшин (ум. 1781) стал основателем первых металлургических заводов на Северном Урале. Однако уже его сыновья в 1791 г., продали предприятия Государственному Ассигнационному банку на столь льготных условиях, что сами назвали сделку «любоотечественным подвигом». Семена Походяшина одни историки считают сыном М.М. Походяшина (Серков А.И. Русское масонство. 1731 – 2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 664), другие – внуком (Бессонов М.С. Родословие верхотурского купца и заводчика М.М. Походяшина // Уральский родовет. Вып. 5. Екатеринбург, 2001. С. 9). В 1826 – 1827 гг. он имел от роду шесть десятков лет (ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 672. Л. 13 об. – 16).

- ¹⁶ Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 65.
- ¹⁷ Там же. С. 65 – 67; Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 183.
- ¹⁸ Рабочее движение... С. 689.
- ¹⁹ Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 69; Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Из истории рабочего движения на Урале: Очерки о положении крепостных рабочих Среднего Урала и их борьбе за ликвидацию крепостничества (1800 – 1870 гг.). Свердловск, 1954. С. 149.
- ²⁰ Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 69.
- ²¹ РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 5. Л. 5 об.
- ²² Рабочее движение... С. 690.
- ²³ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 154. Л. 2 об.
- ²⁴ В документах, цитированных Н.Н. Новокрещенных, указано, что Усольцев производил осмотр тела Седельникова 1 октября 1824 г. (Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 70), но архивные материалы свидетельствуют, что «преступник Седельников, утруждавший просьбою государя императора, помре 7-го числа ноября ... 1824-го года, о чем по объявлению сына его Ивана произведено тем исправником исследование и представлено в Екатеринбургский уездный суд от 22-го ноября» (ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 136. Л. 70).
- ²⁵ Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 70.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 136. Л. 69 об.
- ²⁷ Мамин Д. Город Екатеринбург: Исторический очерк // Город Екатеринбург. Екатеринбург, 1889. С. 27 – 28; Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 63 – 71, 75 – 76.
- ²⁸ Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Указ. соч. С. 121.
- ²⁹ Нечкина М.В. Из истории рабочего движения эпохи декабристов // История пролетариата СССР. Сб. 2. М., 1930. С. 255 – 256.
- ³⁰ Она же. Грибоедов... С. 181.
- ³¹ Осипов В.О. Перстень с поля Куликова. М., 1987. С. 55 – 56; Шкерин В.А. От тайного общества до Святейшего Синода: Декабрист С.Д. Нечаев. Екатеринбург, 2005. С. 145 – 162, 251 – 253.
- ³² Агафонова Н.Н. Организация управления в Пермских имениях Строгановых в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. № 3. Екатеринбург, 1996. С. 173 – 182; Кульбиков С.И. Заработная плата и пособия работникам вотчинных солеваренных промыслов Прикамья в дореформенный период // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 184 – 188.
- ³³ Голохвастова Н.В. К вопросу о взаимоотношениях крепостных служителей и крестьян (на примере майората Строгановых) // Исторические чтения: Тезисы докладов научно-практической конференции. Пермь, 1999. С. 71.
- ³⁴ РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 3. Л. 281 – 282.
- ³⁵ Штейнгель В.И. Записки // Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 193.
- ³⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 725. Л. 1.
- ³⁷ Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 83.
- ³⁸ Аношкин М.П. Про город Кыштым. Челябинск, 1968. С. 26.
- ³⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 725. Л. 95.
- ⁴⁰ Главы городского самоуправления Екатеринбурга. Екатеринбург, 2003. С. 90 – 93.
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 136. Л. 138 об.
- ⁴² Мамин Д. Указ. соч. С. 27, 29.
- ⁴³ Афанасьев Н.Я. Указ. соч. С. 33.
- ⁴⁴ Мамин Д. Указ. соч. С. 29.
- ⁴⁵ Свистунов В.М. Указ. соч. С. 59; Агеев С.С., Микитюк В.П. Рязановы – купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998. С. 82; Гладкова И.М. Указ. соч. С. 86; Линник О.В. Указ. соч. С. 240.
- ⁴⁶ Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000. С. 204.
- ⁴⁷ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 840. Л. 2.

- ⁴⁸ Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 406 – 407.
- ⁴⁹ Байдин В.И. Старообрядчество Урала и самодержавие: Конец XVIII – середина XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983. С. 118 – 119.
- ⁵⁰ Бабькин К.Т. Из истории архитектуры Екатеринбурга – Свердловска // Материалы первой научной конференции по истории Екатеринбурга – Свердловска. Свердловск, 1947. С. 163.
- ⁵¹ Харитоновна Е. Из истории купеческого рода Харитоновых // Уральская старина. Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 105.
- ⁵² Беркович А. «Золотой век» Григория Зотова // Город 343 (Екатеринбург). 2006. № 6. С. 50.
- ⁵³ Новокрещенных Н.Н. Указ. соч. С. 83.
- ⁵⁴ Агеев С.С., Микитюк В.П. Указ. соч. С. 83.
- ⁵⁵ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 840. Л. 2.
- ⁵⁶ Харитоновна Е.Д. Ирбитская ярмарка и мои предки // Ярмарки на Урале: История и современность. Кунгур, 2002. С. 21; Она же. Из истории... С. 103, 108.
- ⁵⁷ Свистунов В.М. Указ. соч. С. 59; Агеев С.С., Микитюк В.П. Указ. соч. 79, 83; Неклюдов Е.Г. Указ. соч. С. 404, 406; Старков В. Мой город. Екатеринбург, 2005. С. 51.
- ⁵⁸ Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 204.
- ⁵⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 725. Л.20 – 21 об., 25, 128.
- ⁶⁰ Беркович А.В. Учреждение должности главного горного начальника заводов хребта Уральского: причины и следствия // Первые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1997. С. 38 – 42.
- ⁶¹ Свод учреждений и уставов Горного управления // Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 7. Ч. 3. СПб., 1832. Ст. 279, 312; Устав Горный // Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. СПб., 1842. Т. 7. Ч. 3. Ст. 510, 658; Устав Горный // Свод законов Российской империи издания 1857 года. СПб., 1857. Т. 7. Ст. 576, 718.
- ⁶² ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 136. Л. 24 – 24 об., 30, 37, 132 – 132 об.
- ⁶³ В литературе встречается ошибочное упоминание о службе А.Г. Строганова управляющим Министерством иностранных дел (Род Строгановых: Практическое пособие для историков, краеведов и генеалогов. Пермь, 1990. С. 22).
- ⁶⁴ Леонтович В.В. История либерализма в России 1762 – 1914. М., 1995. С. 193.
- ⁶⁵ Государственные деятели... С. 175; Мудрова Н.А. Библиофильские традиции Строгановых в XVIII – начале XX вв. // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 112; Пашков А.А. Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь. Шадринск, 2000. С. 127.

СВЕДЕНИЯ О СТРОГАНОВЫХ В ТРУДАХ ПЕРМСКОЙ УЧЁНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

Материалы о Строгановых в «Трудах Пермской Ученой Архивной комиссии» можно разделить по трем направлениям. Первое освещает пермский период биографии Трифона Вятского, второе касается роли Строгановых в русской колонизации и их земельных захватов на территории Пермского края, третье связано со строгановскими служителями и системой обучения их детей.

Трифон Вятский, пермский миссионер, историческое лицо, тесно связанный в пермский период своей жизни со Строгановыми и их землями. Этот период жизни Трифона И.М. Осокин рассматривал как биографию святого и выяснял, являлась ли на самом деле его деятельность миссионерской. Исследователи этого вопроса опирались на две редакции жития Трифона Вятского – Никодимовское житие и более полный текст П.Д. Шестакова¹.

А.А. Дмитриев обратился к «Житию Трифона Вятского» как к историческому источнику. Он указал на тесную связь Строгановых и Трифона и конкретизировал даты его жизни, поскольку точная хронология была связана только с вятским периодом.

24-летний Трифон вышел из Пыскорского монастыря для миссионерской деятельности. В Орле – городке по просьбе Якова Аникиевича Строганова он молился о здоровье его сына Максима. А.А. Дмитриев подтверждает, что эта встреча действительно могла состояться не на Чусовой, а в Орле, т.к. грамота на чусовские земли была дана Строгановым только 25 марта 1568 г. Затем Трифон ушел в Вычегодские земли, также принадлежащие Строгановым, и исцелил там еще одного ребенка².

После этого Трифон приходит на р. Мулянку для просвещения остяков. И.М. Осокин указывает на двойственное отношение Строгановых к Трифону и остякам в вопросах веры. «Хотя обратить их ко Христу было в прямых интересах Строгановых, но интересы материальные и узкокоммерческие брали перевес над духовными. Примерно в таких же выражениях комментировал положение и А.А. Дмитриев. Он считал, что миссионерская деятельность Трифона на Мулянке была личной инициативой Трифона, «а Строгановы ловко воспользовались ею в своих практических расчетах, так как *прямого права занимать чужие*

земли они все-таки не имели» (курсив А.А. Дмитриева). В качестве подтверждения он приводит известную фразу Ивана Грозного, что в случае нарушения положения о захвате земель царская «грамота не в грамоту»³.

Пиком напряженности стало уничтожение Трифоном местной святыни – гигантской ели. Примечательно, что остяки не рискнули расправиться с Трифоном и отправились во главе с князем Амбалом в Сылвенский острожек. Там в «то время сосредотачивалось управление Строгановых над вотчинами, находившимися по нижнему и среднему течению р. Сылва» (ссылка И.М. Осокина на А.А. Дмитриева) «и объяснили приказчику Строгановых Иоанну обо всем случившемся на их кладбищах с деревом молебным». В.Я. Струминский, сравнивая две редакции «Жития», указывает, что в Никодимовском списке упоминается один строгановский приказчик – Иоанн, а в редакции П.Д. Шестакова уже два – Иоанн и Третьяк Моисей. Он полагал, что такое умножение личностей указывало не на личные пристрастия одного из приказчиков, а на отражение общей строгановской политики по отношению к Трифону⁴.

И.М. Осокин отметил практический аспект этих переговоров. «Приказчики, заметив в осятках затаенную неприязнь к преп. Трифону и недовольство им, пообещали взять его оттуда». Сейчас это можно интерпретировать как возможность Строгановых распоряжаться личностью в принципе независимого Трифона. И.М. Осокин также предполагает, что подобные обращения за разрешением конфликта к Строгановым были не единичны. «По всей вероятности, Строгановы, преследуя исключительно коммерческие цели и не желая заводить ссоры с инородцами, не задевали их религиозных убеждений и, может быть, были случаи, что сдерживали иногда порывы иных усердных миссионеров». И.М. Осокин считал, что Трифона нельзя назвать миссионером. Хотя дочери остяцкого князя Амбала и вогульского князя Бебяки приняли крещение, но сами остяки отшатнулись от христианства после вырубki ели, перейдя в ислам. Трифона же более устраивало как на Мулянке, так и на Чусовой отшельническое житье.

Церкви как в Н. Муллах, так и в Чусовских городках возникли без участия Трифона. «Образование с. Нижние Муллы было вызвано административными и оборонительными целями. В селе были дворы вотчинников, где жили Строгановские приказчики и сами владельцы во время своих приездов; для охраны их и близь лежащих селений в Верхних Муллах был пищальный двор» – церковь просто входила в этот комплекс. Здесь проходила граница между владениями Петра и Андрея Строгановых и церковь предназначалась, прежде всего, для

русского населения. Отъезд Трифона с Мулянки в Пыскорский монастырь опять-таки был связан со Строгановыми. Поиск Трифона на р. Мулянке был возложен на того же Третьяка. Тот «повелел людям своим лучшим Василию прозвищем Хорошему со товарищи взять струги и ехать к преподобному и молить его...»⁵. При этом бросается в глаза созвучие текста «со товарищи», «струги» с описанием похода Ермака, где одним из источников была Строгановская летопись.

Затем Трифон ушел на Чусовую, где по-прежнему вел отшельническую жизнь. Я.А. Строганов разрешил ему самому выбрать место проживания по Чусовой. Первоначально Трифон пользовался покровительством и Максима Строганова, но в 1579 г. он сжег строгановские дрова «до трех тысяч сажений». Далее А.А. Дмитриев приводит якобы ругань и заключение Трифона Григорием Строгановым, тогда уже умершим, а затем последовавшая как возмездие опала от царя. А.А. Дмитриев уточнил, что в одном из списков вместо Григория стоит имя Семена Строганова, имевшего земли под Чердынью. Он в это время был жив, что позволило А.А. Дмитриеву предположить либо путаницу в датах, либо опалу на Строгановых, неизвестную по документам. Церковь в с. Успенское, затем преобразованное в Успенский монастырь, имела старинные образа якобы пожалованные Трифону Я.А. Строгановым. Трифон и к этой постройке не имел отношения. По И.Ф. Кайсарову это было «строение Ивана да Максима Строгановых»⁶. И.М. Осокин также отвергал роль Трифона в создании Успенской церкви и говорил, что ее появление было связано с тем, что городки были центром управления Строгановыми, где располагалась их личная резиденция. Он описал каменный двухэтажный дом в с. Успенском: «Предание говорит, что здание это современно Трифону, и что здесь жили сами владельцы Строгановы». По местной легенде именно в этом доме был заключен под стражу Трифон за сожжение Строгановских запасов дров. И.М. Осокин приводит также интересную устную легенду о том, что уходя, Трифон проклял жителей Нижнее – Чусовского городка, поскольку даже в начале XX в. их называли «прокляеныши», а по поводу территории говорили: «земля- то у вас свята, да люди- то кляты»⁷.

Успенский монастырь на землях Строгановых был создан после ухода Трифона с Чусовой в Вятку около 1579 г. и действовал до 1764 г., когда Екатерина II провела секуляризацию церковных земель. Его история неразрывно была связана с именами Строгановых. По переписи 1642 г. монастырь принадлежал Даниле Ивановичу Строганову, а с 1668 г. вместе с Верхне-Чусовским городком перешел к его вдове Агафье Тимофеевне и дочери Анне Даниловне Строгановой. По пере-

писи 1682 г. Анна Даниловна передала имение двоюродному брату Григорию Дмитриевичу за минимальную сумму по отношению к передаваемым территориям. Если сопоставлять личности кузенов, то можно предположить, что Григорием Дмитриевичем фактически был проведен захват земель двоюродной сестры с очень небольшой компенсацией. Следующая перепись монастыря и села проведённая Воронцовым – Вельяминовым в 1711 и 1712 гг. показала крайне плачевное положение местных жителей. Многие «померли, а иные, страдая от хлебного недорода и от нестерпимого правезу податей, ушли в Сибирь и Уфимский уезд. Башкирцы безвестно бежали, а другие обнищали и скитаются в мире в тех же вотчинах»⁸.

Перейдем ко второму направлению, связанному с русской колонизацией Урала. Этот вопрос был самым болезненным, т.к. затрагивал проблему земельной собственности и захватов территорий. По данной проблематике в «Трудах» публиковались А.А. Дмитриев, И.Я. Кривошеков, И.М. Осокин и анонимный автор, представивший прямые и косвенные данные на захват земель башкир. Самым известным автором А.А. Дмитриевым были проанализированы основные источники по границам территорий и людям строгановских земель. Это были переписные книги И.И. Яхонтова (1579 г.), М.Ф. Кайсарова (1623-1624 г.), перепись П.К. Елизарова (1647 г.) и материалы переписи Воронцова-Вельяминова (1711-1712 гг.). Эти временные дистанции позволяли проследить изменения во владениях Строгановых. Всего А.А. Дмитриев называет 8 жалованных грамот Строгановым.

Известно, что список книг И.И. Яхонтова имел в руках Ф.А. Волегов. По его словам подлинник сгорел в Москве в пожаре 1626 г. Но текст И.И. Яхонтова по вотчинам гг. Строгановых довольно подробно повторяется в знаменитой грамоте Петра Великого Григорию Дмитриевичу Строганову от 25 июля 1692 г. Список М.Ф. Кайсарова был найден в частных руках в Соликамске и, по мнению А.А. Дмитриева, был сделан по распоряжению Ф.А. Волегова. А.А. Дмитриев подчеркнул, что Ф.А. Волегов впервые отметил ненадежность книг Яхонтова. *Один из списков И.И. Яхонтова, с которым работал Ф.А. Волегов, находился в Строгановском архиве, но он предпочитал пользоваться книгами М.Ф. Кайсарова, которые включали в себя списки с подлинника И.И. Яхонтова и были написаны за два года до пожара 1626 г.*

По книгам И.И. Яхонтова «по Строгановским вотчинам, которые находились в пределах нынешних уездов Соликамского, Пермского, Кунгурского и Оханского ясно сказано, всего в Перми Великой за Семеном и Максимом три слободы (разумеются Чусовская, Сылвенская и Яйвинская слобода)». По книгам М.Ф. Кайсарова из Строгановских

вотчин в XVII в. выделились в особый округ вотчины Пыскорского Преображенского монастыря, а в Пермском-Чердынском уезде – вотчины монастыря Иоанно-Богословского. А.А. Дмитриев полагал, что Пермь Великая – это территория Чердынского уезда. Четкие же границы Перми Великой впервые определил только Ф.А. Волегов⁹.

Следующей в хронологии после переписи М.Ф. Кайсарова была перепись П.К. Елизарова. Ее список был получен Пермской Ученой комиссией также от наследников Ф.А. Волегова. Прошение о пересылке текста переписи было направлено царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу от «Григория Дмитриевича и Федоровской жены вдовы Анны Никитичны Строгановых: у Соли Камской и в Чердыни положено быть писцу, а на Пермские их вотчины прежних переписных книг списка им не дано»¹⁰.

Результаты переписи Воронцова – Вельяминова (1711-1712 г.) приводятся в связи с жалобами башкир на захваты, спровоцированными пожалованиями Петра I, закрепившего за Строгановыми все земли, которые ранее не находились в безусловном владении. Грамота 1702 г. давшая Григорию Дмитриевичу Строганову возможность проводить явную политику экспансии, называлась «о подтверждении всех поземельных прав и личных преимуществ на вечные времена и на потомство». Пожалование шло на р. Обву, Иньву и Косьву, где права Строгановых ранее всегда ограничивались. А.А. Дмитриев скупко комментирует: «щедроты эти поистине были беспредельны». Он высказывал мнение, что это было пожалование Петра «на зубок» сыну Григория Николаю, чьим крестным отцом являлся царь. Ребенок родился в Воронеже в 1700 г., когда Петр I строил флот, два корабля которого были построены на деньги Строгановых.

А.А. Дмитриев отмечал, что подлинники жалованных грамот, хранившиеся в фамильном архиве Строгановых, оказывались либо копиями, либо списками, имевшими расхождение по сравнению с другими списками. А.А. Дмитриев впервые жестко применяет термин обработки Строгановыми жалованных грамот как «фальсификация». Он, проанализировав известную грамоту Ивана Грозного Г.А. Строганову о разрешении занять пустые земли, пришел к выводу, что инициатива в тексте шла не от царя, а от Строгановых. Эти сведения «по обычаю того времени были внесены в грамоту из челобитной Григория Аникиевича Строганова, и, следовательно, редактирована им по своему усмотрению так, как было нужно в его личных видах». Вторым инициативным шагом Г.А. Строганова стало предъявление свидетеля, известного как Кадуал¹¹. Впоследствии М.Я. Попов писал, что одной из наиболее важной историографической заслугой А.А. Дмитриева стало

определение, что первый экземпляр жалованной грамоты Строгановым от 4 апреля 1558 г., хранившийся в Петербурге в конторе гр. А.С. Строганова, и приведенный как отправной документ Г.Ф. Миллером в «Описании Сибирского царства», является только копией. М.Я. Попов подчеркнул при этом, что отличительными чертами работ А.А. Дмитриева являлись достоверность и точное соблюдение хронологии¹².

А.А. Дмитриев приводил исторические данные о подтасовках Строгановых в первых грамотах. «Границы жалуемых земель в грамотах Строгановым как бы с умыслом обозначались довольно неясно, чтобы было удобно со временем оспаривать собственность у других уральских владельцев, которых впоследствии оказалось немало в числе посадских людей г. Соликамска и уездных крестьян». Так, усольчане оспаривали полосу левого камского берега от Чашкина озера до Пызновской Курьи, где находились отличные рассолы. Строгановы «самовольно присвоили ее себе путем подтасовок в грамоте 1558 г., подлинник которой навсегда утрачен»¹³.

Следующим объектом захвата А.А. Дмитриев называет Меркурьевы острова. Нижегородец Петр Меркурьев держал варницы на острове ниже г. Соликамска. После его смерти под датой грамоты 1570 г. произошел захват и этой варницы.

Основные центры, традиционно связанные со Строгановыми, такие как Пыскор и Орел, были обжиты русскими еще до появления Строгановых. Как примеры А.А. Дмитриев приводит старые солеваренные трубы Орла, которые не могли считаться старыми с момента грамоты, выданной Строгановым, и особенно поселение монахов у Пыскора. Предвидя сложности с последним поселением, начиная с Григория Аникиевича, Строгановы выдавали дарственные, «чем оградили себя от всех домогательств монахов на будущее время». «Тайный вначале союз их с Пыскорским монастырем – с 1570 г. был облечен в официальную форму вклада сыновей по их покойным родителям для вечного повиновения». А.А. Дмитриев отмечал тесную связь и поддержку взаимно оказываемую Строгановыми и Пыскорским монастырем. Примером служили совместно захваченные во второй половине XVII в. солеварни Дедюхина. И.Я. Кривошеков также утверждал о том, что поселение пыскорских монахов было заложено до появления Строгановых около 1462 г.¹⁴. Возвращены эти земли были только Екатериной II в 1764 г. в рамках общегосударственной секуляризации.

Эта экспансия касалась русских земель, но намного более пострадали иные народы Прикамья: остяки, татары, башкиры, коми-пермяки.

И.М. Осокин, касаясь биографии Трифона Вятского, описывал отношения Строгановых и остяков. «В половине XVI в. в Перми Великой и в частности на берегах р. Чусовой и Сылвы стали появляться русские пришельцы во главе с всеильными Строгановыми». Широкие права, предоставленные Строгановым грамотой от 25 марта 1568 г., все же не позволяли им отягощать нерусские народности. ««Пользуясь такими широкими правами, предоставляемыми Строгановым этой грамотой, люди Строгановых могли спокойно занимать места инородцев и оттеснять их вглубь страны (что, как увидим, они потом, действительно, и делали), но на первых порах Строгановы придерживались мирной политики: постепенно колонизируя край, они входили в мирные торговые отношения, для чего посылали сюда своих приказчиков, живших в Сылвенском городке, нынешнем селе Троицком». И.М. Осокин описал хрупкий баланс сил между остяками и Строгановыми. Остяки, опасаясь лишения своих земель, дорожили связями со Строгановыми и советовались с ними. «Далее этого Строгановы не простирали своих претензий к инородцам». В «Житии» более отражены обиды татар, неоднократно подававших прошения русскому правительству на притеснения от Строгановых. Им пришлось уйти с Муллянки «оставя и устье Верхней Муллы, поселились разными юртами своими или кочевьями далее, но и с тех мест их согнали... (и) Строгановы систематически продолжали оттеснять их далее и далее» (ссылка И.М. Осокина на В.Н. Шишонко). И.М. Осокин пришел к выводу, что остяки подверглись «общей участи с татарами: земли их бесцеремонно занимались русскими пришельцами, а сами они оттеснялись вглубь страны». Далее остяки ассимилировались с татарами «отатарились», но всегда помнили, что они остяки¹⁵.

Похожим образом обстояло дело с землями коми-пермяков. Иван Грозный при пожаловании Григорию Аникиевичу отдельно оговаривал земли пермяков, т.е. «при самом вступлении Строгановых во владение землями Камской чуди допускалась чересполосица во владениях». И.Я. Кривошеков указал, «что московское правительство оберегало пермичей от всяких посягательств, почему и грамота заканчивается строгим тоном в отношении Строгановых» (грамота не в грамоту). Этой грамотой брать тягло с пермяков запрещалось. С переписи Яхонтова до переписи Воронцова-Вельяминова пермяки отходили от русских колонистов и особенно старались не соседствовать со Строгановскими землями. Пожалование Петра I крайне жесткому представителю семьи Строгановых – Григорию Дмитриевичу негативно сказалось не только на обитателях с. Успенского и Успенского монастыря. Последняя перепись показала 33235 человек бежавших жителей. «Камская

чудь не без протестов со своей стороны превратилась в помещичьих крестьян. Если от тягости крепостного режима бежали коренные русские из Строгановских вотчин; то, может быть, бежало еще более потомков Прикамской чуди и даже со своими князьями).

И.Я. Кривошеков приводил пример, что с воцарением каждого нового государя Строгановы обращались за новым подтверждением на свои земли, а это указывает на других владельцев, находящихся на этих территориях. Князьки из «чуди» имели большое влияние на Урале «как в глазах местных воевод, так и московского правительства». Закрепощение пермяков Строгановыми по пожалованию Петра I в 1702 г. привело к массовому протесту, а затем уходу за Урал в течение 12-13 лет 20-30 тысяч человек. Слабость современных ему коми-пермяцких хозяйств и малоинициативность коми-пермяков И.Я. Кривошеков объяснял тем, что самые активные и сильные пермяки массово бежали за Урал от пожалования Петра I¹⁶.

Еще более остро были поставлены вопросы сгона с земли башкир анонимным автором статьи «К истории башкирского землевладения в Пермском уезде и грамоты башкир». Ее содержание также отражает захватническую политику Строгановых вплоть до вооруженных нападений. Каждое положение документировано, но текст настолько антистрогановский, что автор не рискнул проставить свою фамилию.

После строительства основных уральских заводов по Чусовой как казной так и частными лицами, возник судебный спор на право собственности Строгановых не только на эти заводы, но и на использованный ими лес. «Спор этот тянулся чуть не сотню лет и кончился решением Государственного Совета 13 марта 1828 года, коим были отвергнуты права Строгановых на эти земли». В многостороннем процессе участвовали кояновские и култаевские башкиры, представившие свои жалованные грамоты на землю в Берг-Коллегию. По рассмотрении документов от башкир Берг – Коллегия своим определением 1 марта 1784 г. не признала прав Строгановых на Юговской завод. Впоследствии права башкир были подтверждены в 1792 г. Сенатом.

Но этот затянувшийся земельный спор закончился только в XIX в. генеральным межеванием между владельцами. До его завершения в судах постоянно находились обращения от Строгановых, Голицыных, Лазаревых, Всеволожских и др. уральских владельцев. При этом земли могли перейти к другому владельцу, без учета прав башкир. Их никто не ставил в известность о решении судов, и башкирам приходилось «при каждом споре «вновь заявлять о своих правах».

Известно, что башкиры приняли русское подданство после падения Казани, но при условии, что они остаются «полными владельцами за-

нимаемых ими земель, – и что это условие русским правительством принято и закреплено грамотой царя Ивана Васильевича 1557 г.». Грамот же или иных документов того периода у башкир не сохранилось по существенным причинам.

В качестве косвенных доказательств прав башкир на землю приводится маршрут их вынужденной миграции. На р. Нижней Мулянке крестьяне Строгановых «начали разным своим скотом вытравливать их луга и хлеб, портить борти, отгонять зверя». С этой территории ушла группа башкир под предводительством Култаея, основавшего затем поселение Култаево. Под угрозой дальнейшего вытеснения его сын Шигирко ходил в Москву к царю Михаилу Федоровичу и вернулся с охранной грамотой. Но это действие не помогло, и из Култаево башкирам пришлось уйти и основать Кояново.

В петровское время началось не только вытеснение, а вооруженный захват башкирских земель. В 1700 г. приказчик Григория Дмитриевича Строганова Пронька Алексеев с группой вооруженных крестьян обрушился на Кояново и окружающие его населенные пункты; «поселения их разорил и предков их башкирцев пограбил, мельницу их разломал и все снасти увез». Представитель башкир Гисимко Маметев отправился к Петру I и добился расследования этого дела. Грамота, отмеченная февралем 1701 г. и переданная Маметеву, поддержала башкир: «именитого Григория Дмитриевича крестьянам его впредь того башкирскою землей не владеть и не селиться». В 1736 г. последовал еще один налет на башкир, при котором строгановские люди уничтожали документы башкир, подтверждающие их право на землевладение. «Подлинные их грамоты все и со всем их имуществом в 1736 году прикащики и крестьяне Строгановых с деревнею их сожжены и из предков их Башкирцев постреляно и изрублено до смерти 102 человека, о чем де значиться по делу бывшей Кунгурской провинции». То, что земли Юговского завода никогда не были «пустыми», а права башкир соблюдались, показывает факт из времен войны Е. Пугачева. Из вышеупомянутой Гайнинской волости башкиры ушли, оставив только военных. Управляющий Юговского завода Башмаков силами казаков и рабочих сжал хлеб, скосил травы и поставил стога, а затем все передал вернувшимся башкирам. Это подтверждало их право владения землей, признаваемой местными властями. Весь комплекс доказательств, представленный башкирами, привел к отказу Строгановым и признанием прав башкир указом Сената 1807 г. В ходе дела было установлено, что земли, забранные Строгановыми до Ласьвинского бора, на самом деле спустились до другого бора – Славинского¹⁷.

Уместно завершить этот раздел статьи словами А.А. Дмитриева: «Общий насильственный характер колонизации Строгановых в Пермском крае выяснен во всем моем издании, однако правильно, как может убедиться всякий при внимательном их чтении. Конечно, это не результат какого-либо пристрастия, а твердое убеждение, вынесенное из многочисленных источников»¹⁸.

По третьему направлению доброжелательно относящемуся к Строгановым следует отметить работу Н.Н. Новокрещенных о проверке по поручению министра финансов Е.Ф. Канкринна Кыштымских заводов гр. А. Строгановым, которая дала начало делу о «Кыштымском звере» – бывшем крепостном, управляющем Г.Ф. Зотове, породнившимся с владельцами заводов. Гр. А. Строганов «произвел на всех заводах переполох». Первым делом он арестовал дела поверенных Кыштымских заводов в Перми и Екатеринбурге. А. Строганов впервые столкнулся с практически прямыми препятствиями его инспекции со стороны чиновников. В Перми распоряжение об аресте было выполнено, а в Екатеринбурге Г.Ф. Зотов сам вынес из своего кабинета бумаги и уничтожил их. Граф, изучая оставшиеся документы, отмечал, что «рассматривая сии бумаги, не раз приходил он в смущение и даже в стыд, удостоверясь в презрительной дерзости и самонадеянности, с коим богатые сии купцы распоряжались действием и совестью первых лиц в тамошней губернии, распространяя противозаконное влияние свое даже до самой столицы». Г.Ф. Зотов направил в Петербург жалобу на действия А. Строганова, арестовавшего его и его имущество в Екатеринбурге. Министр финансов Е.Ф. Канкрин направил для дальнейшего разбирательства ст. советника Сесаревского¹⁹. Положительная характеристика действий гр. А. Строганова от Н.Н. Новокрещенных вполне понятна. Он сам управлял отдельным заводом, золотыми приисками и целым округом Абамелек-Лазаревых, т.е. был знаком со всей спецификой, с которой проверяющие столкнулись на Кыштымских заводах.

Далее остановимся на цикле статей строгановского служителя Л.Е. Воеводина. Он учился в Билимбаевском училище, затем – в Строгановском пансионе при пермском уездном училище, а затем начал работу учителем на Кыновском заводе.

Известно, что в XIX в. Строгановы развивали образование. «Во всех заводах и больших селениях у Строгановых имелись двухклассные приходские училища, по положению 1828 г. содержались целиком на их средства и открыты были для всех желающих». В I классе занятия шли от 2 до 4 лет, во II – 2 года. По завершении училища выпускников распределяли к должностям, «но лучшие из них, не более двух

от каждого училища, отправлялись в помянутый Строгановский пансион для продолжения курса в уездном училище».

Обучение в имении Строгановых было тесно связано с управлением. Так, в Билимбаевском училище учителем математики по штату был управляющий заводом. П.С. Шарин. Он был вторым человеком после Ф.А. Теплоухова, которому Строгановы разрешили учиться за границей – во Фрейбургской горной академии. «Около тридцатых годов он сдал экзамен на звание учителя приходского училища и зачислен учителем арифметики при Билимбаевском училище для получения прав гражданской службы и соединенных с нею чинов, что в то время широко практиковалось в отношении управляющих заводами». Училище располагалось в здании заводоуправления, а в самом училище находилась заводская библиотека. Зависимость управления и обучения сохранялась и в начале работы Л.Е. Воеводина на Кыновском заводе. «Заводские училища в то время содержались еще на заводладельческие средства, и определение учителей всецело зависело от управляющих заводами. На долю штатных смотрителей оставалась только формальность утверждения»²⁰.

В процессе обучения были и моменты самоорганизации – учителями среди школьников выбирались ответственные по дисциплине. В Билимбаевском училище школьники называли их «казаками»; в Строгановском пансионе это была уже почетная должность, которую занял Л.Е. Воеводин. Телесные наказания были общеприняты в Билимбаевском училище и практически отсутствовали в Строгановском пансионе.

Строгановский пансион в Перми был рассчитан на 40 человек, учившихся два года. Находился он сначала в доме Меснера на углу Пермской и Верхотурской (Кирова-Островского), а затем – в доме Дульцевой по Екатерининской улице (Большевикская). Л.Е. Воеводин писал: «Само собой разумеется, что пансион, нечто отдельное от училища, но я-то не мог бы их расчлнить, для меня они сливаются в одно целое»²¹. Вероятно, строгановские воспитанники четко придерживались друг друга, тем более, что в училище они составляли около половины обучающихся. Лично на Л.Е. Воеводина, да и не только на него пансион «оказал большое влияние». Его выпускники поступали и вузы, к примеру, в Московский Технический институт, Земледельческую Академию.

В пансионе подросткам полагалась форма, питание и медицинская помощь. Помимо воспитателя Ф.А. Воронина на учеников большое влияние оказал и особый инспектор Н.И. Петров. «Человек с высшим образованием, что было тогда большой редкостью». По личному рас-

поряжению гр. Строганова он должен был готовить из выпускников учителей для заводских училищ. «Это были первые в Перми учебные курсы, созданные на частные средства и, к сожалению, недолго существовавшие»²².

Жесткий распорядок дня был скопирован с закрытых духовных учебных заведений. Помимо учебы туда входили подвижные игры и вечернее общее чтение книг классиков литературы. По своей инициативе школьники проводили домашние спектакли, вокальные концерты и литературные вечера. Ежедневная жизнь пансиона и училища, а также города фиксировалась в особом журнале.

Молитва в пансионе отличалась припевом «благодетелей наших графиню Наталью и графа Сергея, Господи, сохрани на многие лета!» «Гимн в те времена не имел еще такого распространения, как ныне, и я не помню, чтобы мы когда-нибудь его пели». При обучении в Строгановском пансионе произошло крупнейшее событие в России – отмена крепостного права. «Как мы реагировали на освобождение нас из крепостной зависимости? Да никак! Отвечу я. В тот день мы очень довольны были тем, что за обедом было подано лишнее блюдо – жаркое и белый хлеб». Обед опять завершился хвалой семье Строгановых, и пели его школьники до окончания пансиона Л.Е. Воеводиным. Отмена крепостного права была связана с кудымкарским бунтом, подавленным пушками. Коми- пермяки требовали от управляющего Гилева «Чарскую грамоту», тот бежал из своей квартиры, переодевшись в рясу священника. Его сын Александр учился в это время в пансионе, поэтому до школьников дошли события, на которые они не обращались ранее внимания²³.

Л.Е. Воеводин с женой и братом приехал на Кыновской завод в качестве домашнего учителя в возрасте 21 года. Кыновской завод практикант А.И. Пермяков и будущий профессор Московского Технического училища охарактеризовал как «интеллигентная ячейка». В руководящий штат входили приказчики, ставшие далее управляющими. Управлял заводом Н.А. Рогов, приказчик П.И. Сюзев, далее управляющий Добрянским заводом, Н.С. Конюхов, возглавивший затем Главное управление С.А. Строганова, Тунев, будущий управляющий Билимбаевского завода.

Из воспоминаний Л.Е. Воеводина видно, как женщины начинают привлекаться к общественной жизни. Наиболее показательна личность жены брата управляющего Александры Ивановны Роговой. Она была стрижена, курила и, будучи уроженкой Петербурга, великолепно владела французским и немецким языками. «Ее знания языков пользовались отчасти и заводоуправление при сношениях с границей. Она

была переводчиком служившего в имени немца Пренцеля, ни слова не говорившего по-русски, и вела за него служебные журналы». Остальные женщины были слабее интеллектуально, но вслед за мужчинами создали кружок женского чтения. Затем заводоуправление установило в своем здании одну из первых швейных машинок, и жена Л.Е. Воеводина взялась вести бесплатные курсы шитья для женщин. Л.Е. Воеводин брал жену на закупки общества потребителей в Нижний Новгород как «дамский глаз», а затем это вошло в норму покупок. От второго общества (Усольского) также оптовые закупки делали дамы – Мельникова и Ольхина. Мужчины же от семейных вечеров перешли к чтению лекций, причем создав их устав. Управляющий Н.А. Рогов занимался логарифмами. «Были лекторы по политической экономии, модной в то время науке».

Затем Л.Е. Воеводин стал инициатором создания первого в губернии общества потребителей. Переписка с Петербургом не дала результатов, и он обратился к европейскому опыту – ассоциациям Р. Оуэна, Лассаля, Шульца-Демича. «Нынешний нормальный устав, составленный в министерстве, имеет большое сходство с нашим первым». Поскольку денег на обеспечение общества не было, то «нам мог оказать помощь только граф, и он, действительно, ее оказал, разрешив нам выдать беспроцентную ссуду 6000 рублей по поручительству, организуемого общества потребителей». Разрешение было подписано министром внутренних дел, а ответственность разложена на участников пропорционально жалованию.

Во время первой поездки в Нижний Новгород Л.Е. Воеводин спрашивал торговцев и твердо уверился в опасности «мошенства с азиатским товаром». Из-за резкого удешевления товара его невзлюбили кыновские лавочники, и Л.Е. Воеводин пострадал от навета купцов исправнику. Поскольку разрешение на работу ежегодно подписывалось исправником, это доставило общественнику немало неприятностей. Усольское и Ильинское общество потребителей организовал А.А. Рогов, затем с 1872 г. к ним присоединились Очер и Кува. Их представители совместно делали закупки в Нижнем Новгороде и добивались больших скидок. В 1874 г. кыновское общество имело свыше 10000 руб., даже выплатив долг гр. Строганову.

Помимо новации с обществом потребителей были и другие. К примеру, модернизация «третьейского Строгановского суда «в «домашний суд» для споров между служителями и заводом. Его председателем стал Л.Е. Воеводин. Он же писал пенсионный устав, обратив внимание на расхождение возраста выслуги лет. Рабочие начинали работу в 12 лет, а служители тратили время на обучение и начинали трудиться в

возрасте 20 лет. Было бы несправедливо начислять им меньшую пенсию за стаж. Л.Е. Воеводин отстаивал права работающего пенсионера, поскольку пенсия «всегда сама по себе ничтожна». Интересно, что эту проблему пенсионеров-специалистов с высшим образованием, уже десятилетие не может решить современная Государственная Дума.

По инициативе Н.А. Рогова было решено заключать договоры от завода со служителями. Это был опыт «нигде до сей поры в имении Строгановых не практиковавшийся». Договор разделил служителей; что это – выгода или «вторая крепость». На деле Л.Е. Воеводин внес туда все неписанные, но выполнявшиеся правила. Н.А. Рогов предполагал введение элементов хозрасчета, «чтобы заводская служба сделалась собственным делом». Ему резко оппонировал П.И. Сюзев, считая это нарушением прав владельцев. Он был не одинок в этой оценке. «Доходившие до нас из других заводов неодобрительные слухи о наших вольностях и о том, что мы совершенно свихнулись с заводско-деловой почвы в ущерб владельческим интересам»²⁴.

Таким образом, можно констатировать, что по сравнению с современным периодом в «Трудах Пермской Ученой Архивной комиссии» писалось намного меньше. Личности представителей семьи не освещались, затрагивалась лишь общая поземельная политика Строгановых, а для II половины XIX в. – проблематика образования. Общая характеристика в отношении нарушения земельного права пермяков, татар, башкир, остяков и даже русского населения резко отрицательна. XVIII в. характеризуется вооруженным захватом земель в отличие от политики вытеснения, что было связано с общей тенденцией петровского времени на ужесточение позиций крепостничества. При этом упомянем, что членам Пермской Ученой Архивной комиссии были недоступны строгановские архивы, которыми ранее пользовался управляющий Строгановых Ф.А. Волегов. Поэтому в данных статьях анализировались и комментировались открытые государственные источники, где Строгановы были лишь одной из сторон. Надо учесть и период создания этих статей, и используемый материал. Архивные дела, как правило, представляли жалобы на Строгановых. Авторы-разночинцы негативно оценивали события крепостнического периода кроме исследователей из среды строгановских служителей.

¹ Струминский В.Я. Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского Чудотворца с предисловием и примечанием. // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1905. Вып. 9. С. 65.

² Дмитриев А.А. Критические заметки по истории Перми Великой XVII в. // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С.22.

³ Осокин И.М. К вопросу о миссионерской деятельности преп. Трифона // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1904. Вып. 7. С. 25; Дмитриев А.А. Критические замет-

- ки по истории Перми Великой XVII в. // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С. 31.
- ⁴ Струминский В.Я. Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского Чудотворца с предисловием и примечанием. // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С.31.
- ⁵ Осокин И.М. К вопросу о миссионерской деятельности преп. Трифона // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1904. Вып. 7. С. 30, 35, 47, 41, 39.
- ⁶ Дмитриев А.А. Критические заметки по истории Перми Великой XVII в. // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С.36, 38.
- ⁷ Осокин И.М. К вопросу о миссионерской деятельности преп. Трифона // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1904. Вып. 7. С. 40; Он же. Места подвигов преп. Трифона, Вятского чудотворца в Пермском крае // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1902. Вып. 5. С. 90.
- ⁸ Осокин И.М. Места подвигов преп. Трифона, Вятского чудотворца в Пермском крае // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1902. Вып. 5. С.87- 88.
- ⁹ Дмитриев А.А. О границах древней Перми Великой // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1892. Вып. 1. С. 70, 72, 73, 74; Он же. Критические заметки по истории Перми Великой XVII в. // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С.17.
- ¹⁰ Переписная книга П.К. Елизарова 7155 (1647) по вотчинам Строгановых// Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1892. Вып. 1. С.87.
- ¹¹ Дмитриев А.А. Следы русских поселений в Перми Великой до появления Строгановых // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1901. Вып. 4. С. 71,76.
- ¹² Попов М.Я., Дмитриев А.А. // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1902. Вып. 5. С. 25.
- ¹³ Дмитриев А.А. Следы русских поселений в Перми Великой до появления Строгановых // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1901. Вып. 4. С. 72-73.
- ¹⁴ Кривошеков И.Я. К вопросу об исчезновении Камской Чуди // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1904. Вып. 7. С. 55; Дмитриев А.А. Следы русских поселений в Перми Великой до появления Строгановых // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1901. Вып. 4. С. 72-73,75-76.
- ¹⁵ Осокин И.М. К вопросу о миссионерской деятельности преп. Трифона// Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1904. Вып. 7. С.25, 45, 46.
- ¹⁶ Кривошеков И.Я. К вопросу об исчезновении Камской Чуди // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1904. Вып. 7. С. 54-55, 52, 56, 53.
- ¹⁷ К истории башкирского землевладения в Пермском уезде и грамоты башкир // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1897. Вып. 3. С. 76,77, 80, 81, 87.
- ¹⁸ Дмитриев А.А. Следы русских поселений в Перми Великой до появления Строгановых // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1901. Вып. 4. С. 77.
- ¹⁹ Новокрещенных Н.Н. Из истории Кыштымских горных заводов // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1892. Вып. 1. С.62, 64, 65, 72, 74.
- ²⁰ Воеводин Л.Е. Билимбаевское двухклассное приходское училище в 1854-1860 (Ланкастерская система взаимообучения по личным воспоминаниям) // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1904. Вып. 7. С. 68, 77; Он же. Воспоминания о Пермском уездном училище и Строгановском пансионе 1860-1862 годов // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1910. Вып. 10. С. 192; Он же. Воспоминания о жизни в Кыновском заводе 1868-1874 год // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1914. Вып. 11. С. 165-166.
- ²¹ Воеводин Л.Е. Воспоминания о Пермском уездном училище и Строгановском пансионе 1860-1862 годов // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1910. Вып. 10. С. 198.
- ²² Там же. С. 192, 193.
- ²³ Там же. С. 195, 196, 197.
- ²⁴ Воеводин Л.Е. Воспоминания о жизни в Кыновском заводе 1868-1874 год // Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1914. Вып. 11.С.157,165, 166,5 171, 176- 178, 181, 183.

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОРЕФОРМЕННОГО РАЗВИТИЯ СТРОГАНОВСКИХ ВОТЧИН НА УРАЛЕ

На современном этапе развития отечественной исторической науки значительно усилился интерес учёных к становлению в России индустриального общества и другим, связанным с ним социальным и экономическим проблемам второй половины XIX и начала XX в. В последние два десятилетия произошёл поворот «от изучения социально-экономических процессов через призму в первую очередь вызревания предпосылок социалистической революции – к изучению поступательного экономического развития страны»¹.

В 1992 г. была опубликована коллективная монография² российских и зарубежных учёных, посвящённая вопросам подготовки и проведения реформ Александра II, содержащая ряд новых подходов, в частности по финансово-экономическим проблемам. Позднее в журнале «Отечественная история» была опубликована статья Л.Г. Захаровой³, в которой были сформулированы наиболее важные исследовательские задачи, стоящие перед историками Великих реформ. В их числе Л.Г. Захарова видит задачу «дифференцированного подхода к различным этапам и «уровням» преобразовательного процесса: идеологии, лежавшей в основе намеченных преобразований, первоначальным проектам законов, принятым законам (существенно от них отличавшимся) и, наконец, характеру их реализации, проверке жизнью»⁴.

Крупным событием в отечественной исторической науке стало издание двухтомной «Социальной истории России» известного российского историка Б.Н. Миронова⁵.

Автор исследовал социальную историю императорской России опираясь на достижения отечественной и зарубежной историографии «избегая как негативизма, так и апологетики в отношении национальных достижений». Б.Н. Миронов особо подчёркивает «нормальность российского исторического процесса»⁶. Оригинальный методологический подход, богатство фактического материала и глубокое проникновение в суть проблем поставило монографию Б.Н. Миронова в ряд лучших работ современных историков.

Значительный интерес в последние годы отечественные учёные проявили к истории предпринимательства и крупных частных заводских хозяйств во второй половине XIX – начале XX в.⁷

Успешному развитию исследований в экономической истории во многом способствует Научный совет РАН по проблемам российской и мировой экономической истории, возглавляемый академиком В.А. Виноградовым. Научный совет РАН издаёт с июля 2005 года информационно-аналитический бюллетень совместно с Центром экономической истории при историческом факультете МГУ им М.В. Ломоносова и Кафедрой экономической истории и информационных технологий Мордовского госуниверситета им. Н.П. Огарева. По оценке академика РАН В.А. Виноградова, наиболее плодотворно работающие центры по изучению истории индустриального наследия и истории предпринимательства находятся в академических и университетских центрах Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Тулы, Саранска. Высокую оценку академик Виноградов дал Институту истории и археологии УрО РАН, возглавляемого академиком РАН В.В. Алексеевым, отдав ему пальму первенства в постановке проблемы сохранения индустриального наследия в России⁸.

В последние двадцать лет Институт истории и археологии (ИИА) УрО РАН стал центром исследования не только исторического ураловедения, но и теоретических проблем социальных трансформаций, взаимосвязи процесса модернизации и имперской динамики России, тенденций развития её азиатской части, во многом благодаря академику В.В. Алексееву, принадлежавшего к «числу наиболее видных современных отечественных историков»⁹.

Важным направлением исследований академика В.В. Алексеева, является развитие теоретико-методологических подходов к изучению социально-экономических изменений¹⁰. В рамках этого научного направления выполнены работы И.В. Побережникова¹¹ и Е.В. Алексеевой¹², рассматривающие теоретико-методологические проблемы перехода от традиционного к индустриальному обществу и диффузию европейских инноваций в России, региональные особенности модернизации¹³.

Крупным научным достижением учёных института стало издание монографии «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике»¹⁴ осуществлённое под руководством академика В.В. Алексеева. Важную роль в промышленном освоении Урала XVI века авторы отвели Строгановым¹⁵.

Одним из основных научных направлений Института истории и археологии УрО РАН стало изучение истории Горнозаводского Урала в

условиях раннеиндустриальной модернизации. Учёными института созданы такие крупные работы, как «История Урала в период капитализма»¹⁶, «Уральская историческая энциклопедия»¹⁷, энциклопедия «Металлургические заводы Урала»¹⁸ и другие монографии и сборники статей. Большое участие в разработке проблем социально-экономической истории Урала и России XVII-XX века принял Д.В. Гаврилов. Основные результаты его исследований вошли в сборник избранных трудов «Горнозаводский Урал XVII-XX вв.»¹⁹. Работы Д.В. Гаврилова отличаются чётко выраженной, обстоятельно обоснованной концепцией исторического развития Урала, богатым фактическим материалом, обобщающими аналитическими выводами. Учёный продолжает продуктивное изучение истории промышленной революции на Урале, а также её социальных последствий. В большой статье «Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала во второй половине XIX – начале XX вв. (1861-1917)»²⁰ имеющие важное теоретическое и методологическое значение, учёный пришёл к заключению о том, что «оригинальный строй» Урала представлял из себя своеобразную социально-экономическую структуру, капиталистическую в основе, но сохранившую в себе остатки дореформенных и патриархальных порядков в экономической базе, производственных отношениях, быту, которая в пореформенный период эволюционировала в чисто капиталистическую»²¹.

В 2006 г. Д.В. Гаврилов опубликовал новую статью «Модернизационный взлёт Урала в конце XIX – начале XX вв.»²², в которой подробно, на материалах практически всех металлургических заводов автором скрупулёзно исследовано развитие технического прогресса уральской горнозаводской промышленности с 1861 г. до начала 1930 – х гг.

В продолжение этого исследования в 2007 г. в журнале «Отечественная история» Д.В. Гаврилов опубликовал статью²³ о крупных, модернизационного характера сдвигах в уральской горнозаводской промышленности, о коренной социальной трансформации Урала в конце XIX-начале XX вв. На большом фактическом материале учёный доказывает, что «Урал накануне 1917 г. кардинальным образом отличался от Урала первых пореформенных десятилетий. Он не был «символом технической отсталости»²⁴, ... был сделан крупный рывок в техническом оснащении уральской металлургии²⁵, ... формировался крупный отряд фабрично-заводского рабочего класса»²⁶.

Благодаря исследованиям Д.В. Гаврилова разработана научная концепция промышленной революции на Урале в XVIII – начале XX вв., обоснована её периодизация, включающая три этапа. Первый этап – рубеж XVIII – XIX вв. – 30-е гг. XIX в. – накопление предпосылок

промышленной революции; второй этап: 40-80-е гг. XIX в. – период технической революции в железодельном производстве; третий этап: 90-е гг. XIX в. – 10-е гг. XX в. – период технической революции в сталелитейном производстве – переход к индустриальной технике и технологиям производства²⁷.

Интересным исследовательским проектом, реализованным учёными Института истории и археологии УрО РАН С.В. Голиковой, Н.А. Миненко и И.В. Побережниковым стало изучение взаимодействия и противоречий горнозаводских центров и аграрной среды в России²⁸. Учёные пришли к выводу о том, что в XVIII-первой половине XIX века «крестьянство Урала и Западной Сибири было в значительной степени интегрировано в горнометаллургическое производство»²⁹. Авторы монографии отметили общую тенденцию – увеличение применения на заводах свободного крестьянского труда, рост его денежной оплаты, а в результате опережающее развитие социальных отношений во вспомогательных отраслях горно-металлургической промышленности по сравнению с основными, цеховыми³⁰.

Развитию отдельных отраслей уральской промышленности посвящены работы Е.Ю. Рукосуева³¹, Е.А. Курлаева³², С.С. Набойченко³³.

В тесном взаимодействии с Институтом истории и археологии УрО РАН учёные ряда уральских вузов вели исследования в области социально-экономической истории.

Всесторонний анализ развития металлургического производства и социально-экономических отношений в Нижне-Тагильском округе Демидовых в первой половине XIX века был осуществлён Т.К. Гуськовой³⁴. Исследование, проведённое Т.К. Гуськовой, содержит ряд ценных выводов, имеющих значение для всей уральской горнозаводской промышленности, независимо от юридического статуса владельца. Прежде всего, это вывод о том, что «найдя на Урале благоприятные условия, мануфактура не только сумела полностью раскрыть заключённые в ней потенции развития, но также заметно продвинуться по пути и индустриализации»³⁵. Автор видит причины успешного развития уральской металлургии в первой половине XIX века («в исключительных природных богатствах, добывавшихся на территории обширных земельных и лесных дач, приписанных к уральским заводам»³⁶. Характерной чертой, по мнению Т.К. Гуськовой, окружного хозяйства была его «многоформность», т.е. сложная, но достаточно сбалансированная «машина» заводского хозяйства, находившаяся в постоянной динамике. В горнозаводских округах Урала, уже в первой половине XIX века переплетались и взаимодействовали феодальные и капиталистические элементы, до определённого времени мирно уживавшиеся в

едином производственном комплексе, что «было характерно не только для экономической, но и для социальной структуры окружной системы заводского хозяйства»³⁷. Автор обращает внимание на то, что «сложившееся в специфических условиях Урала горнозаводское сословие было уникальной структурой, существенно отличавшейся от других сословий и социальных групп населения крепостной России»³⁸. В первой половине XIX века состав горнозаводского населения был достаточно сложным, и уже «далеко не все принадлежавшие к горнозаводскому сословию люди действительно выполняли заводские работы, ... общей тенденцией было постепенное вытеснение крепостного труда вольнонаемным»³⁹.

В работе Т.К. Гуськовой достаточно глубоко показаны структурные противоречия заводского хозяйства, обусловленные диспропорциями развития основных и вспомогательных отраслей, приводившие к росту накладных расходов и удорожанию товарного металла. Развивавшиеся товарно-денежные отношения были теми объективными факторами, которые, по мнению автора, способствовали нарастанию кризисных явлений в уральской горнозаводской промышленности. Решающую роль «в углублении уже наметившегося в I-ой половине XIX в. кризиса заводского хозяйства на Урале, сыграла отмена крепостного права, ускорившая процесс развития капиталистических отношений в России. В новых исторических условиях окружная система заводского производства не только теряет свою «самодостаточность», но и превращается в тормоз дальнейшего развития уральской металлургии»⁴⁰.

Значительным событием в разработке истории аграрной политики правительства на горнозаводском Урале стала монография Н.Н. Алеврас⁴¹ и защищённая в 1997 докторская диссертация⁴² по этой проблеме в более широких хронологических рамках – последней трети XIX века и начала XX. Диссертация наиболее полно отражает авторскую позицию учёного, исследовавшего ряд принципиальных проблем землепользования и землеустройства горнозаводского населения Урала.

Анализ российского аграрного законодательства дал основание Н.Н. Алеврас сделать вывод о том, что наделение горнозаводского населения землёй «осуществлялось в рамках сословного подхода и привело к созданию такой правовой модели землеобеспечения горнозаводского населения, которую можно считать производной от общекрестьянского права»⁴³.

Важной особенностью правительственной аграрной политики в изучаемый период стал не только сословный принцип, но и наличие внутрисословных правовых границ. Их существование Н.Н. Алеврас объясняет несовпадением «правового статуса горнозаводских лати-

фундий, принадлежавших различным собственникам – казне, заводчикам – посессионерам, заводчикам- собственникам» и наличием в составе горнозаводского населения двух групп, отличающихся «производственно-профессиональными характеристиками» – «мастеровых» и «сельских работников»⁴⁴. Эти группы отличались одна от другой по площади землепользования, видам угодий и по перспективам перехода земельных наделов в собственность.

Н.Н. Алеврас выделяет два этапа аграрной политики правительства в отношении горнозаводского населения Урала, в целом определяя её как попечительскую и консервативную. На первом этапе, продолжавшемся до начала XX века тактической целью правительства было создание вспомогательного и стабильного источника материального существования горнозаводского населения, а стратегической целью – поддержание сословий, необходимых для сохранения и действия горнозаводской промышленности. Начиная с 70-х годов XIX в. правительство пыталось выработать обновлённый вариант решения аграрного вопроса для горнозаводского населения⁴⁵. Причину нового курса Н.Н. Алеврас объясняет «неудачной практикой реализации в горнозаводских округах реформы 1861 г., в результате чего горнозаводское население не получило официального оформления своих и без того весьма ограниченных прав на земельные наделы»⁴⁶. Закон и инструкция 12 марта 1877⁴⁷, впервые сформулировали два новых принципа землеустройства горнозаводского населения: первый о предоставлении ему прав собственности на земельный надел и второй – о законодательном утверждении фактического землепользования, в том числе и угодий приобретённых «захватным» способом⁴⁸. Автор диссертации рассматривает закон 1877 года как «эксперимент-реформу»: через его реализацию на ограниченной «государственной территории уральского региона правительство впервые использовало правовые новшества, предполагая распространить их на посессионные, а потом и частновладельческие округа»⁴⁹.

Несмотря на наступивший в начале 1880-х годов период «контрреформ» Н.Н. Алеврас считает, что законы от 19 мая 1893 г.⁵⁰ и 8 июня 1901 г.⁵¹ «позволяют видеть в аграрном курсе правительства проявления реформаторских тенденций»⁵². По мнению Н.Н. Алеврас «законы 1877, 1893 и 1901 гг. не были приведены в соответствие с теми изменениями, которые вводились в систему крестьянского права. В частности, на горнозаводское население не были распространены нормы законов 1881 и 1887 гг., переводивших помещичьих и государственных крестьян на обязательный выкуп.... Таким образом, земельный наделный фонд горнозаводского населения длительное время должен

был существовать в рамках статуса пользования и был лишён каких-либо прочных юридических гарантий своей целостности»⁵³.

Автор диссертации отмечает важный рубеж – завершение законотворческой деятельности правительства в отношении землеустройства населения казённых и посессионных округов. Нерешённой оставалась проблема разработки закона о землеустройстве горнозаводского населения частновладельческих заводов»⁵⁴. Исследование Н.Н. Алеврас десятилетней (1906-1916) разработки аграрного законопроекта для мастеровых частных заводов, оказавшейся безрезультатной привело её к заключению о том, «что правительство последовательно отстаивало идеи завершения землеустройства населения, обеспечения его землёй по принципу «фактического» землепользования и передачи земли в собственность»⁵⁵.

В начале XX века наибольшую актуальность для правительства приобрели социальные аспекты аграрной политики, правительство было заинтересовано в землеустройстве горнозаводского населения, особенно утратившего связи с заводским трудом, поскольку «земельное наделение являлось наиболее дешёвым способом решения социально-экономических проблем населения горнозаводских округов»⁵⁶. Автор диссертации делает вывод о том, что несмотря на юридическое несовершенство законодательства, «к 1917 г. основные мероприятия по отводу земельных наделов в казённых и посессионных округах были завершены... Незавершённым осталось землеустройство населения в частновладельческих округах. Итоговые сведения по этому вопросу опираются на весьма приблизительные наблюдения»⁵⁷.

Подводя итоги исследования, Н.Н. Алеврас подчеркнула ту особенность аграрной политики правительства на Урале, что оно за почти 50-летний период «не сумело преодолеть все стоявшие на его пути препятствия и решать возникавшие задачи»⁵⁸. Правительственная политика «отличалась бюрократической медлительностью, неэффективностью, малорезультативностью. Вместе с тем, создание серии аграрных законов, выполненная часть программы по землеустройству горнозаводского населения, решение сотен земельных споров через Сенат и местные органы власти составляли реальный потенциал, позволявший продолжить аграрные преобразования на более глубокой либеральной основе»⁵⁹.

На современном этапе развития отечественной исторической науки значительно вырос объём публикаций, посвящённых роду Строгановых и их деятельности. Об этом свидетельствуют вышедшие в последние годы из печати различные по объёму и тематике научные работы Е.Г. Неклюдова⁶⁰, А.С. Грузинова⁶¹, Л.В. Сапоговской⁶² и историко-

публицистические Т.Г. Эйриян⁶³, В.Л. Семёнова⁶⁴, учебное издание Г.П. Головчинского и А.Ф. Мельничука «Строгановские городки, острожки, села»⁶⁵, учебное пособие С.Г. Шустова, рассматривающее формирование земельной собственности и майората графов Строгановых, а также экономические и общественные отношения в Пермском нераздельном имении в первой половине XIX века⁶⁶.

В последние годы активно разрабатывают Строгановскую тематику краеведы⁶⁷ и генеалоги⁶⁸. В Усолье⁶⁹, Соликамске⁷⁰, Березниках⁷¹, Ильинском⁷², Первоуральске⁷³ и Перми⁷⁴ состоялись конференции, посвящённые истории Строгановых, их предпринимательству, государственной и общественной деятельности.

Из огромного количества различных статей и материалов опубликованных в постсоветское время наибольший интерес представляют работы монографического характера и крупные статьи профессиональных историков.

Работа А.Р. Андреева, опубликованная в 2000 году, состоит из трёх частей. Первая содержит высказывания и оценки Строгановых ведущих русских историков XIX и XX – В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва и других. Вторая часть исследования А.Р. Андреева посвящена изложению родословной Строгановых, начиная с XV по начало XX века. Третью часть издания составляют публикации документов Строгановского архива: Жалованные царские грамоты, «деловые», памяти, росписи, купчие и другие. Работа А.Р. Андреева представляет значительный интерес для исследователей благодаря своему энциклопедическому характеру.

Монография Е.Г. Неклюдова посвящена изучению личностей уральских заводладельцев первой половины XIX века и входит в «круг пока немногочисленных работ, связанных составлением исторической антропологии»⁷⁵. К этому направлению отечественной историографии относятся работы Л.В. Сапоговской, обратившейся к «характеристике конкретной практики хозяйствования потомков «старых» владельцев уральских горнозаводских округов во второй половине XIX – начале XX века»⁷⁶.

Важный аспект истории Строгановских имений в конце XVIII – первой половине XIX вв. исследован Н.В. Голохвастовой. Автору удалось показать формирование, уточнить численность, состав и основные группы крепостных служащих двух имений. Большое внимание в монографии Голохвастовой уделено социально-психологическим особенностям и мотивации поведения служащих, а так же их отношениям с хозяевами и подчинёнными.

Существенный вклад в изучение имений Строгановых внесла диссертационная работа Т.Г. Мезениной⁷⁷, выполненная на кафедре истории Социально-гуманитарного института Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Т.Г. Мезенина исследовала социально-экономическую организацию Строгановских вотчин, показав, с одной стороны, своеобразие их формирования в XVIII-первой половине XIX века, а с другой, выделив то общее, что объединяло горнозаводские вотчины как особый тип хозяйств с мануфактурным производством.

В 2008 г. защищена докторская диссертация С.О. Кузнецовым⁷⁸, посвящённая исследованию роли рода Строгановых (Строгоновых) в истории России, её положению в составе правящей элиты и меценатской деятельности в XVIII-начале XX в.

Большая по объёму и богато иллюстрированная монография пермского исследователя Т.Г. Эйриян – результат её многолетней работы, рассказывает читателю не только о родственных связях фамилии Строгановых, но и показывает роль и место представителей рода Строгановых в государственной, общественной и культурной жизни Российской империи XVIII-XIX веков.

В 2006 году пермский философ и историк В.Л. Семёнов опубликовал монографию о жизни и деятельности графа П.А. Строганова – известного государственного деятеля эпохи Александра I, героя Отечественной войны 1812 года.

Работы А.Р. Андреева, Е.Г. Неклюдова, Л.В. Сапоговской, Т.Г. Эйриян, В.Л. Семёнова с различных сторон исследующие личности уральских помещиков заводовладельцев, как и монографию Н.В. Голохвастовой, показавшей сообщество служащих Строгановских имений можно отнести к историко-антропологическому жанру современной отечественной историографии.

Статья А.С. Грузинова рассматривает хозяйственное развитие вотчины князей Абамелек-Лазаревых, на основе бюджетов и других экономических документов управления имением. Автор приходит к выводу об успешном развитии Чермозского горнозаводского округа Абамелек-Лазаревых в начале XX в., в основе которого лежала стратегия инвестирования прибыли в увеличение основных производственных фондов⁷⁹. История развития производительных сил и экономических отношений в горнозаводских вотчинах Урала, представляет важную исследовательскую проблему и это ещё раз показала статья А.С. Грузинова.

В 2007 г. из печати вышла книга «Род Строгановых»⁸⁰, созданная коллективом уральских историков. Издание повествует о видных

представителях знаменитого рода – государственных и военных деятелях, предпринимателях и меценатах. Книга адресована «как учащимся старших классов средней школы, так и всем, кто любит родной Урал и хотел бы больше узнать о его славной истории»⁸¹, содержит богатый фактический материал, прекрасно иллюстрирована.

Подводя итог историографическому обзору современного этапа исследований истории крупных горнозаводских вотчин Урала следует выделить основные группы работ, в разной мере затрагивающих проблему. Во-первых, это теоретико-методологические исследования, и работы, раскрывающие основные этапы и направления развития уральской горнозаводской промышленности и социума в условиях раннеиндустриальной модернизации. Это работы В.В. Алексеева, Д.В. Гаврилова, И.В. Побережникова, Е.В. Алексеевой, С.В. Голиковой, Н.А. Миненко, Н.Н. Алеврас, Т.К. Гуськовой, Т.Г. Мезениной, А.С. Грузинова и других авторов.

Вторая группа объединяет работы историко-антропологического направления, отражающие личностные характеристики и жизненные приоритеты некоторых представителей клана Строгановых и их ближайшего окружения. Сюда относятся работы А.Р. Андреева, Е.Г. Неключдова, Л.В. Сапоговской, Т.Г. Эйриян, В.Л. Семёнова, Н.В. Голохвастовой.

Третья группа наиболее многочисленных публикаций краеведов и журналистов, отражающих отдельные, частные стороны жизни Строгановых, содержащие различные сведения об их деятельности. Следует отметить полное отсутствие работ монографического характера, комплексно исследующих эволюцию хозяйства и земельных отношений в Строгановских имениях в условиях раннеиндустриальной модернизации.

¹ Корелин А.П. Центр «История России в XIX веке» Института Российской истории РАН (1995-2005 гг.) // Информационно-аналитический бюллетень научного Совета Российской Академии наук по проблемам российской и мировой экономической истории. 2006. № 3. С. 20.

² Великие реформы в России. 1856-1874 / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992.

³ Захарова Л.Г. Великие реформы 1860-1870-х годов: поворотный пункт Российской истории? // Отечественная история. 2005 – № 4.

⁴ Захарова Л.Г. Указ. Соч. С. 164-165.

⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В. 2 т. СПб. 2000.

⁶ Там же. С. 16-17.

⁷ Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997; История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1999; Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и поли-

- тика. М., 2002; Арсентьев Н.М., Макушев А.А. Хрустальные короли России: промышленное хозяйство и предпринимательская деятельность Мальцевых в XVIII-XIX веках. М., Наука. 2002; Шацкило М.К. Социальный состав буржуазии в России в конце XIX в. М., 2004; Поткина И.В. На Олимпе делового успеха. Никольская мануфактура Морозовых, 1797-1917 гг. М., 2004; Арсентьев Н.М., Макушев А.А. Российские предприниматели Мальцовы / Н.М. Арсентьев, А.А. Макушев. Саранск, Морд. Кн. Изд-во. 2006; Макушев А.А. Предпринимательская деятельность Мальцовых во второй половине XVIII – начале XX века: индустриальное наследие. Саранск; Морд. кн. изд-во. 2006.
- ⁸ Виноградов В.А. Приветственное слово при открытии III Международной научной конференции «Индустриальное наследие 28 июля 2007 г. (Индустриальное наследие: материалы III Международной науч. конф. г. Выкса, 28 июня – 1 июля 2007 г. / редкол.: В.А. Виноградов (отв. ред.) и др. Саранск, Изд. Центр Историко-социал. ин-та МГУ им. Н.П. Огарева, 2007. М. 3-4.
- ⁹ Сахаров А.Н., член-корреспондент РАН (ИРИ РАН), Артёмов Е.Т., кандидат исторических наук (ИИА УрО РАН). Юбилей академика РАН Вениамина Васильевича Алексеева. // Отечественная история. 2004. № 5. С. 213.
- ¹⁰ Алексеев В.В., Салоговская Л.В. Исторический опыт промышленной политики в России. К XX Российскому экономическому форуму. Екатеринбург, 2000; Алексеев В.В. Трансформация собственности в контексте теории модернизации (к постановке проблемы) // Собственность в XX столетии. К 80-летию академика В.А. Виноградова. М., 2001, Он же. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004; Он же. Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? // Индустриальное наследие: материалы Международной науч. конф., Саранск, 23-25 июня 2005 г. / редкол.: В.А. Виноградов (отв. ред.) и др. – Саранск, 2005; Он же. Уральская металлургия Урала XVII-XXI в.в. Коллек. моногр. Предисловие академика РАН В.В. Алексеева. Екатеринбург, 2005; Он же. Металлургические заводы Урала как уникальные памятники индустриальной цивилизации // Индустриальное наследие: материалы III Междунар. науч. конф., г. Выкса, 28 июня – 1 июля 2007 г. / редкол.: В.А. Виноградов (отв. ред.) и др. Саранск, 2007 и другие работы.
- ¹¹ Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологическое проблемы модернизации. Предисловие академика РАН В.В. Алексеева. М.: РОССПЭН, 2006.
- ¹² Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII-начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2007.
- ¹³ Россия в XVII-начале XX в.: региональные аспекты модернизации. Отв. Редактор И.В. Побережников. Екатеринбург: УрО РАН. 2006.
- ¹⁴ Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков И.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI-XX века. М., 2004.
- ¹⁵ Там же. С. 323-324.
- ¹⁶ История Урала в период капитализма. Ответственный редактор доктор исторических наук Д.В. Гаврилов. М.: Наука. 1990.
- ¹⁷ Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е. Екатеринбург, Академ. Книга. 2000.
- ¹⁸ Металлургические заводы Урала. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001.
- ¹⁹ Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII-XX вв. Избранные труды. Предисловие академика РАН В.В. Алексеева. Екатеринбург: УрО РАН, 2005.
- ²⁰ Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII-XX вв. С. 148-178.
- ²¹ Гаврилов Д.В. Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала во второй половине XIX – начале XX вв. (1861-1917). С. 177.
- ²² Гаврилов Д.В. Модернизационный взлёт Урала в конце XIX- начале XX вв. // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII-XXI вв. С. 40-43.
- ²³ Гаврилов Д.В. Промышленный переворот на Урале: неудачная попытка переосмысления // Отечественная история. 2007. №1.
- ²⁴ Гаврилов Д.В. Промышленный переворот на Урале: неудачная попытка переосмысления, с. 156.

- ²⁵ Там же. С.151.
- ²⁶ Там же. С.157.
- ²⁷ Гаврилов Д.В. Промышленная революция XVIII-XIX в.в. на Урале // Горнозаводский Урал XVII-XX вв. с. 125.
- ²⁸ Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В., Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействие и противоречие (XVIII-первая половина XIX в.). М., 2000.
- ²⁹ Там же. С.75.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Рукосуев Е.Ю. Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX – начале XX вв. Екатеринбург, 2004.
- ³² Курлаев Е.А. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVIII веке. / Е.А. Курлаев, И.Л. Манькова. М., 2005.
- ³³ Набойченко С.С. Заводы цветной металлургии Урала. 2-е изд-е., доп. Екатеринбург, 2005.
- ³⁴ Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века. Челябинск, 1996.
- ³⁵ Там же. С.203.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С.205.
- ³⁸ Там же. С.206.
- ³⁹ Там же. С.207- 208.
- ⁴⁰ Там же. С.209.
- ⁴¹ Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века. Челябинск, 1996.
- ⁴² Алеврас Н.Н. Аграрная политика Российского правительства на горнозаводском Урале в последней трети XIX – начале XX века. Диссертация на соиск.уч.степени доктора истор.наук. Челябинск, 1997.
- ⁴³ Там же. С.346.
- ⁴⁴ Там же. С.347.
- ⁴⁵ Там же. С.347-348.
- ⁴⁶ Там же. С.348-349.
- ⁴⁷ Высочайше утверждённое положение Главного Комитета об устройстве сельского состояния от 12 марта 1877 года «Об Инструкции о порядке отграничения земельного и лесного наделов и о способе исчисления оброчной подати и лесного налога с горнозаводского населения мастеровых и сельских работников казённых гонных заводов». ПСЗ. Собр. Второе. Т.52. Вып.1. №57054. С.201-209. СПб., 1879.
- ⁴⁸ Алеврас Н.Н.Указ. Диссерт. С.349.
- ⁴⁹ Там же. С.350.
- ⁵⁰ Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета от 19 мая 1893 г. «О завершении поземельного устройства мастеровых и сельских работников посессионных горных заводов в Уральских горнозаводских округах». ПСЗ. Собр. Третье. Т.ХIII. № 9628. С.326-327. СПб., 1895.
- ⁵¹ Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета от 8 июня 1901г. «О некоторых изменениях в правилах о поземельном устройстве горнозаводского населения на Урале». ПСЗ. Собр. Третье. Т.21. Вып.1. № 20339. С.617-619. СПб., 1903.
- ⁵² Алеврас Н.Н. Указ. Диссерт. С.351.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. С.352.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Алеврас Н.Н. Указ. Диссерт. С.354.
- ⁵⁷ Там же. С.353.
- ⁵⁸ Там же. С.357.
- ⁵⁹ Там же.

- ⁶⁰ Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Н.Тагил. 2004.
- ⁶¹ Грузинов А.С. Эволюция хозяйства князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX-начале XX века (по бюджетным материалам) // Отечественная история. 2004. №3.
- ⁶² Сапоговская Л.В. Владельцы уральских горнозаводских округов: типы хозяйствования в постфеодальном рынке. // Три столетия уральской металлургии. Екатеринбург. 2001. Она же. «Старые владельцы уральских горнозаводских округов второй половины XIX-начала XX в.: Опыт типологии хозяйствования. // Вопросы истории. 2006. №3.
- ⁶³ Эйриян Т.Г. Из рода Строгановых. История XVI-XIX веков в лицах. Екатеринбург. 2003.
- ⁶⁴ Семёнов В.Л. Несбывшиеся надежды. Жизнь и деятельность графа П.А. Строганова. Пермь. 2006.
- ⁶⁵ Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь. 2005.
- ⁶⁶ Шустов С.Г. Пермское имение графов Строгановых в первой половине XIX века. Учебное пособие. Пермь, 2006.
- ⁶⁷ Плотников И.В. Из истории Пермского нераздельного имения Строгановых. Пермь, 2006; Ильинский: страницы истории. К 425-летию посёлка. Пермь, 2004.
- ⁶⁸ Именитые люди, бароны и графы Строгановы. Автор составитель А.Н. Онучин. Пермь, 1996.
- ⁶⁹ Строгановские чтения. Усолье 16 мая 2002 г. (сост. предисл. Л.В. Баньковского) Соликамск, 2002.
- ⁷⁰ Проблемные вопросы историко-культурного наследия Урала. Соликамск, 1996.
- ⁷¹ Проблемные вопросы историко-культурного наследия Верхнекамского региона. Березники, 1991; Проблемы и тенденции развития Верхнекамского региона: истории, культуры, экономики. Березники, 1992. Усольская старина. Материалы Коноваловских чтений. Березники, 1996;
- ⁷² Сторотушка Ильинская: материалы научно-практической конференции. Ильинский, 1997.
- ⁷³ Первые Строгановские чтения. Первоуральск, 2004.
- ⁷⁴ Строгановы и Пермский край: Материалы научной конференции. Пермь, 1992; Строгановское историческое собрание. Материалы конференции историков и краеведов Пермского края (16 июня 2006 г.). Под ред. С.Г. Шустова. Изд. Прикамского социального института – Пермь, 2005; Строгановское историческое собрание. Материалы II конференции историков и краеведов Пермского края (27 апреля 2007 г.). Под ред. С.Г. Шустова. Изд. Прикамского социального института. Пермь, 2007.
- ⁷⁵ Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века. Соч. С.3.
- ⁷⁶ Сапоговская Л.В. «Старые» владельцы уральских горнозаводских округов... С.20.
- ⁷⁷ Мезенина Т.Г. Пермские владения Строгановых в XVIII-первой половине XIX в.: особенности пространственной и социально-экономической организации. Автореферат диссерт. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Екатеринбург, 2007.
- ⁷⁸ Кузнецов С.О. Государственная меценатская деятельность рода Строгановых в имперский период. Автореферат диссерт. на соискание уч. степени доктора ист.наук. Санкт-Петербург, 2008 г.
- ⁷⁹ Грузинов С.А. Эволюция хозяйства князей Абамелек-Лазаревых ... С.100.
- ⁸⁰ Мезенина Т.Г., Мосин А.Г., Мудрова Н.А., Неклюдов Е.Г. Род Строгановых: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2007.
- ⁸¹ Там же. С.5.

*Н.Е. Бесстрашников,
И.В. Мохначёва*

СТРОГАНОВЫ И ОЧЕРСКИЙ ЗАВОД

Первое упоминание об Очере – пока еще на уровне топонима – относится к 1597 г. (земли, переданные По Государевой Царевой и Великого князя жалованной грамоте от 7 апреля 1597 года): «к Очерскому городку уезду: от речки Ласвы по реке по Каме вниз по правой стороне до речки до Ошапу 55 верст, и в той меже в реку в Каму по обе стороны впади речки Сюзьва, да Нытва, да Юг, да Очер, да Ошап; и по Каме реке от речки Ласвы вниз до Ошапу по обе стороны и иные малые речки дикие, которые впади в Ласву, и в Сюзьву, и в Юг, и в Очер, и в Ошап по обе стороны от устей и до вершин, береги и леса дикие, и селища чудские, и заросли, и озерка, и истоки, и островки, и наволочки дикие, которые лежат впорозже впусе – все к очерскому острожку»¹. В описании М. Кайсарова в 1623-24 гг. указывается: «Всего в новом Очерском округе: 9 деревень, 1 починок, 7 пустошей (пустых дворов), в них 32 двора крестьянских, 4 бобыльских, людей 53 человека мужского пола, да в семи пустошах 40 дворов пустых и 5 мест дворовых...». [В самом Очере] «городок деревянный рубленный, у него двои ворота, да две башни глухих, а меж ворот и башен городень и стоячего острогу по мере 129 сажень, а в городке храм деревянный во имя Сретения...». «Сверх того в Очере был двор вотчинников, т.е. господский, 18 дворов крестьянских, 10 дворов бобыльских, людей в них 37 человек мужского пола...»².

Образование собственно завода Очер связано с Указом императрицы Елизаветы Петровны о разрешении барону Александру Сергеевичу Строганову построить железодельный завод на нежилом урочище (на р. Очёр). 7(19) июня 1759 года. Строительство велось силами принадлежащих Строгановым крепостных из горнозаводских имений (Билимбаев, Добрянки, Усоля). Очёрский завод был пущен в ход в 1761 г. – уже через два года после разрешения императрицы³.

В 1781 году, осенью, граф Александр Сергеевич руководил открытием Пермской губернии (18.10.1781 г.) и попутно, обозревая своё Пермское имение, посетил Очёр, вместе с сыном – графом Павлом Александровичем⁴. Очёрский завод, находившийся до сего времени в Казанской губернии, Кунгурской провинции, был подчинен вновь уч-

реждённому Пермскому наместничеству и должен стал состоять в уезде города Оханска.

Имя А.С. Строганова в Очере связано также с развитием культуры в заводе Очер. В 1807 г. приказчик А.К. Прядильщиков получил разрешение Строганова выделить пустующее помещение склада под театр. Из летописей и записок Прядильщикова известно, что с 1810 г. очерцы ставили в своем театре отрывки из опер и даже целые оперы⁵. С тех пор, на протяжении 200 лет, Очерский театр является неотъемлемой частью культурной жизни Очера.

Существует вероятность того, что граф П.А. Строганов побывал в Очере в 1784 г., путешествуя по стране со своим «домашним учителем» Жильбером Роммом и Андреем Ворониным. Такой вывод можно сделать на основании того, что в Ильинском краеведческом музее найдено свидетельство посещения Строгановым и Роммом Ильинского в 1784 г., а нам известно, что путь на Ильинское был следующим: по Каме доплывали до Таборской пристани, оттуда на каретах ехали в Очер, где, как правило, делалась остановка на несколько дней, затем, на каретах, ехали в Ильинское.

Цеха выделки листового и шинного железа не справлялись с прокатом получаемого металла. А.С. Строганов решает построить новый, вспомогательный завод, неподалеку от Очерского, который и был заложен в 1816 году на р. Очёр, при плотине Бурдинской мельницы⁶. Пускал новый завод уже его сын Павел Строганов, который был хорошо известен в Европе во времена Великой Французской буржуазной революции, как «гражданин Очёр». С 1817 года завод был пущен в действие, к нему отошли новые земли, десятки деревень. Завод и поселок стали называть Павловский.

В 1820 г. в Очере была открыта первая «графская» больница «с приличной при ней аптекой» (необходимые лекарства поставлялись сюда из Ильинского, да и отчеты о работе больницы направлялись туда, с этого же времени существовало училище на 100 учеников⁷.

Софья Владимировна Строганова была известна своей «законодательной» деятельностью. При земских избах были учреждены словесные суды, при заводских конторах (разрядах) – ремесленные расправы, при главном управлении имением – третейский суд. Был определен порядок сельских сходов, введено страхование имущества, учрежден ссудный капитал, установлен порядок назначения пенсий служащим и мастеровым и т.п.⁸.

В 1823 году князь Василий Сергеевич Голицын, управляющий делами в Главной Петербургской конторе и в имениях своей тещи – Софьи Владимировны, посетил Пермские имения. Проезжая через Очёр,

чему есть летописные подтверждения. Князь Голицын отстранил от должности заводского приказчика Мичурина за то, что последний на вопрос князя о количестве действовавших молотов, не сумел дать надлежащий ответ⁹.

Строительство одного из первых каменных зданий в Очере – Храма Михаила Архангела также связано с С.В. Строгановой. В 1830 г. Софья Владимировна Строганова пожелала принять участие в строительстве новой церкви – строительство велось за ее счет, и 1 июля (по новому стилю) 1830 года состоялась закладка каменного здания¹⁰.

В 1846 году, 22 июля, в первый раз, согласно летописи, прибыл в завод Очёр граф Сергей Григорьевич Строганов. Отсюда он выехал по заводам 29 июля, возвратился обратно через Ильинское 22 сентября. 30 сентября уехал в Москву. Во второй раз граф С.Г. Строганов прибыл в Очёр 24 июля 1850 года для осмотра нового цеха. В сороковых годах мастер Нижне-Туринского завода Куимов внёс полезное нововведение в работу кричных печей. Новинка была настолько эффективна, что Строганов послал крепостного инженера из Добрянки и крепостного техника Лунёва из Очёра для знакомства с ней. С новинкой ознакомились, проект её привезли в Очёр и построили здесь в 1849 г. реформированный «куимовский» кричный цех. После знакомства с работой цеха граф отправился 22 августа в Москву, о чем есть записи в Летописи Очера¹¹.

В субботу 29 марта 1880 году, в 10 часов ночи, из с. Кленовки впервые приехал в Очёр граф Сергей Александрович, последний владелец Пермского нераздельного имения, внук Сергея Григорьевича, на 5-ти экипажах, с ним было свиты 6 человек: дядька, полковник, инженер, камердинер, повар, лакей. По данным летописи, из Очёра они выехали 1 апреля по заводам и в с. Ильинское. Обратно возвратились в Очёр 1 июня, а из Очёра 6 июня выехали в Москву. Второй раз граф Сергей Александрович прибыл в Очёр из Москвы 7 августа 1883 года. На своём пароходе доплыл до Таборской пристани, оттуда – в Очёр на 14-ти подводках (62 лошади), со свитой в 12 человек: граф Сергей и его жена Евгения, её родственников – 2, инженер, секретарь, камердинер, повара – 2, лакеев – 2, горничная. Из Очёра отправился по заводам и в Ильинское. Вернулся из Главного правления в Таборы на пароход 28 августа, там его встречало очёрское начальство – управляющий Пётр Алексеевич Малых, члены правления Алексей Яковлевич Власов, Фёдор Яковлевич Бушуев. Затем граф отправился в Москву¹².

Проникновение технических новинок на Очерскую землю, дальнейшее развитие культуры связано с назначением С.А. Строгановым управляющим Очерским заводом П.А. Малых (в 1883 – 1901 гг.). Он

изобрел диаграммный прибор для точного показания неровностей на раскатах листокатальных валков и суппорт с наждачными кругами для приточки валков. Диаграммный прибор и суппорт устанавливались на прокатный стан, в состав которого входили нижний чугунный прокатный валок, оточенный и выверенный при посредстве указанных суппорта и диаграммного прибора, с приложением металлической линейки и циркуля, употребляемых для поверки положения раскатов и для измерения толщины листокатальных валков. За это изобретение П.А. Малых – единственный из окружных управляющих заводами Пермского нераздельного имения Строгановых – был награжден орденом Станислава 3 степени. В 1884 г. Очерский и Павловский заводы были соединены телефонной связью, в 1895 г. проведен телеграф в сторону Б.Сосновы¹³. При П.А. Малых в Очере в 1883 г. возникает Общество семейных вечеров. Члены Общества являлись организаторами и распорядителями музыкально-литературных вечеров и театральных постановок, балов и балов-маскарадов, сами входили в состав труппы Очерского театра. Общество являлось распространителем последних научных достижений, выписывая лекторов для чтения докладов, занималось благотворительностью¹⁴.

Третье прибытие графа Сергея Александровича Строганова в Очёр связано с инспекцией в феврале 1886 года Кувинского завода, где пробыл 9 месяцев, оттуда прибыл в Очёр 20 ноября, а из Очёра отправился в Москву 26 ноября¹⁵.

С именем С.А. Строганова связано дальнейшее осуществление аграрной реформы в Очёрском округе (начатой Н.П. и С.Г. Строгановыми после отмены крепостного права)¹⁶.

2 октября 1909 года граф Сергей Александрович Строганов отправил пермскому губернатору следующее письмо: «Желая прекратить с 1 ноября 1910 года действие принадлежащих мне, как владельцу заповедных имений рода графов Строгановых, входящих в состав оных имений Кыновского, Очерского и Павловского заводов, находящихся в Пермской губернии... считаю долгом довести о сем до сведения и зависящих распоряжений»¹⁷. Граф Строганов, – говорится в письме, – «вынужден решиться на закрытие упомянутых заводов, с одной стороны, вследствие падения спроса и цен на выделяемое на них кровельное железо, а также постоянных требований мастеровых об увеличении рабочей платы, а с другой, принуждает принять графа такое решение и вопрос земельного устройства заводских мастеровых, ибо, в силу существующих в настоящее время условий, является совершенно невозможным прийти к какому-либо с мастеровыми соглашению о наделении их землею»¹⁸. 28 апреля 1911 года была прекращена работа

кричного цеха Очерского завода. 21 мая 1911 года Очерский завод как завод Строгановых работал последний день¹⁹.

В том же, 1911г., Оханское земство арендовало завод и устроило там образцово – показательные мастерские, не дав, т.о., окончательно погибнуть заводу и обеспечив работой очерских мастеровых и сохранение заводской инфраструктуры (впоследствии из мастерских развился Очерский машиностроительный завод, существующий поныне).

В настоящее время на территории завода сохранились кузнечные цеха Строгановского завода. Плотины и прилегающая территория с сохранившейся, в основном, застройкой XIX века образуют исторический центр города.

¹ Дмитриев А. Древности бывшей Перми Великой // Пермская старина. Вып. I. Пермь, 1889. С. 123 – 124.

² Там же; см. также: Дмитриев А. Строгановы и Ермак // Пермская старина. Вып. IV. Пермь, 1892. С. 176 – 184.

³ Копия Указа и Рапорт о пуске завода (ЦГАДА СССР, ф. 271 кн.1168 лист 8) хранятся в фонде документально-письменных источников Очерского краеведческого музея им. А.В. Нецветаева.

⁴ Пермские епархиальные ведомости. № 31. 1881 г. С. 347 – 350.

⁵ Малков Ф.М. В старом Очере. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1959. С. 87.; Скорынин А. Повести Очерского завода. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1985. С. 13.

⁶ Пермские епархиальные ведомости. № 31. 1881 г. С. 347 – 350.

⁷ Там же. С. 349.

⁸ Волегов Ф.А. Материалы к истории Пермского майоратного имения графов Строгановых // Пермский край. Пермь, 1893. Т. 2.; Вологдин И. Материалы к истории Пермского заповедного имения графов Строгановых // Пермский край. Пермь, 1895.

⁹ Пермские епархиальные ведомости. № 31. 1881 г. с. 347 – 350.

¹⁰ Там же.

¹¹ Летопись Герасима Егоровича Каменских. – Рукопись хранится в фонде документально-письменных источников Очерского краеведческого музея им. А.В. Нецветаева. Л.119.

¹² Там же. Л.119.об.

¹³ Там же. Л.122.

¹⁴ Устав Общества семейных вечеров в Очерском заводе. – Копия хранится в фонде документально-письменных источников Очерского краеведческого музея им. А.В. Нецветаева.

¹⁵ Летопись Герасима Егоровича Каменских. – Рукопись хранится в фонде документально-письменных источников Очерского краеведческого музея им. А.В. Нецветаева. Л.120.об.

¹⁶ Назаровский Б. Замечательное дело. Пермь; Пермское книжное изд-во, 1970. С. 22 – 30, 46 – 56; Шустов С.Г. Начало реформирования землепользования вспомогательных горнозаводских рабочих в имениях графов Строгановых (1861-1863 гг.) // Строгановские историческое собрание. Материалы 2-ой конференции историков и краеведов Пермского края (27 апреля 2007 г.). Под ред. С.Г. Шустова. Пермь: ПСИ. 2007.

¹⁷ ГАПО. ф. 38, оп. 1, Д. 227, лл.12-12 об.

¹⁸ Там же. Л.12 об.

¹⁹ Назаровский Б. Замечательное дело. С. 147.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И ЗАСТРОЙКИ СЕЛА НОВОЕ УСОЛЬЕ СЕРЕДИНЫ XIX В.

В середине XIX в., один из центров Строгановского солеварения – с. Новое Усолье, в соответствии с отдельными актами 1747, 1749, 1757, 1763 годов, принадлежало пяти владельцам соляных Ново – Усольских промыслов – графине Наталье Павловне Строгановой, графу Григорию Александровичу Строганову, князьям Сергею и Михаилу Михайловичам Голицыным, княгине Варваре Петровне Бутеро, господам Ивану и Христофору Якимовичам Лазаревым. Каждый из них имел свои, закреплённые совместными договорами, участки земли, которые на планах XIX в. обозначались определённой краской. По плану 1845 г., например, владения графини Н.П. Строгановой отмечались жёлтой, графа Г.А. Строганова – алой, князей Голицыных – фиолетовой, княгини В.П. Бутеро – коричнево – красной, господ Лазаревых – зелёной краской, кварталы священнослужителей – тушью. Разнообразие цветовой гаммы на плане с. Н. Усолье удивляло Мельникова – Печерского, который в «Дорожных записках» написал – «я видел план Усолья, на котором часть каждого владельца отмечена особой краской. Боже мой, какая пестрота!»¹.

В 1845 г. владельцам соляных промыслов в Усолье принадлежало 739943½ кв. саженой земли, т. е. 99,4 % территории села.

Владельческие земли были заняты под промысловые строения и обывательские дома. Остальная часть селения – 4365 кв. саж. (0,6 %) – предназначалась под дома священнослужителей, помещения станового пристава, полиции и пожарного отделения.

Являясь главными землевладельцами, солепромышленники определяли характер планировки и застройки села. В 1842 всем Новое Усолье произошёл сильный пожар сгорело домов господских и обывательских 44, труб рассольных 22, магазинов соляных, приписных и провиантских 35 и другие строения. Убытки графа Г.А. Строганова составили 602281,37 руб., графини С.В. Строгановой – 513717 руб., князей Голицыных – 270494,82 руб., княгини В.П.Бутеро-Лазаревых – 294120 руб. Общий ущерб по всему с. Новое Усолье составил 2043745,38 руб. Устраняя последствия пожара 1842 г., управляющие имением в 1845 г. разработали «Правила о распределении селитбенной /селитебной/ земли села Усолья и об устройстве оног»², в которых не только ого-

варивались условия восстановления жилых и промышленных построек, но и разрабатывались планы дальнейшего строительства и поддержания порядка в селе.

Для безопасности солепромысловых строений Верхнего и Нижнего промыслов, предупреждения случаев стихийного возгорания «Правила...» предусматривали:

1) организацию свободных площадей. В Верхнем промысле предполагалась расчистка площади в 30 саж. возле Богородской церкви и увеличение уже существующей площади в Среднем и Нижнем промыслах за счёт сноса части обывательских строений в Пермской (квартал кн. Голицыных), Покровской (гр. Строганова и кн. Бутера), и Орлинской (гр. Строганова) слободах;

2) застройку селения только с соблюдением плана, основываясь на «всеобщей безопасности и в удалении от обывательских строений»;

3) для отделения промыслов от жилых кварталов устройство бульвара из лиственного леса в две линии. «В черту сего бульвара войдут 2 рассолоизвлекательные трубы гр. Н.П. Строгановой – Георгиевская и Кривушинская, кои и оградятся от всякой опасности».

Признавая необходимым обустройство и расширение существующих улиц, солепромышленники постановляли³:

1) «усилить устройство главной улицы, пересекающей церковную площадь, имеющую 15 саж. ширины, и составляющую главный проезд к соседним селениям...»;

2) «каждому управлению содержать улицы в исправности, устроив в Посадской части по главной улице, идущей от Соборной церкви до кладбища, сверх канав, долженствующих быть во всех улицах, тротуары... устройство и исправление улиц производить каждою частью против своего квартала или домов; а если квартал принадлежит и другому владельцу, то по равной части каждому – против своих мест, доставшихся на участие»

«Правила» определяли условия организации торговых мест. Во избежание пожароопасных ситуаций было запрещено строительство деревянных лавок и организация случайных базаров: «Торговлю производить во всякое время года, не позволяя иметь ни в каких других местах кроме каменных лавок при Усольском Спасо – Преображенском Соборе. На Торговой площади назначаются места для хлебных магазинов Гр. Строгановой, кн. Бутера, кн. Голицыных, г. Лазаревых, гр. Строганова. Временное устройство лавок, где бы то ни было в с. Усолье только под каменными домами, в поощрение постройки оных дозволяется устраивать торговые магазины и винные погребки. Каждое управление имеет полное право предоставить торг в выстроенных на

счёт владельцев лавках кому угодно, из имеющих право предоставить торговлю законом дозволенными предметами. Чёрный рынок должен быть позади лавок, не переходя через отпогу* Подвального озера и за линиями хлебных магазинов. Торг провиантом, овсом и сеном производить между кварталами № 119 – 120 и торговых рядов линией параллельной тем кварталам и хлебным магазинам. В весеннее время, когда за большеводием нельзя будет торговать – на назначенной по плану площади, такими предметами, кои продаются открыто, а не в лавках, как сие было до сего на Капустном покое*, торг оными может быть на мосту – по обеим сторонам, а торг в лавках само собой может производиться всегда беспрепятственно»; «для предоставления удобства и выгод жителям Западной части, отделяющейся от Восточной широкой болотистой низменностью, провести по оной между Никольскою, Капустною, Богомольскою слободами мост, устройство которого разделено на 4 участка (по управлениям гр. Строгановой, Голицыных, кн. Бутеро, Лазаревых), каковые пространства управления и впредь должны содержать в исправности. По обеим сторонам означенного общего моста выстроить ... вровень с мостом по одинаковому чертежу общие всеми управлениями торговые лавки и с тем вместе перевести к оным чёрный рынок, доселе существовавший по Капустинскому полюю и по большой в Посаде улице, обезображивая строения её»⁴.

«Правила» коснулись и приведения в порядок набережной селения («противу церкви Спасо – Преображенского собора и до северной стороны конторы владельцев Лазаревых шириной от ограды церкви и от корпуса правлений и контор не менее 10 саж.»), а так же устройства плотин в Посадской и Рубежной слободах, мостов в «полонных» местах, которые должны были сооружаться и содержаться управлениями пяти владельцев в равных долях.

В связи с расширением улиц и устройством площадей в Восточной части села предусматривался снос обывательских строений. В «Правилах» чётко оговаривались условия предоставления владельцам новых участков земли и переноса строений:

- 1) каждому владельцу, по – возможности, отводить цельные кварталы;
- 2) недополучение селитебной земли в одной слободе заменять излишком в другой;
- 3) продажа домов в другие части владельцев соляных промыслов разрешается «не иначе, как только с перенесением дома на место, принадлежащее тому владельцу, которому принадлежит покупатель, и без

сего не позволять переходить в дом. Но отдача дома под наём квартиры не возбраняется»;

4) снос домов под улицы и переулки проводить поэтапно в течение 15 лет со дня утверждения плана.

«Правила о распределении селитбенной земли села Усолья и об устройстве оного « по «взаимному между собой соглашению» были подписаны 2 июля 1845 г. представителями пяти владельцев Усольских промыслов – управляющими Федотом Волеговым, Иваном Глушковым, Августом Мейером, Иваном Поздеевым, членом правления Александром Костаревым и, вероятно, соблюдались неукоснительно. Меры, принятые в них позволили в течение 67 лет избегать крупных пожаров, как в промыслах, так и в селении.

Пожар 16 июня 1909 г., случившийся на Строгановских промыслах, по мнению Пермской земской недели, описывавшей эти события, произошёл именно по халатности администрации промысла, нарушившей установленные правила: «...Пространство в версту длиной и около 100 саж. шириной было застроено беспорядочно разбросанными постройками, большинство из которых деревянные; пространство между постройками сплошь заложено дровами, которые обыкновенно вплотную примыкают к постройкам. Старые, ненужные постройки, представляющие особенную опасность, не снесены. Противопожарных мер никаких не принималось. Воды нигде не было запасено. Бочки, в которых должна быть вода, рассыпались. Пожарные машины оказались запёртыми в каком – то сарае, сторож которого вместе с ключами куда – то отлучился»⁵. По свидетельству корреспондента газеты пожаром было уничтожено 7 рассолоизвлекающих труб, 8 варничных корпусов с несколькими отдельными чренами, устроенными по заграничному способу, 16 соляных амбаров с солью, 1 паровая машина и 1 конюшня. «Такого большого и опустошительного пожара не было в Усолье с 1842г.»⁶, – сокрушалась газета.

¹ Мельников – Печерский П.И. Дорожные записки по пути из Тамбовской губернии в Сибирь. СПб., 1909. Т.7. С.547.

² Березниковский краеведческий музей (БКМ). Документальный фонд. Д. № 621.

³ БКМ № 621. Л. 3,5.

⁴ БКМ № 621. Л.9, 10, 11.

⁵ Пермская земская неделя. 1911. № 27. С.23.

⁶ Там же. № 29. С. 20.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ОБРАЗЫ СТРОГАНОВЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Династия Строгановых внесла огромный вклад в развитие культуры Пермского края. Одним из центров прикамской культуры было село Ильинское, куда с 1770-х годов из Нового Усолья было переведено Главное Правление Строгановых. Немалую роль в процветании села сыграло его удобное географическое положение: Ильинское соединилось по речному пути со многими крупными торговыми городами России. Через него снабжались хлебом и другими товарами почти все Строгановские заводы, что не могло не благоприятствовать оседанию в Ильинском крупных капиталов. С 1760 года сюда была переведена из Нового Усолья иконописная мастерская, в 1794 году здесь было открыто первое в губернии приходское училище, а, по сведениям историка Н.К. Чупина, в 1830 году в Ильинске уже была библиотека, которой пользовались и жители Перми.

К 1820-м годам относятся сведения о существовании Ильинского театра крепостных актеров с собственным зданием, оркестром, певческим хором. Крепостная интеллигенция создавала определенную духовную среду, которая проявляла свое творчество в светской живописи и в любительских театральных спектаклях, роли в которых исполняли служители, переписчики и канцеляристы Главного Правления. В губернском городе Перми театра в то время не было, село опережало в своем культурном развитии город.

Известный русский писатель П.И. Мельников-Печерский, который в 1840 году побывал на театральных представлениях в Ильинском, писал в своих «Дорожных записках», что спектакли посещали и чиновники, и крестьяне, «народу было множество»: «Приезжие из Перми таяли от удовольствия, жители Ильинского восхищались и не жалели рук для аплодисментов» [1, с.315-316]. Таково было впечатление многих очевидцев от игры Ильинских актеров.

Рассказ Юрия Тынянова «Гражданин Очер», написанный в 1942 году во время пребывания тяжело больного писателя в Перми, был посвящен одному из наиболее ярких и героических представителей династии – Павлу Александровичу Строганову, человеку с интересной и удивительной судьбой. Создавая свою книгу о А.С. Пушкине, Юрий

Николаевич Тынянов, буквально, «читал его жизнь по его стихам», и при этом один черновой отрывок привлек особое внимание писателя:

*О страх, о горькое мгновенье,
О... когда твой сын
Упал сражен, и ты один
Забыл и славу и сраженьё
И предал славе ты чужой
Успех, достигнутый тобой.*

Пушкин не назвал имени своего героя, и перед Тыняновым встали вопросы, почему он это сделал и кто он? Можно было предположить, что это герой древности, сражавшийся вместе с сыном на поле брани, но стихи были слишком живы, в них ощущалась временная и пространственная близость к самому поэту. Ю. Тынянов разгадал, что это были люди одной, пушкинской эпохи, и не ошибся в своих догадках. Рассказ «Гражданин Очер» начинается с разгадки тайны пропущенного имени, точнее, фамилии героя, которым был не кто иной, как Павел Строганов, сын графа Александра Сергеевича Строганова, президента Российской Академии художеств, наследник Строгановских имений на Урале.

А.Г. Никитин, уральский пушкинист и краевед, в предисловии к книге Ю. Тынянова «Гражданин Очер» особо отметил следующие исторические факты: «Среди бумаг краеведческого музея в пермском поселке Ильинском удалось найти свидетельство: Жильбер Ромм с Павлом Строгановым и Андреем Ворониным посетили это селение в 1784 году. В том же году, наверное, они побывали и в Строгановском заводском селе Очер, где выплавлялось железо» [2, с.9].

Рассказ «Гражданин Очер» Юрий Тынянов писал в Перми по памяти. Ранее им была задумана пьеса о Павле Строганове под названием «Овернский мул, или Золотой напиток», но собранные для неё обширные материалы и выписки писателю пришлось оставить в Ленинграде. Одни страницы рассказа были написаны слабеющей рукой самого писателя, другие – рукой его жены Е.А. Тыняновой, которой он диктовал текст произведения. Война и приезд на Урал, где бывал Павел Строганов, невольно заставили Тынянова вспомнить все, что он знал, об этой незаурядной личности. Его привлекла фигура генерала Строганова, родившегося в 1774 году и уже в пятнадцатилетнем возрасте поступившего на службу корнетом лейб-гвардии кирасирского полка, русского патриота, героя Отечественной войны 1812 года и героя незавершенного пушкинского стихотворения.

«Гражданин Очер» – это, по-существу, роман в миниатюре, история жизни Павла Александровича в наиболее ярких её проявлениях. Большое место в рассказе уделено воспитанию Павла, домашним учителем которого был Жильбер Ромм, французский философ и математик, будущий революционер. Образ Рома неоднозначен, он дан в контрасте между его малым ростом и огромной силой воли, пренебрежением чувствами и эмоциями и слепой верой в торжество разума: «Ученый Ромм, большеголовый, малого роста, был действительно воспитатель суровый и крепкий. Побившись об заклад, что будет читать по-китайски через неделю, – выиграл» [3, с.46]. Очень важным в смысловом поле рассказа является эпизод посещения Строгановского дома в Петербурге крестьянской женщиной Акулиной, одетой в темный синий кафтан, безмолвной, неторопливой, она «...долго смотрела на Андрея широко раскрытыми глазами, и глаза эти вдруг заплыли слезами... Старик Строганов, как всегда, ничего не говорил ни о матери Павла, ни о матери Андрея Воронихина.

– *Eslavage*, рабство, – спокойно сказал Ромм. Павел потупился. Ромм увидел, как он побледнел» [3, с.48]. С этого мгновения ненависть к крепостному рабству и любым другим его проявлениям прочно вошла в сердце Павла.

В четвертой части рассказа, оказавшись в революционном Париже, двое юношей ведут себя по-разному: Андрей Воронихин, готовя себя к будущему предназначению, рисовал здания и проявлял интерес лишь к архитектурным памятникам, Павел Строганов, увлеченный идеями преобразования мира на основах «свободы, равенства и братства», каждый день посещал собрание клуба «Друзей закона», где выступал Максимилиан Робеспьер и где Павел взял себе псевдоним «Поль Очер». В диалогах Павла с Роммом они именуют друг друга словом «гражданин», и Павел попадает под абсолютное влияние своего наставника, над которым автор рассказа иронизирует, называя его голову «четырёхугольной». Ирония повествователя достигает своей апогеи, когда Жильбер Ромм с самонадеянной гордостью перечисляет юноше названия месяцев в своём новом революционном календаре, перечеркивая при этом сложившуюся традицию и стремясь переписать историю Франции заново: «Я еще до конца декады предложу патриотам принять новый календарь. Сентябрь – октябрь – это виноградный месяц вандемьер. Потом будет туманный месяц – брюмер... месяц посева – жерминаль, луговой месяц – прериаль, цветочный месяц – флореаль, месяц, дающий тепло, – термидор...» [3, с.65-66]. Ромм, по-существу, предложил языческий календарь, и Павел с восторгом наивного юноши согласился с ним.

Сложнейшая духовная эволюция героя завершается в пятой части рассказа, когда вернувшись в Россию, он максимально полно реализовал свои организаторские, полководческие и творческие способности во время правления Александра I: «И Строганов умолял Александра Павловича пренебречь дворянами и опереться на крестьян, крестьян, которые удивят мир своими талантами, ибо, по мнению гражданина Очера, именно таланты крестьян, а не дворян находятся в основе будущей жизни. Следует немедленно дать крестьянам свободу» [3, с.68]. В этих мыслях главного героя ещё ощутимы отзвуки французской революции 1789-1794 годов с ее метафизической социальностью, поисками моральных героев только в третьем сословии, но как только началась война с Наполеоном, Павел Строганов избавился от многих своих юношеских иллюзий: «Он воевал с Наполеоном, начиная с 1805 года, и был на полях больших битв. У русского воспитанника Рома – последнего монтаньяра – рано началась походная жизнь. У него была ясная цель. Он ненавидел Наполеона... Он был в Бородинском сражении, в Лейпцигской битве народов, был при покорении Парижа. Наконец, воевал вместе с сыном Александром» [3, с.71-72].

Повествование в рассказе основано на постепенном нарастании драматизма, и кульминация совпадает с его трагической развязкой. Моментом наивысшего напряжения действия является жестокий бой при французском месте Краон, где пятнадцатитысячное русское войско под командой генерал-лейтенанта Павла Строганова сражалось против пятидесятитысячного войска неприятелей. Битва увенчалась победой русского воинства, но, когда отец стал искать на поле брани своего девятнадцатилетнего сына, его ожидало страшное потрясение: «Его проводили к месту, где был его сын... Сын его был убит. Нет, он был уничтожен. Шальная граната оторвала ему голову» [3, с.73]. Рассказ заканчивается авторской характеристикой героя: «Гражданин Очер знал все, что нужно. Он любил, как воевал, – до конца» [3, с.74].

Пушкин ещё учился в лицее, когда узнал о поразившем тогда многих трагическом происшествии во время битвы под Краоном. После смерти девятнадцатилетнего Александра, его отец был настолько потрясен, что не мог продолжать командовать войсками. Командование перешло к графу Воронцову, а затем и не заслуженная им слава. Воинская дружба отца и сына, героическая смерть юноши сильно взволновали воображение юного Пушкина, и, живя в Одессе, он написал строфу, привлекающую внимание Юрия Тынянова, но, не желая обострять и без того очень сложные отношения со своим «покровителем» Воронцовым, он пропустил в черновике имя подлинного героя.

Смерть единственного сына подорвала здоровье П.А. Строганова. В 1817 году по совету врачей граф отправился в морское путешествие и по пути в Копенгаген скончался. Его похоронили 5 июля в Петербурге, в Александро-Невской Лавре. Павел Александрович был видным государственным деятелем, он входил в созданный царем Александром I Негласный комитет по разработке программы переустройства России, освобождения крестьян от крепостной зависимости. Вполне возможно, что смерть графа и кончина Александра I в 1825 году затянули отмену крепостного права, и сама отмена могла бы проходить иначе.

В повести Агнии Кузнецовой «Под бурями судьбы жестокой...» (1979) тесно взаимодействуют художественно-публицистический жанр очерка, основанного на реальных исторических документах, и художественный вымысел. Одна из сюжетных линий связана с изучением писательницей дневников своего прадеда – Петра Яковлевича Кузнецова, – талантливейшего врача и бывшего крепостного Строгановых, другая повествует о наиболее ярких эпизодах юности и процесса становления личности Петра и завершается его освобождением из крепостной неволи.

Композиция повести представляет собой монтаж событий прошлого и настоящего, своеобразный диалог эпох, переключку времен. Повествование начинается с момента приезда писательницы в село Ильинское – вотчину Строгановых – и общения её с сотрудниками Строгановского музея, страстными энтузиастами изучения родного края. Особая роль придается при этом пожелтевшим тетрадам, дневниковым записям: «Эти тетради сделали меня волшебницей. С их помощью я могу остановить время. Я могу повести его вспять. Я могу, если хотите, привести вас в Полотняный завод Гончаровых и показать маленькую Наташу, двоюродную племянницу графа Григория Александровича Строганова. Хотите побывать на обеде в честь свадьбы Екатерины Гончаровой и Дантеса-Геккерена, происходящем в доме Григория Строганова почти накануне гибели Пушкина?

Могу показать вам старую княгиню Голицыну, которая, по уверению её потомков Строгановых, владела тайной трех карт, и божественный Пушкин даровал ей вечную жизнь в «Пиковой даме» [4, с.344].

Прием перенесения художественного пространства и времени вспять дает большие возможности повествовательнице: в основной сюжетной линии время начинается с описания суровых крещенских морозов зимы 1836 года, святочных гаданий молодежи в крепостной семье Кузнецовых и трех сестер Гончаровых в петербургской квартире Пушкиных. Мотивы судьбы, рока, испытаний и тяжелых утрат прохо-

дят через всю повесть. Святочные гадания сбываются и для Петра, которому предстоит дальняя дорога в Петербург, и для сестер Гончаровых, которых вскоре ожидала печальная свадьба Екатерины и трагическое событие – похороны мужа Натальи, великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Мотив путешествия позволяет раздвинуть рамки повествования и сюжетное время, но путешествие связано не только с долгим путем Петра в северную столицу, затем – обратно в родное Ильинское и, наконец, на службу в Билимбай, но и с внутренними, душевными исканиями и развитием личности главного героя. И во внутренних размышлениях велика роль образа его матери Аграфены Спиридоновны, крепостной актрисы: «Он помнил её совсем молодой и красивой. Она была артисткой Ильинского театра – единственной женщиной-артисткой, потому что женские роли тогда еще в большинстве играли мужчины... Для театра был построен в Ильинском большой пятистенный дом со сценой, занавесом, кулисами и зрительным залом» [4, с.349]. Театр в Ильинском – одна из жемчужин в культурном наследии Строгановых – предопределил судьбу матери Петра и, во многом, его собственную судьбу. Не случайно с малых лет из всей семьи Петр особо выделял свою мать, чей образ построен на антитезе ей семейной и крепостной зависимости и творческой свободы, обретаемой ею лишь на сцене театра. Дед и отец называли мать «нерадивой хозяйкой», соседи величали «кукушкой» – за её равнодушие к монотонной домашней работе, отец стыдился её увлечения театром и нередко бил её: «А на сцене она была совсем другой. Видел не раз Петр, как изображала она нарядных барынь, веселых девок, смеялась задушевым смехом, пела и плясала так, что зрители с упоением притопывали в такт. И узнать её было невозможно» [4, с.350]. Только расставшись с семьей, понял Петр, что единственной радостью в жизни его матери была сцена и что каждому человеку важно найти и исполнить своё предназначение в жизни. Переписывая бумаги в доме Василия Волегова, управляющего Ильинским имением, главный герой повести вспоминал, как дорого обходился самым талантливым из строгановских крепостных выкуп на волю. Его матери так и не удалось обрести свободу: закончив играть очередную роль, она умерла на сцене во время гастролей театра в Перми, таким образом, название повести соотносимо и с её судьбой.

В тексте повести есть несколько повторяющихся эпизодов, связанных с первым любовным чувством Петра к Наталье Николаевне Гончаровой, выполнением им поручений своего хозяина, графа Григория Александровича Строганова и оказанием Петром медицинской помощи нескольким людям. Образы Строгановых даны в повести собира-

тельно: читатель узнает о них из высказываний их дворовых людей, размышлений Петра Кузнецова и авторской характеристики: «Нет, не лютовали Строгановы. Но за людей крепостных не считали. Если кто и вышел в люди, получил вольную, как Волегов, или заграничное образование, как Теплоухов, так хозяевам в том выгода большая потом была. Волегов пожизненно вел строгановское поместье. Теплоухов – большой ученый – занимался строгановским лесным хозяйством» [4, с.364].

Глубоко противоречив в произведении образ хозяина Петра, графа Григория Александровича, вся комната в доме которого была увешана портретами Строгановых: «На стене висел гобелен, изображающий, как Строгановы – «именитые люди» – снабжали в 1581 году Ермака людьми и оружием. На другой стене гобелен изображал сцену выкупа Строгановыми, «именитыми людьми», великого Московского князя Василия Васильевича Темного из татарского плена, еще в первой половине XV века...» [4, с.372-373]. Чувствовалось, как Строгановы кичились своими заслугами перед Отечеством, близостью к императорскому двору, высоким положением в обществе и своими богатствами. Граф с изумлением смотрел на «крепостное чудо», своего талантливую слугу, вправившего вывих на руке Екатерине Николаевне Гончаровой, но не мог оценить его по достоинству в масштабах своей сословно ограниченной шкалы ценностей. Его жизнь оказалась связанной теснейшими узами с судьбой семейства А.С. Пушкина и сестер Гончаровых, его двоюродных племянниц, но и здесь роль графа была во многом неблагоприятной: «Известное письмо от 1 января 1837 года, написанное Пушкиным борону Геккерену, тот показал графу Григорию Александровичу Строганову. А граф в свете считался особым знатком в вопросах чести. Строганов счел, что оскорбление, которое Пушкин нанес Геккерену этим письмом, может быть смыто только кровью. И Дантес вызвал Пушкина на дуэль. Так граф Григорий Александрович Строганов оказался причастным к этой трагедии» [4, с.393]. По существу, в повести идет речь о деградации рода Строгановых, что ощутимо в поступках графа. Напротив, Наталья Николаевна после смерти мужа дарит Петру «Учебник медицины», словно благословляя его посвятить дальнейшую жизнь своему врачебному предназначению. Образ ангельски прекрасной и душевно доброй Натальи Николаевны дан в контрасте с недалекой и прагматичной Олимпиадой, ставшей в Билимбае женой Петра, а образы многих талантливых крепостных людей возвышены по сравнению с их хозяевами Строгановыми.

Сцены исцеления от эпилепсии малолетнего сына могущественного князя N полны экспрессии и раскрывают лучшие душевные качества

ва Петра, для которого искусство врачевания стало не средством жизни, а способом помощи людям. Кульминация повести совпадает с её развязкой: через несколько лет благодарный пациент, приехав в Билимбай, вручил Петру три тысячи серебром на выкуп его вместе с женой и сыном из крепостной неволи. Повесть заканчивается дневниковой записью главного героя: «С неизъяснимою радостью, полный благодарностью к всевышнему и моему доброму святителю и чудотворцу Петру давно желаемую отпускную я, наконец, 22 числа января 1851 года получил вечером в 7 часов. Радость моя была неопишима»[4, с.447]. В повести А. Кузнецовой талант и воля помогли её главному герою выстоять «под бурями судьбы жестокой».

Во второй части трилогии Евдокии Туровой «Кержаки», вышедшей в Перми в 2007 году, документально и художественно воспроизведен судебный процесс крестьянина-старообрядца Оханского уезда Пермской губернии Логина Викуловича Турова, который судился со Строгановыми с 1802 по 1823 годы из-за произвольного захвата ими земель вместе с жившими там крестьянами. Земли предназначались для строгановского Очерского завода. Логин собрал в пермской Казенной палате все необходимые документы и представил их в суд. Логина Викуловича поддержали его сын Филипп Туров и крестьянин Михайло Долганов. Судебное разбирательство прошло несколько этапов и дошло до самого императора: теперь дело было представлено крестьянами как незаконный захват государственных земель.

Образно и художественно достоверно представлена в книге Е. Туровой борьба крестьянина-старообрядца за правду и справедливость и все этапы этой борьбы: «Всё, Логин, ты проиграл. Живи, как все, воруй графский лес. отлынивай от крепостных работ, уймись. Плетью обуха не перешибёшь... [5, с.124]. Главы «Чё?» и «Мы – не рабы» глубоко раскрывают внутренний мир Логина, который не собирался сдаваться и постоянно думал, как выиграть судебный процесс. И вот, по мысли автора, в эту умную крестьянскую голову пришёл совершенно неотразимый, просто железный аргумент. Логин смог подняться над ситуацией и представить её не как свою личную проблему, а (говоря современным языком) как спор двух хозяйствующих субъектов: графа Строганова и государя императора. Он подал в суд на Федора Захара Чистякова за то, что тот, отдавая земли Строгановым, неправомочно распоряжался казённым, то есть царским имуществом! А также и сообщил, сколько леса Строгановы уже вырубili, и какой они нанесли ущерб казенным (то есть государственным!) интересам.

В трилогии Е. Туровой Строгановы выведены современными олигархами, привыкшими бесконтрольно распоряжаться чужими жизнями

и собственностью, а разрешить судебную тяжбу помогло не тогдашнее правосудие, а накопившееся раздражение царя к своим негласным соперникам: «В ту зиму давали в столице большие балы. Дом Строгановых блистал бриллиантами, затмевая Дом Романовых. Это раздражало. Может быть, потому нигде не затерялась крестьянская бумага, а была-таки государю подана. Что ему какие-то четыре деревни и двенадцать починков?! Государь же, напротив, проявил интерес, гневаться изволил: сколько-де богатств даровано Строгановым, так они ещё и самовольно земель прирезают! Строгановым было велено исправить межу и заплатить в казну за вырубленный лес. О чем в 1823 году был издан и доведен до подданных соответствующий высочайший указ» [5, с.125-126]. Главы, посвященные драматической борьбе крестьян с могущественными Строгановыми, представляют немалый исторический интерес: «Крестьянин Оханского уезда Логин Викулов Туров вывел из крепостной строгановской зависимости не только себя и свою семью, но и ещё четыре деревни и двенадцать починков [5, с.128]. Так крестьяне защищали свои базовые ценности: собственность и свободу, – пользуясь исключительно современными им правовыми средствами.

Делая вывод, можно сказать, что образы Строгановых представлены в художественной литературе достаточно объективно, а их деятельность на Пермской земле освещена многогранно.

Литература

1. Мельников-Печерский, П.И. Полн. собр. соч.: В 12-ти т. М., 1897-1898. – Т.12.
2. Никитин, А.Г. Уральское наследие Юрия Тынянова, или История пациента эвакогоспиталя № 3149. Предисловие к кн.: Тынянов Ю. Гражданин Очер. – Уральское наследие. Пермь: Пермское книжное издательство, 1990.
3. Тынянов, Ю.Н. Гражданин Очер. – Уральское наследие. Пермь: Пермское книжное издательство, 1990.
4. Кузнецова, А.А. Под бурями судьбы жестокой... В кн.: Много на земле дорог. Повести. Москва: Советский писатель, 1981.
5. Турова, Е. Кержаки. Пермь: Издательство «Маматов». 2007.

*А.М. Баландин,
В.Ф. Баландина,
О.Ф. Кузнецова*

АРХИВ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМЕНИЕМ СТРОГАНОВЫХ В ИЛЬИНСКОМ РАЙОННОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Несмотря на то, что о жизни и деятельности рода Строгановых написано много, в архивах и музеях страны, находится много дел, содержащих ценные сведения о вкладе Строгановых в культуру, аграрное и промышленное развитие России и Урала. Особый интерес для пермских ученых и краеведов о жизни и деятельности Строгановых представляют материалы, хранящиеся в Ильинском районном краеведческом музее. В основном фонде музея насчитывается более 2 тысяч единиц хранения, непосредственно связанных со Строгановыми, их имениями, заводами, крестьянами, служащими. Значительная часть фонда составляют повеления и предписания «Строгановых и главного управления, охватывающие период с 1804 по 1994 годы. В архивный фонд Строгановых входят копия переписной книги князя Ф.Ф. Бельского (1678 г.), ревизская служительская села Ильинского сказка (1795 г.), бумаги Я.Г. Волегова и Л.И. Ослоповского (1818-1823 гг.).

Чтобы наглядно представить широту охвата материалами фонда различных сторон жизни и деятельности Строгановых и функционирования Строгановского имения, сгруппируем документы по основным разделам, характеризующим ту или иную сторону этой деятельности:

- состояние и управление имением Строгановых в Пермской губернии (общая земельная ведомость, описание имения, положение об управлении имением, раздел, размежевание земель между Строгановыми и другими владельцами);
- строительство Строгановыми новых заводов, фабрик, варниц, судов, печей, их ремонт;
- решение вопросов, связанных с производством на заводах, фабриках, в мастерских;
- кадровая политика в имении Строгановых (штаты, реестры, назначения);
- социальная политика Строгановых (пособия, пенсии), строительство богаделен, больниц, госпиталей, покупка медикаментов;

- самоуправление в имении Строгановых (сходки крестьян, избрание земских учреждений, избирательные съезды);
- положение крестьян, мастеровых и служащих в имении Строгановых;
- строительство церквей и положение духовенства в Пермском имении Строгановых;
- забота Строгановых о культуре, образовании, учебе крестьян, мастеровых, служащих;
- чрезвычайные ситуации в имении Строгановых (волнения, забастовки, побеги, высылка в Сибирь крестьян, мастеровых, пожара, градобои);
- поиск полезных ископаемых в имении Строгановых, внедрение новых сельхозкультур.

В фондах музея по каждому выделенному разделу имеются необходимые для его изучения материалы и документы. В работе представлены только основные документы, наиболее полно характеризующие данную сторону деятельности Строгановых, функционирования их имения.

Состояние и управление имением Строгановых в Пермской губернии:

- общая земельная ведомость имения Строгановой Н.П. и сведения по округам;
 - о новом положении управления Пермского нераздельного имения и экономический устав;
 - копия прошения Г.А. Строганова императору Александру Павловичу о присоединении лесов к Кыновскому заводу и копия постановления по этому вопросу;
 - копия описания имения, доставшегося Г.А. Строганову после смерти А.С. Строганова (люди, леса, посевные площади и т.д.);
 - о разделе, размежевании земель между Строгановыми в Пермской губернии;
 - о получении выделов из майората детьми С.А. Строганова;
 - о передаче управления имением от одного владельца к другому (в роду Строгановых);
 - о споре Строганова с Лазаревым по размежеванию дач Пермского имения;
 - об обмене земель между С.Г. Строгановым и князем С.М. Голицыным.
- Строительство Строгановыми новых заводов, фабрик, варниц, судов, печей, их ремонт:
- о постройке нового Иньвенского завода;
 - о строительстве в Билимбае гвоздарной фабрики;

- о строительстве нового завода на реке Очер;
- о строительстве ниже Очерского завода резной фабрики;
- о устройстве соляных варниц по баварскому образцу;
- о постройке новой варницы в промыслах;
- о ходе строительства опытной варницы в Усолье;
- о ремонте кричной фабрики и фабричного строения на Добрянском заводе;

- о постройке конно-машинного судна и подчалов;
- о постройке судов для перевозки чугуна;
- об устройстве рельсовых путей в Павловском заводе;
- о устройстве и ремонте Добрянских пудинговых печей.

Решение вопросов, связанных с производством на заводах, фабриках, в мастерских

- о покупке паровой машины;
- о отливке в Кыну катальных валов в опоках;
- о выделке железа на Очерском заводе;
- о выделке минного и резного железа;
- о выделке рельсов на Камском заводе;
- о заготовке угля;
- об увеличении производительности заводов;
- о поставке рельсов для С.-Петербургско – Московской железной дороги;

- о отправке соли в Нижний Новгород;
- о покупке инструментов и английской стали для Очерского завода;
- об отправке железных караванов на Нижегородскую ярмарку;
- о посылке лучших изделий на Московскую выставку;
- об отправлении тканей и платков в С.-Петербург;
- о плане работ по изменению фарватера реки Камы;
- о закрытии ткацкой фабрики в селе Ильинском;
- о разработке медного прииска на Пыскорском заводе;

Кадровая политика в имении Строгановых (штаты, реестры, назначения):

- штаты по горным заводам на 1819 г.;
- штаты господских конюшен по округам;
- штаты лесных служителей, лесообъездчиков, куренных надзирателей;
- о работе и содержании лесной стражи;
- реестр служащих барона Строганова, находящегося в С.-Петербурге на 1815 г.;
- об уменьшении числа служащих;

- о назначении А.Е. Теплоухова лесничим в Добрянку, управляющим Ильинского округа с сохранением звания главного лесничего;
- о назначении Н.С. Конюхова управляющим Кыновского завода;
- о назначении А.Е. Теплоухова управляющим Иньвенским округом;
- о назначении и принятии на должность служителей, практикантов, лаборантов;

– о назначении на должности различных служащих.

Социальная политика Строгановых (пособия, пенсии), строительство богаделен, больниц, госпиталей, покупка медикаментов:

- о пособиях, пенсиях, богадельном содержании, списание долгов;
- об увеличении жалованья, выдаче пособий, пенсий отдельным служащим;

– список служащих на пенсионном содержании;

– о пособиях вдовам погибших на войне;

– о содержании 26 семейств убитых и раненных воинов;

– о назначении пенсий и пособий служащим;

– о помощи бедным крестьянам Добрянского подзаводского ведомства;

– о введении нового устава о пенсиях (1863 г.);

– о постройке в Перми домов призрения;

– о постройке больницы в Усолье;

– о смете на постройку Ильинского женского госпиталя;

– о покупке медикаментов, анатомического прибора, книг для Ильинской больницы;

– о покупке для больниц Пермского имени медикаментов, инструментов, вещей;

– о борьбе с холерой.

Самоуправление в имении Строгановых (сходки крестьян, избрание земских учреждений, избирательные съезды):

– о сходке крестьян Кувинского завода;

– об образовании комитета в С.-Петербурге для принятия мер по улучшению быта вотчинных и подзаводских крестьян и заводских рабочих (1865 г.);

– об уничтожении крепостного состояния (1858 г.);

– об избрании кандидатов для баллотирования членов третейского суда;

– об избирательных съездах по случаю открытия в Пермской губернии земских учреждений (1869-1870 гг.);

– об избрании членов земской управы (1869-1870 гг.).

– Положение крестьян, мастеровых и служащих в имении Строгановых;

- о домохозяйстве крестьян, о заведении образцовых ферм;
 - о жалобах крестьян по решениям третьей инстанции;
 - о мерах по обеспечению служащих усадьбами, сенокосными землями;
 - о повышении заработка промысловым рабочим;
 - об удвоении платы промысловым рабочим;
 - о наделении Добрянских крестьян землей, ежегодных ссудных выдачах на посевы;
 - о снабжении продовольствием рабочих частных горных заводов;
 - о рассмотрении жалоб крестьян по земельным вопросам, уплате долгов;
 - о воспрещении крестьянами селиться отдельными хозяйствами;
 - о замене посылочной повинности денежным сбором;
 - об отпускных служащих за долголетнюю работу и выдаче им вольных.
 - о высылке в Сибирь на поселение мастеровых Очерского завода
- Строительство церквей и положение духовенства в Пермском имении Строгановых:
- о строительстве храма в селе Юсьвинском;
 - о строительстве приходской церкви при Билимбаевском заводе;
 - о постройке каменной церкви в Добрянском заводе;
 - о постройке кладбищенских часовен;
 - о постройке церкви в бывшем Нердвинском заводе;
 - о выделении леса и денег на постройку колокольни на Лысьвенском заводе;
 - о строительстве иконостасов в православных церквях;
 - о наделении церквей землями;
 - об улучшении содержания духовенства в Пермской губернии;
 - о выдаче денег в пользу иноверческой церкви;
 - о написании икон для церквей в византийском стиле;
 - о выделении духовенству денежного содержания.
- Забота Строгановых о культуре, образовании, учебе крестьян, мастеровых, служащих:
- о помощи Пермскому земству на содержание Ильинского 2-х классового училища;
 - постановление о практическом обучении воспитанников Горнозаводской школы в Пермском имении;
 - о подготовке архитектурных учеников;
 - о помещении служительских детей в Уральское горное училище;
 - об отправке мальчиков в С.-Петербургскую фельдшерскую школу;

– об учебе мальчиков из приходского училища у архитектора Преде строительному искусству;

- об отправке лучших воспитанников для учебы в С-Петербурге;
- о выдаче пособий ученикам, обучающихся за счет владельцев;
- о высылке в С.-Петербург 20 мальчиков для обучения лесоводству;
- об отправке в Пермское имение 8 воспитанников школы горно-заводских и лесных наук;
- о назначении воспитанников лесной школы на должности.

Чрезвычайные ситуации в имении Строгановых (волнения, забастовки, побеги, высылка в Сибирь крестьян, мастеровых, пожара, градобои):

– о забастовке рабочих на Троицкой сварочно-катальной фабрики в мае 1899 г.;

– о беспорядках, происшедших при закупке хлеба в 1850 г. для Косьвинского магазина;

- о беспорядках на Добрянском заводе;
- о побегах мастеровых и подзаводских крестьян Очерского округа;
- о высылке в Сибирь на поселение Васильевских крестьян;
- о высылке мастеровых в Сибирь за распутство, пьянство, кражи из Очерского округа;

– о пожаре в селе Ильинском (1842 г.);

– о пожаре на кирпичном заводе в селе Ильинском;

– о пожаре на Очерском заводе (1817 г.);

– о пожаре в кузнице в Новом Усолье (1804 г.);

– о градобое в Ильинском округе (1837 г.).

Поиск полезных ископаемых, внедрение новых сельхозкультур в имении Строгановых:

– об осмотре залежей руд по реке Вишере;

– об изучении торфяного производства;

– о сметах разведки в Верх-Иньвенского ведомстве на горе Парма;

– об ассигновании денег на разведку золота в Ростесской даче;

– о расходах по предполагаемым разведкам золота на 1845 г.;

– о поисках медной руды;

– о поисках золотых песков в Пермской губернии;

– о посадке лесных культур в Козьминском логу;

– о разведении картофеля в имении.

В целом содержащие в фонде материалы и документы достаточно полно характеризуют различные стороны жизни и деятельности Строгановых, функционирование Строгановского имения в Пермской губернии и свидетельствуют о значительном вкладе рода Строгановых в экономику Урала, культуру и образование населения Пермского края.

УЧАСТИЕ ПЕРМСКОГО ЗЕМСТВА В РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ШКОЛЫ В ИНЬВЕНСКОМ ОКРУГЕ МАЙОРАТА СТРОГАНОВЫХ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Роду Строгановых на Урале принадлежала огромная территория, от Очера до Чердыни и от Кудымкара до Горназаводска. Сегодня это территория почти всего Пермского края. Иньвенский округ – один из пяти округов Пермского нераздельного имения Строгановых официально был открыт 17 декабря 1833 г.¹ Статистическим анализом, описанием и оценкой различных сторон жизни населения округа, в том числе касающихся вопросов образования и просвещения, занимались управляющие и служащие имения Строгановых крепостные А.Е. Теплоухов, В.Ф. Волегов, Н.А. Рогов. По воспоминаниям Н.А. Рогова, управляющего имением Строгановых «Иньвенская дача была центром коми-пермяцкого населения». Что касается просвещения коми-пермяцкого народа, то Н.А. Рогов утверждал, что в Иньвенском имении графини Н. Строгановой во второй половине XIX века из 1000 мужчин умели читать и писать только 4, а соотношение неграмотных женщин к грамотным составляло 1000:0,5². Из коми-пермяков, проживавших в Соликамском и Чердынском уездах, имели образование выше начального лишь 5 человек. К концу XIX века грамотность среди коми-пермяков в среднем повысилась до 6 %³.

Первые попытки создать коми-пермяцкую письменность относятся к концу XVIII века, когда пермский священник А. Попов составил словарь и грамматику коми-пермяцкого языка. Впоследствии словари и грамматику выпустили Ф. Любимов, священник Егвинской церкви, Ф. Волегов, крепостной графа Строганова. В 60-е гг. XIX века вышли первые книги на коми-пермяцком языке, это были переводы житий святых, сделанные опять же Н.А. Роговым и А. Поповым. За составление пермяцко-русского и русско-пермяцкого словаря Н.А. Рогов был награжден премией Императорской Академии наук⁴. Не будучи профессиональным лингвистом, Н.А. Рогов взял за образец сочинения г. Савваитова, посвященные зырянскому языку. Однако главным руководством ему служила живая речь народа, которую он тщательно изучал. В 1869 г. за книгу «Опыт грамматики пермяцкого языка» он получил Демидовскую премию. В книге можно было познакомиться с текстами на коми-пермяцком языке, народными пословицами, загадками, сказками и небольшими рассказами. Главный исторический труд Н.А. Рогова «Мате-

риалы для истории Пермского заповедного имения графов Строгановых» по сей день часто используется исследователями. Н. А. Рогов активно занимался и педагогической деятельностью среди коми-пермяцкого населения. В 1850 г. А.Е. Теплоухов, управляющий Иньвенским округом, поручил Николаю Абрамовичу преподавание арифметики в Кудымкарском приходском училище. Деятельность бывшего крепостного Строгановых Н.А. Рогова была оценена по заслугам В 1860 г. Николай Абрамович получил звание личного почетного гражданина⁵.

В 1834 г. в Иньвенском округе, в с. Кудымкорском дачи Строгановыми была открыта школа, которая в 1841 г. была переименована в двухклассное мужское приходское училище, где обучалось до 40 мальчиков. Через 7 лет было открыто училище и для девочек. За 12 лет своего существования оно выпустило только 80 учениц. Позже Строгановыми в Иньвенском округе была открыта Кувинская заводская школа, а 1843 г. для государственных крестьян были открыты школы в селах Коса и Юксево. Таким образом, к концу первой половины XIX века на территории Иньвенского округа всего было 10 начальных школ⁶.

Коми-пермяки, как и другие народы Российского государства, тянулись к знаниям и грамоте. Многие школы были открыты на этой территории по обращениям крестьянских сходов. Школы грамоты появились в деревнях Чажегово, Тиминово, Самково, Подволошино. Крестьянские сходы обещали содержание учителям, приглашенным в эти школы. В частности, квартиры с отоплением и деньги на школьные принадлежности.

В распространении грамотности и научных знаний среди населения большую роль сыграла крепостная интеллигенция, которая несла просвещение в народ не только на территории Иньвенского округа Строгановых, но и на территории Очерского и Билимбаевского заводов, где были основаны приходские училища еще в 1820 г. В 1835 г. Строгановыми были открыты приходские училища в селах: Дубровском, Вознесенском, Карагайском, в них обучались в основном дети крестьян. В конце XVIII в. – первой половине XIX в. в селе Ильинском появилось несколько школ-училищ. Особое внимание Строгановы уделяли мужскому народному приходскому училищу. Воспитанники этого училища становились техниками, строителями, врачами, учителями, художниками, работниками Строгановских заводов, промыслов и т.д.⁷ В 1853 г. 34 % учителей, занятых в училищах и школах Министерства народного просвещения были крепостными⁸. Учителей со специальным педагогическим образованием было мало. Учительство Пермского края комплектовалось главным образом из разночинцев. Тем не менее, многие уральские заводладельцы, не только Строгановы, но и Демидовы, Лазаревы, были заинтересованы в открытии школ, учебных заведений, так как нуждались в собственных обученных кадрах.

После отмены крепостного права, в 70-х годах XIX столетия Министерство народного просвещения обратило внимание на проблемы просвещения, так называемых, «инородцев» населявших Российскую империю. Это было связано с отказом от методов насильственного обрусения, с обращением к возможностям идеологического и культурного влияния на нерусские народности посредством учреждения православных миссионерских школ, учета национальных традиций, обычаев и образа жизни. В 70-х годах XIX в. наряду со школами Министерства народного просвещения появились земские школы. Земской школе принадлежало ведущее место в распространении грамотности, элементарных сведений по арифметике, истории и географии среди сельского населения. Считалось, что рядовая земская школа по своим программам и постановке учебного процесса была значительно лучше школ МНП и Духовного ведомства.

Первые сведения о деятельности пермского земства среди коми-пермяков относятся к 1868 г. В этом году было открыто начальное народное училище в селе Архангельском⁹. К 1887 г. на территории Иньвенского округа – Кувинского округа дачи Строгановых было открыто 21 земское училище. Они находились в Юрле, Мошево, Юксеево, Усть-Зуле, Кочево, Юме, Гайнах, Кудымкаре, Купросе и Юсьве¹⁰. Пермское земство считалось передовым среди других уральских земств, так как одно из первых выступало с программой всеобщего начального обучения. Однако забота о распространении грамотности среди национальных меньшинств занимала в его деятельности практически последнее место. Всего 21 земская инородческая школа была открыта для коми-пермяков из 755 школ, организованных земством Пермской губернии во второй половине XIX века¹¹. Деятели земства признавали, что школьная сеть далеко недостаточна для обучения детей, живущих в отдаленных пунктах Пермской губернии. Вариантом решения проблемы предлагалось открытие «сети подвижных школ», и «кочующих учителей». Смысл деятельности такой школы был в следующем: четыре года школа существует в одном селении, и ее посещают дети от 7 до 14 лет. Учитель, подготовив два выпуска, направляется в другую школу, а через четыре года опять переходит в первую школу. Таким образом, возникает система периодического обучения поколений, отделенных друг от друга четырьмя годами. Пермское губернское земское собрание предполагало создать такие школы в поселке Гайны и в деревне Кекур¹².

Открытые в коми-пермяцком округе школы были главными очагами распространения грамотности и элементарных знаний в области различных наук. Большинство земских школ, открытых для коми-пермяцкого населения имело трехлетний срок обучения. Школы с четырехгодичным

курсом обучения находились только в крупных населенных пунктах, таких как: Белоево, Верх-Иньве, Купросе¹³.

В инородческих школах Пермской губернии была распространена система обучения профессора Казанской духовной академии Н.И. Ильминского, согласно которой преподавание в течение первых двух лет осуществлялось на родном языке, а с третьего года обучения Закон Божий преподавался на русском языке, и вводился новый предмет – русский язык. Так, в черемисских (марийских) школах вначале обучение шло по букварю «Туталтыш марла книга» и по книге Васильева и Глезднева «Весь марла книга». Затем учащиеся переходили к учебникам казанского педагога И.С. Михеева¹⁴. С конца 1899г. система педагога Н.И. Ильминского была распространена и на коми-пермяцкие школы, что отражало потребности региона¹⁵.

Учебный план коми-пермяцкой школы предусматривал недельную нагрузку для учащихся в 26 часов. Изучались следующие предметы: Закон Божий, славянское чтение, счисление, чтение гражданской печати, чистописание, письмо. Арифметика в нерусских школах не преподавалась. Ее заменяло счисление – изучение четырех действий над целыми числами в пределах ста. Ученики производили действия как в уме, так и на бумаге. На последнем году обучения их знакомили с простейшими вычислениями по измерению площадей. На уроках счисления широко применялись шведские счеты.

Для обучения чтению в младших классах использовался пермяцкий букварь Е.Е. Попова, учителя Кудымкарского мужского двухклассного училища, уроженца деревни Кекур Кудымкарской волости. Букварь вышел в 1894 г. в Перми как приложение к «Адрес-календарю Пермской губернии». Названный «Выддом пермяк понда» («Букварь для читателя-пермяка»), он был построен на основе изучения звуков и букв русского алфавита посредством пермяцких слов. Для каждой изучаемой русской буквы была подобрана группа пермяцких слов, которые складывались из букв разрезной азбуки учителем или учениками, и выставлялась на доске. Другим методом изучения азбуки была запись группы пермяцких слов под диктовку учителя, причем учитель сразу же давал перевод этих слов на русский язык. Читать русские слова целиком учащимся не давали до тех пор, пока они не изучили всех букв русской азбуки¹⁶.

Таким образом, уже на первых уроках учащиеся упражнялись в чтении букв русской азбуки и знакомились с русскими названиями отдельных предметов. Изучение букв Л, Ф, Х, Ц, Щ было отложено на самый конец, так как соответствующих звуков в пермяцком языке нет¹⁷. Один из разделов букваря Е.Е. Попова был составлен из рассказов на коми-пермяцком языке. Чтению этих рассказов отводилось не менее 2-3 месяцев. В целом эта методика давала многое и для изучения русского языка

и для овладения родным коми-пермяцким языком¹⁸. Второе издание «Букваря» вышло в Казани в 1904 г. Обе книги написаны на кудымкарско-иньвенском диалекте, что стало важной вехой в становлении культуры коми-пермяцкого народа.

Одновременно с изучением русского и коми-пермяцкого языков изучался и старославянский язык. Такое нагромождение языкового материала было для учащихся довольно сложным и даже вредным явлением, так как, не овладев, как следует одним языком, ученики переходили к изучению другого. И в результате не имели прочных знаний ни по одному языку.

Процент охвата коми-пермяцких детей школами был не высок, причем процент обучавшихся девочек был ничтожно мал. В коми-пермяцком Иньвенском округе обучалось лишь 154 девочки и 1031 мальчик¹⁹. В 1901 г. на этой территории работало 86 коми-пермяцких школ. Из них земских было 24, церковных – 58, школ ведомства МНП только 4 (Кудымкарское, Косинское, Кувинское и Егвинское училища). Средний годовой бюджет земской школы в 1909 г. составлял всего 1488 руб., но он был все же больше, чем в школах ведомства МНП. Однако в большинстве случаев занятия проводились в непригодных для учебы помещениях. Большая часть детей школьного возраста не имела возможности учиться. В Соликамском уезде из всех коми-пермяцких детей в возрасте от 8 до 16 лет учились только 15, 6 %; в Чердынском – 92,3 % подростков не посещали школу и были безграмотными²⁰.

Учебный процесс был организован в школах так, что точного начала и конца учебного года установлено не было. Учебный год начинался между 1 и 15 сентября, а то и значительно позже. Много учебного времени отрывали религиозные праздники и «царские дни», в которые вести занятия в школах категорически запрещалось. Число учебных дней сокращалось из-за плохих погодных условий; разлива рек, буранов, когда ученики не могли попасть в школу. Кроме того, учеников отпускали и на сельскохозяйственные работы²¹.

Материальная бедность школ, непродолжительность учебного года, частые пропуски детьми учебных занятий, ограниченность содержания школьной работы приводили к тому, что школа давала пермяцким детям весьма непрочные, неглубокие элементарные знания. Большинство коми-пермяцкого учительства хорошо понимала эти проблемы. Многие учителя добивались права преподавать на родном языке. Однако преобладающее большинство учителей в земских школах Коми-Пермяцкого края были русские. В основном они были уроженцами Пермской губернии и хорошо знали местные условия, часть из них владела коми-пермяцким языком. Значительное количество учителей специальной подготовки не имело. Многие происходили из крестьянского сословия.

Закончив Соликамское уездное училище, они сделали много полезного для развития коми-пермяцкой школы. Это учителя коми-пермяки Д.А. Сысолетин, уроженец села Верх-Иньва, А.С. Федосеев, уроженец села Кочево, Д.А. Хорошев, уроженец деревни Мелюхино. Учитель Кудымкарского земского училища Е.Е. Попов был видным деятелем народного просвещения Пермской губернии и оставил заметный след в истории коми-пермяцкой школы как педагог, методист и автор учебника²².

Материальное положение земских учителей инородческой школы было несколько лучше, чем учителей школы грамоты или церковно-приходской школы. Максимальная ставка учителя была 420 рублей в год, но получали эту сумму очень немногие. Размеры учительских окладов определяло земство в зависимости от разряда школы. В 1900 г. постановлением земских собраний все школы Пермской губернии были разбиты на семь разрядов. К первому разряду относились школы, где было свыше 200 учащихся, ко второму – школы с контингентом свыше 170. Учитель школы первого разряда получал 420 рублей, а учитель школы седьмого разряда – всего 300 рублей в год, то есть 25 рублей в месяц. Большинство школ коми-пермяцкого Иньвенского округа относилось к седьмому разряду²³.

В земских школах седьмого разряда учитель, как правило, был один, и ему приходилось вести все классы. Кроме учебной работы учитель отвечал и за хозяйство школы. Иногда квартирой учителю служила та же самая классная комната, в которой он вел занятия. Нормальной учебной нагрузкой для учителя инородческой земской школы считалось проведение занятий с 60 учащимися. Подготовка учителей для нерусских народностей была организована через учительские школы.

Таким образом, в распространении знаний, просвещения и грамотности среди коми-пермяцкого населения Урала видную роль играли русско-инородческие школы. В дореформенный период вопросы, связанные с обучением коми-пермяков на территории Иньвенского округа решали в основном владельцы Строгановы, опиравшиеся на помощь крепостной интеллигенции, которая занималась просвещением коми-пермяков, преподавала, писала учебные пособия на пермяцком языке, и прекрасно понимала ценность образования, полученного ими по воле и дозволению владельцев Строгановых. И все – же численность школ, где обучались коми-пермяки, была не велика. Большая часть из них, появилась в 30-е гг. XIX столетия. К началу 60-х гг. XIX века в Пермской губернии, как и в стране в целом не было создано школьной сети, которая бы охватила основную массу детей школьного возраста, в том числе и инородцев. Усилия земства в решении этого вопроса были не значительны. На территории Иньвенского округа Строгановых земство смог-

ло в пореформенный период открыть только 21 школу для коми-пермяков²⁴.

Всего по Уралу к 1917 г. было 189 инородческих школ. Их них 79 русско-пермяцких²⁵. Удовлетворить потребности края в таких школах земствам все же не удалось. Сохранялся низкий процент грамотности вообще, и среди нерусских народов особенно²⁶. Причин тому было много: материальная нужда, нехватка национальных педагогических кадров, дискриминация национально значимых элементов культуры, а так же недостаток внимания со стороны общественной инициативы и земства.

¹ Смышляев Д.С. Пермский край. Т.2. Пермь, 1893. С.95.

² Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков // Журнал Министерства Внутренних дел. СПб., 1858. С.21.

³ Страницы истории Коми-Пермяцкого автономного округа. Пермь, 1995. С.70.

⁴ Верхоланцев В.С. Город Пермь. Его прошлое и настоящее. Пермь, «Пушка». 1994. С.218.

⁵ Никитина О.В. Крепостные Роговы. К вопросу о формировании демократической интеллигенции Урала // Смышляевские чтения. Материалы десятой научно-практической конференции. Пермь, 2007. С.239.

⁶ Страницы истории Коми-Пермяцкого автономного округа Пермь, 1995. С.69.

⁷ Калинина Т.А. К вопросу о просветительской деятельности крепостной интеллигенции // Исследования по истории Урала. Сб. статей. Пермь, 2005 г. С. 213.

⁸ Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII в. – 1861 г.) Авторефер. дисс... канд. ист. наук. Пермь, 1977. С.13.

⁹ Страницы истории Коми-Пермяцкого автономного округа. Пермь, 1995. С. 45.

¹⁰ Прокошев В.В. Первые школы Коми-Пермяцкого края // История народного образования в Коми – Пермском округе. Пермь, 1976. С.69.

¹¹ Коми-Пермяцкий автономный округ. Страницы истории. Кудымкар, Коми-Пермяцкое книжное издательство, 2000. С.38.

¹² Прокошев В.В. Распространение грамотности в Пермском крае с древних времен до XIX века // Из истории народного образования Урала. Пермь, 1976. С.8.

¹³ Бачев Г.Т. Коми-Пермяцкий национальный округ: краткий справочник, 2 изд. Кудымкар, Пермское книжное издательство, Коми-Пермяцкое отделение. 1975, С.43.

¹⁴ Отчет о состоянии церковных школ Пермской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1912-1913 гг. Пермь, 1914 г. С. 29.

¹⁵ Очерк состояния народных училищ Пермской дирекции в 1914 г. Пермь, 1916. С.1.

¹⁶ Страницы истории Коми – Пермского автономного округа. Пермь, 1995. С.48.

¹⁷ Зубов А.Н., Лихачев М.Н. Избранное. Кудымкар, 1989. С.76.

¹⁸ Наш край. Кудымкар, Коми-Пермяцкое книжное издательство. 1970, вып 4. С.18.

¹⁹ Страницы истории Коми-Пермяцкого автономного округа Пермь, 1995. С.70.

²⁰ Там же. С.71.

²¹ Зубов А.Н. Лихачев М.Н. Избранное. С.76.

²² Там же. С.77.

²³ Страницы истории Коми-Пермяцкого автономного округа. Пермь, 1995. С.76.

²⁴ Зубов А.Н., Лихачев М.Н. Избранное. С.76.

²⁵ Страницы истории Коми-Пермяцкого автономного округа. С.70.

²⁶ Памятная книга Оренбургского учебного округа на 1915 г. Оренбург. 1916, С. 618.

СТРОГАНОВЫ И ВАСИЛЬЧИКОВЫ

Среди выдающихся полотен коллекции Пермской художественной галереи есть великолепный парадный женский портрет Ивана Николаевича Крамского. И хотя искусствоведами выше ценится более поздний портрет О.А. Рофтопуло («Девушка с веером»), ни один посетитель экспозиции, вслед «Римским баням» Бронникова и портрету сестер Перовских Макарова, не проходит без остановки перед побрюлловски роскошно выписанной молодой, «вышколенной» в высших кругах девушкой с большими, умными, внимательно смотрящими на нас глазами. Автор не идеализирует свою модель, не скрывает недостатков внешности (кропотливые исследователи их находят!), подчеркивает некую холодность и отстраненность представительницы высшего света, но тем живее и обаятельнее созданный образ¹. Большинство вспоминает знаменитую «Незнакомку» и радуется (или завидует) тому, что у нас есть столь замечательный аналог знакового для популярности Крамского полотна.

Однако пермская «незнакомка» оказалась вроде бы не столь таинственна и всегда имела имя, точнее – фамилию. Табличка под картиной гласит: «Крамской И.Н. (1837 – 1887). Ivan Kramskoi. Портрет княгини Екатерины Алексеевны Васильчиковой. 1867». В каталоге галереи, изданном в 1994 году, также читаем: «Портрет Екатерины Алексеевны Васильчиковой. 1867. 121×90. Слева внизу подпись: Крамской 1867 г. Пост. 1951 из Комитета по делам искусств при СНК РСФСР... Один из портретов, за которые художник в 1869 получил звание академика»².

Далее даются сведения о Екатерине Алексеевне: княгиня, рожденная Щербатова (1818 – 1869), супруга князя И.И. Васильчикова (1805 – 1862), генерала с неточно указанными в данном случае должностями. Сделана ссылка на атрибуцию Л.Е. Евграфовой 1963 года³. Приличествующий случаю знак вопроса в последние годы не ставится.

А вопросы эти задавались неоднократно – и специалистами, и обычными посетителями галереи. Ведь если портрет написан в 1867 году, то портретируемой даме было никак не менее 48 лет! Заказной портрет по более ранним работам других художников или, как возможно теперь, по фотографиям (последнее применительно к годам

молодости княгини можно исключить вообще) для представления к званию академика не годился. Утвердившаяся атрибуция явно неверна.

В указанной статье Л.Е. Евграфовой содержатся интересные и достаточно аргументированные указания на то, что И.Н. Крамской является прототипом художника Михайлова – персонажа романа «Анна Каренина», а картина также вошла в галерею «действующих лиц» гениального литературного произведения. Л.Н. Толстой портрет видел, помнил, и на страницах романа рекомендовал Вронскому и нам, читателям, на картину взглянуть⁴. Вот только о какой Васильчиковой идет речь, из этого текста тоже не ясно.

По версии искусствоведа это княгиня, мать которой, Софья Степановна Щербатова, была властительницей умов интеллектуальной Москвы, а бабушка – «Пиковая дама» княгиня Н.П. Голицына. После проведенных в Москве детства и юности, жила княгиня Е.А. Васильчикова преимущественно в Киеве. Была известна своей благотворительностью. Но персонажу портрета противоречит не только возраст. В 1862 году княгиня потеряла мужа и в такой глубокой работе намек на скорбь по этому поводу не могло не быть – даже по соображениям этикета. Наконец, сама автор атрибуции приводит отзывы современников, называвших княгиню «детственной особой», в частности за наивность и непрактичность⁵. Как же мог не подчеркнуть этого Крамской? Ведь о чертах «детственности» по портрету сказать ничего нельзя: при всей юности, чистоте и очаровании героиня выглядит скорее чуть старше своих лет, чем наоборот.

Однако исследователи рода Строгановых «вышли» еще на одну Васильчикову – Евгению Александровну. В родословной росписи Т.Г. Эйриян она указана как жена графа Сергея Александровича Строганова, последнего владельца Пермского имения⁶. Сергей Александрович является представителем 15-го колена именитого рода. Родился граф 9 января 1852 г., скончался за границей в 1923 (возможно даже в 1931) г. На момент написания портрета ему было лишь 15 лет, а его будущая супруга выглядит чуть-чуть взрослее. Но не настолько, чтобы браку с красавицей-княжной воспрепятствовать. Скончалась Евгения Александровна 10 декабря 1884 г. в неизвестном пока для исследователей «строгановцев» возрасте. Детей у высокопоставленной пары не было.

В капитальном сводном труде того же автора, опубликованном, к сожалению, без ссылок на источники, о жизни супругов рассказывается так: «В Россию наезжал нечасто. Семьи у графа не было. Его молодая жена из рода Васильчиковых, княжна Евгения Александровна (ее отец князь А.И. Васильчиков – экономист и прогрессивный общественный деятель – в 1841 г. был одним из секундантов на дуэли поэта

М.Ю. Лермонтова с Н. Мартыновым) умерла очень рано, еще в 1884 году, не оставив детей. Ее успел запечатлеть в акварели художник А.П. Соколов. Именно это обстоятельство (ранней смерти – В.П.) заставило молодого тогда Строганова сменить столичный Петербург на шаткий борт корабля – лишь бы подальше от несчастливых мест? Кто знает: сведений о личной жизни графа почти нет»⁷.

В книге приводится скромненькая репродукция упомянутого портрета, сопровождаемая весьма серьезной атрибуцией: «Графиня Евгения Александровна Строганова (урожд. княжна Васильчикова). Акварель. Худ. А.П. Соколов. 1883 г. Псков». К сожалению, не ясно, то ли портрет написан в Пскове, что вероятно, то ли он там находится (опять же – где именно?). Но хоть что-то: в большинстве публикаций нет и этого.

Что касается тайн личной жизни графа, то это не основанная на фактах беллетристика. А факты есть. И почерпнуть их можно у исследователей дворянских усадеб. К сожалению, издаваемая ими серия «Русская усадьба» до Пермской краевой научной библиотеки не дошла. Но, судя по информации на электронных носителях, в выпуске 10 (26), вышедшем в 2004 году, опубликована работа Н.Н. Масленниковой об усадебном ансамбле XVIII – XIX вв. Волышово Порховского уезда Псковской губернии (современная Псковская область). Одними из хозяев имения и оказалась интересующая нас чета. Размещенная в Интернете информация по материалам данной публикации достаточно подробно рассказывает о морских увлечениях Сергея Александровича и, не менее подробно и занимательно о его единственной любви:

«Граф женился по любви на своей троюродной сестре, княжне Евгении Александровне Васильчиковой, дочери Александра Илларионовича. Борис Александрович Васильчиков... (будущий псковский губернатор) стал его шурином. Родовое гнездо Васильчиковых Выбити находилось недалеко от Волышова в Новгородской губернии. После женитьбы Сергей Александрович в отличие от своих предков, сделавших блестящую карьеру, стал жить и в Петербурге, и в своем псковском имении просто жизнью богатого помещика. Он любил места, где родились его дед, мать и где прошло его детство. За несколько лет до этого в Волышове было задумано им большое строительство, ремонтировались и перестраивались старые сооружения, возводились новые.

Для молодой жены в обновленном доме были отделаны парадные комнаты с выходом в сад, сад и парк оделись в необыкновенно красивый наряд, у ступенек террасы раскинулись цветники и любимый «розовый садик» графини. Тогда же в псковском земстве появился новый влиятельный и богатый деятель, делавший щедрые пожертвования на

благотворительные цели – на его средства строились больницы и амбулатории для крестьян. В память умершей матери он построил по тем временам прекрасно оборудованный больничный городок в Александрове. Он был участником земских съездов, избирался в земскую управу и в мировые судьи. Оживленная хозяйственная деятельность во владениях графа, особенно в области развития коневодства, создания питомников ценных и редких пород кустов и деревьев, строительства дорог, создания школ для крестьян и Реального училища в Пскове стала примером для других помещиков и способствовала улучшению жизни уезда, а потом и губернии.

Богатый и открытый образ жизни в родовом имении, интересная работа в земстве, возможности выездов в Петербург и за границу, в обширные владения Строгановых и их родных были хорошим началом жизненного пути молодой семьи. Однако счастливая жизнь трагически прервалась внезапной смертью Е.А. Строгановой. Граф был безутешен, он год прожил у ее могилы в имении ее отца, а затем уехал в Петербург. Он не переставал думать о Волышове, заботился о продолжении его строительства и благоустройства, но главный контроль за строительством с 1887 года осуществлял его управляющий.... В 1889 году граф вероятно последний раз был в Волышове на охоте вместе с Б.А. Васильчиковым и П.П. Голицыным.

В конце 1880-х годов граф совершил несколько интересных и сложных путешествий в Каир, Дамаск, в начале 90-х годов – в Верхнюю Месопотамию. Его спутниками были сестра Ольга и зять А.Г. Щербатов. Вместе с сестрой граф написал «Книгу об арабской лошади», Ольга Щербатова написала затем серию книг об их путешествиях. Продолжались его дальние морские путешествия на яхте «Заря», в гостини которой висели два акварельных вида Волышова.

В начале XX века в Волышове производились ремонт и перестройка дома в связи с украшением его прекрасной мраморной лестницей, приобретенной графом в Италии. У графа, который тогда постоянно жил во Франции, была мечта о возвращении – в Волышове его ждали каждый год в течение двадцати лет, но он... Волышова больше не посетил, тяжелые воспоминания заслонили любовь к родным местам»⁸.

Цитируемый сайт также содержит приведенный и Т.Г. Эйриян портрет Васильчиковой-Строгановой, но без подписи. Берем его для дальнейшей работы.

Псковские краеведы информируют также⁹, что Васильчиковы стали владельцами Волышова в 70-х годах XVIII века. Имение получил в приданое, женившись на представительнице старинного клана псковских помещиков, Василий Алексеевич Васильчиков (1754 – 1830).

Один из трех его знаменитых сыновей, участников Отечественной войны 1812 года – Дмитрий Васильевич (1778 – 1859) – прожил дольше братьев. Значительная часть его жизни была связана с организацией хозяйства и укреплением имения Волышово: обширному и прекрасному дворцовому и хозяйственному комплексу к середине XIX века в Псковской губернии не было равных. Братья Дмитрия Васильевича владели многими землями и именьями в соседней Новгородской губернии.

Васильчиковым был свойственен интерес к сложным экономическим проблемам, которые тогда обсуждались в обществе: они изучали возможности развития крестьянского хозяйства, проекты изменений в поместном хозяйстве в предреформенный период. Племянник Дмитрия Васильевича князь Александр Илларионович Васильчиков (1818-1881) стал известным публицистом земско-либерального направления.

В излюбленном Волышове у Дмитрия Васильевича родились четыре дочери, любившие имение так же, как отец. Одна из дочерей – Татьяна Дмитриевна, 1823 года рождения, – вышла замуж за Александра Сергеевича Строганова (1818 – 1864), внука самых ярких и достойных представителей этого рода Павла Александровича и Софьи Владимировны, хорошо знавших семью Васильчиковых. Вот тут-то Волышово и вошло в строгановский майорат, а его жизнью, развитием и строительством продолжал заниматься отдавший его в приданое за дочерью тесть Александра Сергеевича. Не являясь главой майората (отец переживет сына на 18 лет), А.С. Строганов, как известно, достиг высоких военных и придворных чинов и проявил выдающиеся научно-гуманитарные способности. Полюбив Волышово, сделал его своей резиденцией. Здесь родились и выросли его дети: дочери и сын, продолжатель рода и наследник.

У Васильчиковых и Строгановых были не только давние дружеские связи, но и много общего во вкусах и пристрастиях: все они (в нескольких поколениях, в том числе и женщины) страстно любили верховую езду, конный спорт, лошадей и охоту. Всем этим Волышово располагало в полном объеме. Имение продолжало строиться, совершенствоваться. Но в 1859 году умирает Д.В. Васильчиков, а в 1864 году – 46-летний А.С. Строганов. Графиня Т.Д. Строганова осталась одна с маленькими дочерьми и единственным сыном, надеждой семьи Сергеем. Она и прежде подолгу жила в Волышове, а после смерти мужа стала жить постоянно и всё делала, чтобы сохранить старые порядки.

Граф Сергей Александрович Строганов становится владельцем Волышова после смерти матери в 1880 году, а через два года (по кончине

деда Сергея Григорьевича Строганова) – главой всего майората. Хозяйкой стала его избранница – Евгения Александровна Васильчикова. Хотелось бы уточнить дату свадьбы, но пока она никем не приводится. Пермское имение, по имеющимся сведениям¹⁰, С.А. Строганов посещал дважды – в 1880 и в 1884 годах. Видимо, в 1880-м в Ильинском и Перми с ним побывала Евгения Александровна.

По данным псковичей, местом упокоения красавицы-графини стало «имение отца», где она и родилась, – соседние с Вольшовым Выбити, Старорусского уезда Новгородской губернии. Интересно, что хотя Вольшово принадлежало очень значительным и богатым людям, не бросались в глаза ни вычурность, ни пышность: во всём доминировали хороший вкус и изящество. Кроме бесспорных достоинств ряда основных зданий, как подчеркивают специалисты, самым ценным качеством архитектурно-паркового ансамбля являлись его цельность и удачное сочетание различных по облику и назначению сооружений. Стремление к сохранению традиционных особенностей усадьбы не помешало ни архитекторам, ни сменявшим друг друга поколениям Васильчиковых – Строгановых создать гармоничный, созвучный любому времени ансамбль.

Вольшово не было разрушено во время двух войн, которые прошли по этой территории. До середины 80-х годов XX столетия все производственные постройки вольшовского имения сохранялись и использовались функционально конным заводом и фермой. Но затем чудом сохранившиеся, более ста лет не ремонтированные, производственные и жилые помещения не поддерживались, не укреплялись, а просто оставлялись, якобы для реставрации. Началась его гибель, но специалисты свидетельствуют, что и в современном своём состоянии ансамбль уникален.

Указание на дальнейшее родство Сергея Александровича со своей будущей женой не случайно: «точек пересечения» родов Строгановых и Васильчиковых – несколько. Так, Татьяна Васильевна Васильчикова (1783 – 1841)¹¹ в 1800 году стала женой Д.В. Голицына (1771 – 1844), представителя рода Софьи Владимировны Голицыной-Строгановой (1774 – 1845). У них было пятеро детей, в том числе Екатерина Дмитриевна Голицына (1801 – 1877), вышедшая в 1821 году за князя Николая Васильевича Долгорукого (1789 – 1865). Родственницей по женской линии Софьи Владимировны (и Натальи Петровны Голицыной – «Пиковой дамы») была Екатерина Алексеевна Щербатова, вышедшая замуж за князя Васильчикова Иллариона Илларионовича (в книге Эйрияна ошибочно – Илларион Ильич) и объявленная было моделью «нашумевшего» портрета Крамского. Илларион Илларионович является

сыном получившего княжеский титул героя Отечественной войны 1812 года Иллариона Васильевича и братом отца Евгении Александровны. Княжна Е.А. Васильчикова – племянница по мужу княгини Е.А.Васильчиковой.

О браке Александра Сергеевича Строганова и Татьяны Дмитриевны Васильчиковой уже говорилось. Их дочь Ольга Александровна (1857 – 1944) вышла в 1879 году за князя Щербатова Александра Григорьевича (1850 – 1915)¹². У них было четыре дочери. Одна из них, Ксения Александровна, вышла за барона Андрея де Людингаузена. Их дочь Элен де Людингаузен (род. 1942) и приезжает из Европы в Пермь как наследница рода. Ее внешнее сходство с портретируемой Васильчиковой также нельзя не отметить.

Княжна Евгения Александровна – представительница семьи выдающейся. О некоторых Васильчиковых есть специальные исследования, в течение столетия им посвящаются персональные статьи в энциклопедических словарях и справочниках. Так, у Брокгауза и Ефрона помимо статьи «Васильчиковы» есть 6 персоналий, 4 из которых посвящены интересующим нас государственным, военным, общественным деятелям и интеллектуалам XIX века.

В советский период в справочниках такого уровня остался только отец супруги С.А. Строганова – Александр Илларионович. Его труды по истории русской общины и аграрному строю России, другим социально-политическим проблемам стали заметным явлением в общественной мысли России своего времени. Окончил петербургский университет со степенью кандидата прав. Отказался от блестящих перспектив чиновной карьеры и в качестве члена административной комиссии выехал на Кавказ. За участие в дуэли Лермонтова был наказан тюремным заключением. После еще одной попытки «вписаться» во 2-е отделение административной машины Николая I, уехал в Новгородскую губернию. Как предводитель дворянства заслужил репутацию либерала своими обличениями злоупотреблений помещиков. Во время Крымской войны вступил в ополчение и побывал на театре военных действий. К концу 50-х годов стал сторонником безотлагательного реформирования экономики и государственного устройства, а после отмены крепостного права – одним из идеологов «кооперативного либерализма»; выступил с проектом создания всесословного управления. В начале 60-х годов член Новгородского губернского по крестьянским делам присутствия, во второй половине 1860-х гг. – земский гласный, но вынужден был в 1872 году уйти из земства «вследствие своего либерализма»¹³.

Александр Илларионович был твердым сторонником крестьянской общины и организатором сельских судо-сберегательных и промышленных товариществ (касс), с 1872 по 1881 г. – председатель Петербургского комитета этой структуры. Именно эти товарищества, раскритикованные большевиками, являлись зародышем кооперативного движения в России. Как славянофил, оказывал существенную материальную поддержку сербскому освободительному движению и русской армии во время войны с Турцией 1877-1878 гг. Оценивая деятельность А.И. Васильчикова, современники писали: «...Крупный землевладелец, аристократ по рождению и положению, смело пошел наперекор течению. Рискав навлечь, и действительно навлекши на себя обвинение в «социализме», он стал на сторону общины, мелкого землевладения, более правильного распределения поземельной собственности между различными классами населения...»¹⁴.

Женат был на Евгении Ивановне Сенявиной. Годы жизни супруги – 1829 – 1862: Евгения Александровна рано потеряла мать.

Многое известно сегодня и о Борисе Александровиче Васильчикове (1860 – 1931), единственным, по свидетельству зарубежных хранителей семейных традиций, сыне выдающегося публициста. Он окончил Императорское училище правоведения, служил в Министерстве юстиции, в местных земских учреждениях. В 1890-1900 гг. Новгородский губернский предводитель дворянства, в 1900-1903 – Псковский губернатор. Показывал образцы хозяйствования «помещика-предпринимателя». Во время русско-японской войны руководил всеми учреждениями Красного Креста на дальневосточном театре военных действий, заслужив всеобщее уважение и обратив на себя внимание самого Столыпина. Последовал правительственный взлет – Б.А. Васильчиков стал первым, до А.В. Кривошеина, министром земледелия (Главноуправляющим земледелием и землеустройством, 1906-1908 гг.). Так сын стал разрушителем общины, за которую активно ратовал его отец. С 1906 по январь 1917 года был членом Государственного Совета. Являлся председателем Главного управления Российского общества Красного Креста, одним из организаторов Всероссийского национального клуба.

Борис Александрович был известен не столько глубиной мысли и организаторскими талантами, сколько честностью и принципиальностью. Тем же отличалась его жена Софья Николаевна Мещерская (1867-1942). Во время Первой мировой войны она написала резкое письмо императрице Александре Федоровне, в частности речь шла о необходимости удаления Г. Распутина и нежелательности вмешательства императрицы в государственные дела, за что супруги были вы-

сланы из Петрограда. После 1917 Б.А. Васильчиков арестован, затем эмигрировал. Автор опубликованных воспоминаний¹⁵.

Сегодня историческая справедливость восстановлена в отношении многих представителей рода: в энциклопедиях и словарях видим по 4 – 5 статей¹⁶, причем их может быть значительно больше. Род Васильчиковых восходит к XIII – XV вв. Широко известны и влиятельны они становятся в эпоху Ивана IV. В нескольких ветвях и линиях рода есть и выдающийся дипломат периода правления Федора Иоанновича, и фаворит Екатерины II, и декабрист, и выдающийся музейный деятель – директор Эрмитажа.

Прадед Евгении Александровны Василий Алексеевич Васильчиков был бригадиром, новгородским губернским предводителем дворянства. Портреты трех его сыновей находятся в Военной галерее Зимнего дворца, а старший сын, дед нашей героини, Илларион Васильевич (1775 или 1776 – 1847) возвысился при Павле I, сблизился с Александром Павловичем еще до его воцарения. На командных должностях участвовал в русско-прусско-французской и австро-французской войнах, ранен в Бородинском сражении, участвовал в большинстве крупных последующих сражений до 1814 года, отличившись в ряде их них. Один из ближайших советников императора Николая I, пользовавшийся его безграничным доверием. С 1821 года являлся членом Государственного совета, а с 1838 – председателем Государственного совета и Комитета министров. Он-то и получил в 1839 году княжеский титул.

Другой брат деда последней хозяйки Строгановского майората, Николай Васильевич (1781 – 1849), – также прославленный генерал-майор (1813). Еще один брат знаменитых воинов – Алексей Васильевич (1780 – 1833) – избрал гражданскую стезю, став тайным советником, губернатором (той же Новгородской губернии), сенатором. Дмитрий Васильевич, занимавшийся обустройством Вошьшево, в свое время командовал Ахтырским полком в армии Багратиона, участвовал в Бородинском, отличился в Лейпцигском сражениях, затем был действительным тайным советником и обер-егермейстером императорского двора, заведывая придворной охотой. Так же, с 1846 года, являлся членом Государственного совета. Был известен благотворительной деятельностью.

Илларион Васильевич, по опубликованным в Интернете данным, был женат дважды. Первой женой была Вера Петровна Протасова (1780 – 1814), второй – Татьяна Васильевна Пашкова (1793 – 1875). От двух браков известно 10 детей: 6 сыновей и 4 дочери. Наиболее известными стали старший Илларион, четвертый сын Виктор и, разумеется, Александр (третий из сыновей).

Итак, Илларион Илларионович Васильчиков, муж якобы изображенной на находящемся в Перми портрете дамы. По сегодняшним официальным сведениям это генерал-лейтенант (1855), генерал-адъютант (1852), киевский военный губернатор, подольский и волынский генерал-губернатор (1852-1862), член Государственного совета (с 1861, за год до кончины). Есть данные о его губернаторстве в конце 1840-х гг. (Костромская и Волынская губернии). Приобрел известность рядом своих демократических мероприятий, в частности в отношении еврейского населения¹⁷. Супруга Екатерина Алексеевна была настолько активной благотворительницей, что недоброжелатели называли Киев «хутором Васильчики», подчеркивая в частности патриархальность некоторых методов руководства¹⁸. Благочестивая губернаторша пережила мужа лишь на 7 лет, умерла в Петербурге, но похоронена рядом с супругом, в Киево-Печерской лавре. Имели сына Сергея и дочь Софию (1841 – 1871). Последняя вышла замуж за графа Николая Сергеевича Строганова (1836 – 1905)¹⁹. Это краткое супружество, являющееся еще одной точкой пересечения истории родов, в публикующихся родословных Строгановых не отражено.

Виктор Илларионович Васильчиков (1820 – 1878) продолжил героические военные традиции рода. Боевой генерал, являлся начальником штаба Севастопольской обороны 1854-1855 гг., где проявил незаурядные организаторские способности. В 1857-1861 гг. занимал высокие военно-министерские посты. На службе до 1867 года.

Сын И.И. Васильчикова Сергей Илларионович (1849 – 1926), крупный землевладелец, также был генералом, но разделил трагедию империи, оказавшись в Петербурге во главе войск 9 января 1905 года. После 1917 годы эмигрировал во Францию. Его сын Илларион Сергеевич (1881 – 1969) являлся ковенским губернским предводителем дворянства, депутатом IV Государственной думы, членом фракции октябристов, участвовал в процессе организации Временного правительства и его деятельности в отношении общества Красного Креста, в Поместном Церковном Собрании 1917-1918 гг. С 1919 года в эмиграции. Автор воспоминаний²⁰.

Супругой И.С. Васильчикова стала княжна Лидия Леонидовна Вяземская. Из детей И.С. Васильчикова наиболее известны дочери – Татьяна, в замужестве княгиня Меттерних-Виннебург (род. 1915) и Мария, в замужестве Хариден (1917 – 1978). Татьяна Илларионовна является крупной меценаткой, общественным деятелем, художником-акварелистом и писательницей, в том числе автором исторического исследования «Строгановы»(!) и мемуаров. Мария Илларионовна, работая в Информационном отделе германского МИДа, вела уникальный

«Берлинский дневник», освещающий, в частности, события заговора 20 июля 1944 года против Гитлера. Кстати, из названных книг только эта (бестселлер на 20-ти языках) и имеется сегодня в Пермской краевой научной библиотеке. Хранителем семейных архивов, публикатором дневника сестры и ряда мемуаров стал князь Георгий Илларионович Васильчиков (1919 – 2008) – участник Французского Сопротивления, переводчик во время Нюрнбергского процесса, сотрудник секретариата ООН, автор книг о русской эмиграции, член редакционного совета журнала «Наше наследие». В Швейцарии живут его дети и внуки²¹.

Итак, на «пермском» портрете – представительница великой семьи. Портрет признается заметным явлением отечественной культуры. Тогда нечуждые искусству главы рода, разумеется, не возражают против публичной выставки, но кто же позволит «трепать» имя высокопоставленной княжны «на выданье» в художественных и околохудожественных кругах, в скороспелых газетных обзорах? Так «родилась» несуществовавшая княгиня Васильчикова. О том, кто же действительно изображен на портрете, знал лишь очень узкий круг людей. Похожесть сокращений титулов «княгиня» и «княжна», а также совпадения инициалов, облегчало мистификацию. Каждый встречавшийся с киевской княгиней говорил: «Это не она». Племянницу Евгению мало кто знал. Из известных сегодня Васильчиковых остается княжна София Илларионовна, также ставшая Строгановой. Но ей на момент написания портрета минимум 25 лет, она, вероятно, уже графиня.

В публикациях князя Г.И. Васильчикова воспроизведена уникальная фотография, подписанная «Борис, Евгения и Ольга Васильчиковы»²². Атрибуция ее также вызывает сомнения, но Евгению легко узнать по предсмертному портрету. Вот только может ли стоящий, близкий по возрасту, мальчик быть ее братом Борисом? Если это начало 1870-х гг., то сколько же лет Евгении на портрете А.П. Соколова? Около двадцати? Маловато. Материалы к родословной Васильчиковых имеются, но до их серьезной научной доработки еще очень и очень далеко. По крайней мере, соседство приводимого в качестве даты рождения Бориса Александровича 1863 года с годом 1862 как даты смерти его матери составителей интернетовских сайтов почему-то не смущает²³. Постоянные несовпадения и неувязки заставляют называть лишь «некоторых из детей» Александра Илларионовича, не позволяя указать год рождения той же Евгении.

Однако наличие фотографии дает возможность сравнения внешнего облика Евгении Александровны в двух возрастах с пермским портретом. Для удобства сравнения в каждой из репродукций были выде-

лены и приведены к единому размеру фрагменты, портреты повернуты на несколько градусов для выравнивания наклона головы, затемнены украшения в причёске, псковский портрет повернут с отражением. В результате мы получаем сопоставление, допускающее утверждение: перед нами один и тот же человек.

Не хочется углубляться в «физиономистические» детали – их множество, не говоря уже о том, что в течение жизни дама не изменила причёску, свой неповторимый взгляд, впрочем, ставший с годами более мудрым и грустным, что естественно, и даже манеру держать в одной руке веер, чуть приподнимая другой рукой край платья, как бы готовясь к движению. Если позу выбирали исключительно художники, то это тоже о многом говорит. Скорее всего, А.П. Соколов хорошо знал портрет кисти Крамского (даже в Вольшове могла быть копия или гравюра) и сознательно использовал те же мотивы.

Можно допустить еще одну версию событий, хотя и менее вероятную: Крамской сознательно представил портретируемую модель старше ее реального возраста. На это намекают, например, при общих реалистических устремлениях полотна, подчеркнута условные, «нарисованные» брови. Что ж, чем больше тайны, тем выше в данном случае художественный результат. На то они и «незнакомки»!

Разрабатываемая гипотеза позволяет уточнить и дату рождения супруги последнего владельца Строгановского майората. Если на пермском портрете действительно Евгения Александровна, то, учитывая некое присутствие восточной генетики с ранним взрослением, ей здесь лет 16-18. Дата написания портрета известна. Следовательно, княжна Е.А. Васильчикова родилась около 1850 года. Жизни ей было отпущено около 33-35 лет. Надо признать, даже за год до смерти выглядела она по-прежнему великолепно.

Возможно, люди, направлявшие картину в нашу галерею (спасибо им!) что-то знали о родстве Васильчиковых со Строгановыми. Но даже если и нет: подлинные произведения искусства обладают такими полями, такой энергетикой, что умная и проницательная портретируемая особа «сама» могла «сделать выбор». Она направилась в сегодняшнюю столицу строгановского региона – Пермь. Нам остается только узнать высокую гостью и должным образом поприветствовать.

¹ Использована репродукция из фотокниги: Пермь. Пермь: Кн. изд-во, 1985. С. 98.

² Русская живопись, скульптура: XVIII – начало XX века: Каталог / Перм. гос. худож. галерея. Пермь, 1994. С. 49.

³ Евграфова Л. Крамской – портретист // Урал. 1963. №12. С. 164-168.

⁴ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит. 1982. Т. 9. С. 39.

⁵ Евграфова Л. Указ. соч. С. 165.

- ⁶ Эйриян Т.Г. Пермские Строгановы: Родословная роспись. Пермь, 2003. С. 29.
- ⁷ Эйриян Т.Г. Из рода Строгановых: Истории XVI – XIX веков в лицах. Екатеринбург: Уральск. Рабочий, 2003. С. 271.
- ⁸ По материалам монографии Н.Н. Масленниковой «Вольшово – уникальный усадебный ансамбль XVIII-XIX веков». Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 10 (26), 2004. (Пунктуация источника – В.П.). – Сайт: <http://volishovo.ru/page.php?34>
- ⁹ <http://culture.pskov.ru/families/object/11>
- ¹⁰ См.: Эйриян Т.Г. Из рода Строгановых. С. 271.
- ¹¹ См.: там же. С. 385.
- ¹² См.: там же. С. 401.
- ¹³ Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1928. Т. 9. С. 60.
- ¹⁴ Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1892. Т. 10 (Va). С. 622.
- ¹⁵ Васильчиков Б.А. Об охоте и не только о ней...: Воспоминания / Предисл., публикация и прим. Г.И.Васильчикова // Наше наследие. 2002. №63-64. С. 104-127; http://zarubezhje.narod.ru/av/v_020.htm
- ¹⁶ См.: Российский энциклопедический словарь. М.: Больш. Рос. энцикл., 2000. Кн. 1. С. 231; Большая Российская энциклопедия. М.: Больш. Рос. энцикл., 2006. Т. 4. С. 647-649.
- ¹⁷ http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=16438
- ¹⁸ <http://gorodkiev.com.ua/index.php?do=static&page=Vasylch>
- ¹⁹ [HTTP://WWW.VGD.RU/V/VSLCHKOV.HTM](http://WWW.VGD.RU/V/VSLCHKOV.HTM)
- ²⁰ Васильчиков И.С. То, что мне вспомнилось: Мое участие в Поместном Церковном Собрании Российской Православной церкви 1917-1918 годов // Наше наследие. 1990. №2(14). С. 118-122.
- ²¹ In memoriam. Георгий Илларионович Васильчиков; Енишерлов В. Прощайте, князь! // Наше наследие. 2008. №85. С. 34-41.
- ²² Наше наследие. 2002. №63-64. С. 106; <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6410.php>
- ²³ <http://www.vgd.ru/V/vslchkov.htm>

**ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ ПЕРМСКОГО ИМЕНИЯ
СТРОГАНОВЫХ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.:
РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ,
РОЛЬ СТРОГАНОВЫХ В «ДУХОВНОМ
ВОСПИТАНИИ» КРЕПОСТНЫХ**

Изучение истории любого народа и региона должно включать исследование его религиозности. В этом смысле жизнедеятельность и духовный опыт сельских православных приходов Прикамья представляет большой интерес, т.к. сельский приход имел статус наиболее распространенного «базового церковно-территориального сообщества, сформировавшегося в сфере особых отношений»¹. Приход, наряду с общиной и волостью был составным элементом системы взаимоотношений крестьянского самоуправления общественной жизнью.

В данной работе мы рассмотрим вопросы религиозно-нравственного состояния православных приходов Пермского имения Строгановых в XIX – начале XX веков. Здесь можно столкнуться с рядом трудностей, т.к. нет четких критериев, по которым можно оценивать это состояние. Можно опираться на отзывы современников, но они носят субъективный характер. Рассмотрение религиозно-нравственного состояния населения по формальным признакам – исполнению обрядов, посещению церквей и т. д. – также проблематично, так как частое посещение храма и исполнение всех христианских обязанностей прихожанином или группой прихожан не всегда служит показателем его внутренней религиозности и этики, знаний веры и христианских таинств. Кроме того, нужно учитывать активную роль Строгановых в «духовном воспитании» своих крепостных.

По численности и социальному составу прихожан можно выделить следующие особенности православных приходов Пермского имения Строгановых: 1) наиболее типичными были приходы численностью от 2 до 6 тысяч прихожан, которые проживали компактно на расстоянии от 1 до 20 верст, что позволяло прихожанам совершать все необходимые православные обряды и требы; 2) в связи с ростом численности населения и освоением новых земель на протяжении всего XIX в. наблюдался рост количества приходов, путем выделения части большого земледельческого прихода в отдельный малый приход; 3) в результате различий в хозяйственной деятельности приходы условно можно раз-

делить на 2 типа: I) чисто сельские; II) подзаводские; 4) наряду с приходами официальной православной церкви в первой половине XIX в. активно создавались единоверческие приходы, объединившие старообрядцев, согласившихся на признание официальной церкви; 5) точное количество прихожан православных храмов Пермского имения Строгановых определить крайне сложно, т. к. значительную их часть составляли старообрядцы разных толков, которые фактически не являлись прихожанами, но по официальным документам входили в число лиц, приписных к тем или иным приходам.

Характерной особенностью рассматриваемых нами приходов было то, что со стороны Строгановых и их администрация действовал строгий контроль за состоянием нравственности. Еще в начале XVIII века в «Инструкциях Николая и Александра Строгановых приказчикам Цивитину и др.»² указано, что в круг обязанностей служителей входит наблюдение за поведением и благочестием крепостных: «...следить за тем, чтобы приказчики не пьянствовали и не брали взятки. Нерадивых – наказывать или отстранять от должности...Смотреть вам того накрепко, дабы, как староста, так и сборщики и все вашего ведомства крестьяне на кабаки пить не ходили и в дом никакого питья не покупали и не токмо мирских, но и своих денег и других пожитков...не пропивали и никаким воровством мирских денег не похищали. С нарушивших...утраченное мирское взыскивать и возвращать в мир, да сверх того чинить оному преступнику жестокое наказание и не токмо за пропой мирских денег, но и за всякое пьянство и захождение на кабаки и за всякое питье...и как возможно от питья на кабаке крестьян воздерживать, а ежели вы того смотреть не станете и от пьянства крестьян воздерживать, то взыщется все с вас с наказанием и немалым штрафом»³.

Пермское имение Строгановых представляло собой своеобразное государство в государстве: в нем, помимо законов Российской империи, действовали свои кодексы, разработанные либо самими владельцами, либо по их повелению, которые не только содержали необходимые для выполнения правила, но и наказания за их нарушение. Такими были, например, «Устав экономический», введенный Софьей Владимировной Строгановой⁴, и «Правила о предупреждении и пресечении распутства в Пермском имении ее сиятельства графини Натальи Павловны Строгановой»⁵.

«Правила о предупреждении и пресечении распутства» были составлены в 1846 г. Состояли они из III глав. I глава содержала меры предупреждения «распутства». Она запрещала: «сборища в домах неодобрительного поведения для посиделок, вечеринок» и т. п., «игрища

после 10 часов вечера», «прием постояльцев неодобрительного поведения», «проживание одиноких женщин без присмотра родни и «благонмерных родственников», «посещение женщинами питейных домов», «прием незамужних женщин или вдов без «увольнительных видов», которые выдавались только на 1 год для использования в имении и т. д.⁶

Те, кто, «имея возможность устранять поводы к разврату, не будет о том заботиться, тот признается не радеющим о сохранении нравственности и исполнения установленных правил». К разряду «не радеющих о состоянии нравственности» отнесены были те, кто: допускали совместную работу мужчин и женщин; держали у себя «женщин без увольнительных видов»; будут замечены в «несвоевременных подозрительных прогулках в позднее ночное время»; местное начальство, которое допустит «сходбища людей неодобрительного поведения под предлогом игрищ, сопровождающихся пьянством и вообще с целью безнравственною»; мужчины, которые будут «замечены в нередком посещении сходбищ, вечеринок, помочей и т.д. без всякого к тому повода». Служителям запрещалось посещение без повода крестьянских и мастерских «сходбищ, хотя бы последние и не имели дурной цели». Родители или родственники, которые «слабо надзирали за поведением своей семьянки», или отпускали ее без надзора на помочи, вечеринки, на базары, не предостерегали «от соблазна и повода к разврату» также должны были наказываться⁷.

II глава содержала «исправительные» или полицейские меры. Доказательством вины могли служить: а) «улика или собственное признание»; б) «непохвальные отзывы соседей и родственников, сопровождаемые большим повальным обыском». Обвиненные в проступках подвергались штрафам и телесным наказаниям в зависимости от степени вины, возраста, пола (мужчины наказывались строже), семейного положения (женатые и замужние также наказывались строже). Определяло наказания волостное или окружное правление. Все проступки записывались в штрафные книги, а служащим – в послужные книги⁸. Наказание предусматривалось даже для тех, кто не был крепостным Строгановых – за первый же проступок «женщины и девки высылались из имения в место их жительства, а солдатки и солдаты отдавались на суд земской полиции»⁹.

По статьям III Главы «особо распутных и не поддающихся исправлению» выселяли из имения и подвергали другим суровым наказаниям: представляли виновных в распоряжение губернского правления, полиции и т.д. Мужчин отдавали в рекруты (это было более всего выгодно мирскому обществу, т. к. рекрут засчитывался в счет той семьи,

которая должна была отправить своего члена), отсылали в Сибирь или в арестантские роты Гражданского ведомства. За «распутными» женщинам учреждали опеку и также ссылали в Сибирь¹⁰.

Интересно, что способствующие и не препятствующие пресечению «распутства» наказывались не менее сурово, чем виновные в таковых. Правила о предупреждении преступлений против нравственности, а не карательные меры, занимают практически половину документа. Среди мер наказания называется и духовная мера, применявшаяся для женщин, своеобразная «светская епитимья» – за второй проступок «против нравственности» виновная должна была под надзором десятских ходить в церковь к заутрени, обедне и вечерне не менее 1 недели¹¹. В том, что «Правила...» действовали, мы можем убедиться. В фонде Строгановых РГАДА хранится «Дело об отсылке порочного поведения людей Пермского нераздельного имения в Сибирь на поселение, мужского и женского пола и об отдаче некоторых в военную службу. 1850-1861 гг.»¹².

Такие строгие меры, принимаемые Строгановыми по контролю за нравственностью и посещением своими крепостными храмов, несмотря на самые добрые побуждения, которые ими двигали, могли иметь и обратный эффект. Важнейшие христианские таинства, должны исходить из внутренней потребности человека, а при подобном давлении со стороны власти могли по ряду признаков напоминать некую повинность и служить не привлечению, а отдалению прихожан от храмов. Церковь рассматривала религиозность и нравственность своих «пасомых» с несколько иной точки зрения – с точки зрения понимания прихожанами сущности веры, исходя из священного писания и христианских заповедей. При этом подходе формы поведения не соответствующие канонам православия считались чем-то невежественным.

Мнения священников о религиозно-нравственном состоянии прихожан в приходах разнились от благожелательных¹³ и удовлетворительных¹⁴, до крайне негативных¹⁵. Среди «пороков» прихожан они выделяли такие как пьянство, хулиганство, сквернословие, грубость и др. При этом передовые священноцерковнослужители, особенно в начале XX в. одной из главных причин понижения нравственности и духовности общества называли не какое-то особенное нравственное состояние или религиозное чувство, а тяжелое экономическое положение, необразованность, бесправие, неуважение человеческой личности и имущества. В отдельных приходах отмечались и такие причины, как «безнравственная литература», дальние отлучки от места жительства на отхожие промыслы и т.д. При этом во всех высказываниях особо подчеркивалась роль причта в повышении «благочестия» прихожан,

«призванного обновить современное село и могущего вдохнуть в него начала права, чести и христианской правды ... В руках духовенства нет палки – карательных мер..., способных разве вогнать болезнь внутрь народного организма, а отнюдь не излечить этот недуг радикально»¹⁶.

По мнению клириков значительные усилия необходимо было прикладывать в религиозном воспитании прихожан, в расширении знаний истин веры, заповедей и молитв. В подзаводских приходах, население которых было, как правило, более образованным, нежели население чисто сельских приходов, уровень религиозных знаний был гораздо выше. Значительные усилия предпринимались церковью для борьбы с «суевериями» – традиционными обрядами и верованиями, связанными с коми-пермяцкой культурой. Особенно трудно в этом смысле приходилось священникам Иньвенского округа имения, основную часть населения которого составляли коми-пермяки. Источники из церковной среды дают противоположные сведения об их нравах и устоях, вере и обрядах. У некоторых авторов ярко выражено мнение о коми-пермяках как о некоем темном, отсталом народе, несколько пренебрежительное отношение к их традиционному устою жизни, обычаям и обрядам, их самобытной культуре¹⁷.

Другие исследователи из церковной среды относились к пермякам более благожелательно. Так автор статьи «Пермяки Ошибского прихода Соликамского уезда»¹⁸, более 12 лет бывший священником в Ошибской церкви отмечает их природный ум, искреннюю, детскую веру в бога, несмотря на то, что в «деле своей религии он [пермяк – В.Р.] смыслит еще мало»: «О Боге ошибцы знают, что он есть творец всего, всемогущ, вездесущ, вечен, добр, строг, но телесен ли он или бестелесен, не знают, и скорее же его считают подобным человеку»¹⁹. Представление о боге у них пантеистическое, кроме Троицы, которую они считали главным Богом, есть другие боги, менее сильные: Богородица, Николай Угодник, святой Георгий и все другие святые для них тоже боги. Ошибцы верили, что все боги посылают им несчастья, болезни, поэтому их нужно задобрить, умиловать. Отсюда происходит бытование таких обрядов, как чер-эшван, жертвоприношения животных в храмы и часовни и т.д., которые представляли собой своеобразную смесь язычества и православия.

Своеобразным пониманием Бога объясняет автор и особое почитание икон коми-пермяками: «Святые иконы ошибцы хотя и именуют богами, но сознают же, что это не сам Бог, лик его... С иконами обращаются благоговейно, но на полку, где стоят они в домах, ставят рюмки, стаканы и т.п., состарится же икона..., хозяйки досками их покры-

вают кринку». В то же время новые иконы коми-пермяки боялись покупать, чтобы святой, который изображен на ней, не принес какой-нибудь неприятности. Если после покупки новой иконы в доме происходило что-либо отрицательное, это приписывали новой иконе и от нее старались избавиться: либо спрятать подальше, либо отдать в церковь²⁰.

Одной из самых интересных, и в то же время самой субъективной группой источников по описанию религиозно-нравственного состояния той или иной части строгановских земель или всего имения в целом, являются воспоминания и свидетельства современников. Они, по сути своей, диаметрально противоположны: от примерно-доброжелательных²¹.

До язвительных (например, о нравственности жителей села Ильинского – административного и культурного центра села сохранились, мягко скажем, не совсем объективные и лестные отзывы)²². Пути «распространения добрых правил» между прихожанами современники видели следующие: 1) усиление роли образования: строительство новых сельских школ и открытие женских школ; 2) «заботливость и особенное старание с пожеланием истинного добра прихожанам со стороны духовенства»; 3) содействие местного начальства²³.

Вопросу о посещении храмов и исполнении христианских обязанностей прихожанами уделяли большое внимание как Строгановы, так и администрация имения. В 1846 г. граф Сергей Григорьевич Строганов посетил свое Пермское имение и приказал в «неизменную обязанность» управляющих заботиться о постоянном посещении мастеровыми и крестьянами церквей. Главному управляющему имением Василию Алексеевичу Волегову было поручено подготовить общее Положение о посещении церквей крепостными «в соответствии с местными условиями»²⁴.

В.А. Волегов собрал мнения всех окружных управляющих, членов Главного правления и составил на основе этого записку «О посещении церквей прихожанами в Пермском нераздельном имении»²⁵, в которой большое внимание он уделял вопросам хозяйственных занятий и обычаев прихожан имения. Все население имения он поделил на служащих, мастеровых и крестьян, каждое из которых по-разному посещало храмы. По мнению управляющего, строгановские крепостные посещали храмы редко. Причину этого он объяснял не столько «нерадением к христианским обязанностям, сколько хозяйственными занятиями». Так, например, среди причин редкого посещения храмов крестьянами он видел в «удаленности большей части крестьян, живущих в деревнях, от церквей», занятости большинства взрослого населения в весен-

нее и летнее время, длительные отлучки на караванные и другие работы у подзаводских крестьян. Однако он подчеркивает, что те, у кого было «усердие», всегда находили время сходить к заутрени или к обедне²⁶. У крестьян села Ильинского, по его мнению, была «привычка» не ходить по воскресеньям в церковь «за недосугом по торговле»²⁷.

Едва ли не главной причиной плохого посещения храмов он считал влияние старообрядчества, а в приходах Иньвенского округа, «невежество» коми-пермяков. Управляющий Иньвенским округом писал в своем отчете Главному правлению, что «пермяки в первый день Пасхи рано утром едят мясное и пьют брагу, и вообще по прочим праздникам завтракают очень редко, будто потому, что не могут дожидаться обедни, но это происходит едва ли не от местного коренного обычая, а не от поздней службы обедни, ибо из 7 церквей Иньвенского округа в 6 совершение литургии оканчивается не позднее 9 часов утра, но при всем при том прихожан бывает весьма мало. Если бы крестьяне желали молиться в церкви, то могли бы ходить хотя к заутреням, но у заутрень народу бывает еще менее, чем у обеден»²⁸. Здесь следует отметить, что по поводу отношения к храму и его посещению среди коми-пермяков есть другое свидетельство, исходящее от священника одного из Иньвенских приходов: «Храм Божий ошибские прихожане считают, как и должно быть, святынею... Чтобы войти в храм «во хмелю» считают большим грехом... Ну а поговорить между собой о житейском во время церковного богослужения или выйти раз другой на улицу – ни по чем!...»²⁹.

Усилия церкви и сельских начальников по привлечению прихожан в храмы, разъяснениям истин веры В.А. Волегов считал недостаточными, и предлагал в этом вопросе вмешательство власти, «которое в границах, определенных законом, возможно, полезно и необходимо»³⁰. Свои слова управляющий подтверждал фактами – ведомостями «О числе исповедавшихся и причастившихся в четыредесятницу 1847 г.» и «О числе жителей Пермского нераздельного имения с указанием расстояния, в котором они находятся от церквей». Время для статистического подсчета – в дни четыредесятницы – было выбрано не случайно – именно в эти дни волна исповедания и причастия особенно активно охватывала прихожан.

По количеству исполнивших христианские таинства среди округов Пермского имения картина выглядела следующим образом: 1) Билимбаевский округ. Исполнило христианские обязанности 61,7 % мужчин и 53 % женщин. Наибольший процент исповедавшихся и причастившихся был отмечен среди служителей; 2) Усольский округ. Исполнило христианские обязанности 54,3 % мужчин и 54,6 % женщин. Если в

селе Романово не исполнивших святых таинств было лишь 3,4 % мужчин и 18,7 % женщин, то среди посадских крестьян эти цифры на несколько порядков выше: 75,8 % мужчин и 72 % женщин; 3) Добрянский завод. Исполнило христианские обязанности 56 % мужчин и 53 % женщин. Не исповедавшихся и не причастившихся среди служителей всего 3 % мужчин и 14,8 % женщин, а среди крестьян Добрянских деревень – 86 % мужчин и 86,8 % женщин; 4) Очерский округ. Исполнило христианские обязанности 37,1 % мужчин и 31,5 % женщин. Наибольший процент исповедавшихся и причастившихся опять же в среде служителей, а также мастеровых Павловского завода. В этом округе зафиксирован самый низкий во всем имении процент исполнивших христианских обязанностей – в селах Путинском (0,2 % мужчин и 0,6 % женщин) и Сепычевском (0,8 % мужчин и 0,4 % женщин); 5) Ильинский округ. Исполнило христианские обязанности 15,7 % мужчин и 19,1 % женщин. Наибольший процент исповедавшихся и причастившихся – в Чусовских городках и селе Челвинском; менее всего – в селах Филатово, Сретенском и Средней Егве (единоверческий приход). 6) Иньвеньский округ. Исполнивших христианские обязанности было всего 11,8 % мужчин и 15,2 % женщин. Как ни парадоксально, но в селе Кудымкар зафиксировано 100 % число исповедавшихся и причастившихся – среди служителей³¹.

В целом по имению количество исповедавшихся, но не причастившихся составило 22,3 % мужчин и 19,9 % женщин, а исповедавшихся и причастившихся – 6,1 % мужчин и 8,7 % женщин. Главные причины неисполнения прихожанами христианских обязанностей были: малолетство, отлучки с места жительства, лень и другие. Наиболее благоприятная ситуация складывалась в заводских поселениях (исключение составлял лишь Очерский завод, в котором проживало много старообрядцев) и соляных промыслах, где прихожане, проживали обычно компактно недалеко от храмов и имели больше свободного времени. По социальному статусу самыми усердными прихожанами были служители, далее шли мастеровые и, наконец, крестьяне, многие из которых были круглый год заняты сельскохозяйственными работами и проживали в отдалении от храмов. Разница в исполнении христианских обязанностей между мужчинами и женщинами была очень незначительной – всего 0,2 %. В приходах с высоким процентом старообрядческого населения цифры исповедавшихся и причастившихся самые низкие. Это ярко видно на примере сел Сепыч и Путино, на ряде приходов Ильинского округа³².

Здесь мы хотели бы подробнее остановиться на проблеме старообрядчества. Идеология старообрядчества в целом способствовала уси-

лению культурно-бытовой регламентации и контроля за соблюдением религиозно-нравственных норм, но старообрядческое крестьянство рассматриваемого нами периода было далеко не однородным – в XIX в. оно распалось на множество толков и согласий, обладавших своими специфическими чертами. Отход от легальной церковной организации в определенных условиях содействовал развитию крестьянской активности в конфессиональной сфере (выделение крестьян-наставников, изучение и создание духовной литературы, творчество в области уставов общежития и пр.) и, соответственно, влиял на выполнение этических нормативов (более жесткое соблюдение постов, ограничения в молодежных развлечениях и т. п.). Но этот же отход приводил к замкнутости, к произволу отдельных «расколоучителей» в отдельных локально-конфессиональных группах и утрате существенных в нравственном отношении традиций народной этики³³. Далеко неоднозначным было и отношение простого народа к старообрядчеству – от сочувствующего и принимающего, до резко отрицательного. Здесь же нужно учитывать и то, что старообрядчество вплоть до начала XIX в. находилось в оппозиции официальному государству, властям, церкви и поэтому ждать благожелательного мнения о нем среди историков, краеведов, чиновников не приходится. Практически во всех исследованных нами дореволюционных источниках прослеживается негативная оценка влияния старообрядцев на религиозно-нравственное состояние прихожан. Поэтому необходимо критически относиться высказываниям – представителей власти, духовенства и дореволюционных исследователей, т.к. они были приверженцами официального православия.

В.А. Волегов составил проект: «Общего положения о исполнении христианских обязанностей и мерах побудительных». Положение состояло из двух глав: 1) «О посещении святых церквей и исполнении необходимых для каждого христианина таинств православной религии»; 2) «О мерах побудительных». Глава 1 гласила, что каждый христианин, независимо от пола, начиная с 7 лет, обязан посещать храмы в воскресные и праздничные дни и исполнять необходимые при этом таинства. Предлагалось составить расписание посещения крестьянами храмов в зимнее и летнее время и разделение их на четыре разряда (по расстоянию до приходской церкви)³⁴.

Пункты этой главы отражали действующее законодательство («Устав сельский полицейский», «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» и др.): «православный и единоверец обязан хоть однажды в год в великий пост или иное время исповедаться и причаститься»; «родители или родственники детей, достигших 7-летнего возраста»

та, обязаны следить за исполнением ими этой обязанности». Для этого необходимо было наблюдать, «чтобы во всех селениях заводах и промыслах, где существовали в воскресные дни сельские торжки, торговля начиналась не ранее окончания службы, за исключением продажи съестных припасов»; «запрещать пьянство в домах и кабаках, а местному начальству наблюдать, чтобы в кабаках не было продажи вина в воскресные и праздничные дни до окончания литургии»; «никаких общественных и мирских работ без крайней необходимости в воскресные и праздничные дни не производить»³⁵.

Глава 2 содержала «побудительные» меры для привлечения в храмы прихожан. Так как местные сельские начальники (приказчики, старосты и прочие) обязаны ходить в церковь во все воскресные и праздничные дни, то они и обязаны были наблюдать за исправным посещением храмов другими прихожанами. Для этого, по мнению В. Волегова, при каждой земской избе должны были быть составлены именные списки на всех крестьян мужского и женского пола с разделением их согласно 1 главы данного «Положения». В этих ведомостях нужно было делать отметки «обо всех не бывших в церкви, соответственно своему разряду, без уважительных причин» (узнавать об этом необходимо было у старожил и десятских)³⁶.

За нарушение правил «Положения» кем-либо из членов семьи ответственность нес старшина семейства. Местный приказчик вызывал его в земскую и мог применить к нему следующие меры наказания: «за первое непосещение церкви – напоминание и замечание с отметкой в списке; за второй – выговор и подтверждение с отметкой в списке; за третий – земское начальство должно было представить нарушителей члену Правления, который должен был сделать строгий выговор с отметкой в списке (при первом же своем приезде в населенный пункт)». Дальнейшее нарушение предусматривало отсылку виновного к местному священнику или благочинному «на увещание» с занесением в список. Ну а тем, кто «не послушав увещаний своего духовного отца и местного начальства, два года сряду не будет на исповеди и святом причастии, о таковых через благочинного священника согласно раздела 2, главы 1, статьи 17 Устава духовных консисторий доносить преосвященному архиерею»³⁷.

Заводские и промысловые надзиратели были обязаны делать «внушения» мастеровым, чтобы каждый из них, не занятый работой, присутствовал в церкви каждое воскресенье или праздничный день на заутрени и обедне или на одной из этих служб. Сами надзиратели и их помощники должны были показывать пример своим подопечным – ходить каждое воскресенье и праздничный день в церковь. Это необ-

ходимо было и для того, чтобы наблюдать, кто из мастеровых и промысловых, не занятый работой, не был в церкви; записывать нарушителей в особую тетрадь, а потом, при явке их на работу, отчитывать. За неявку в церковь без уважительной причины предлагалось применять наказания: за первый раз – выговор, за второй – выговор с записью в специальную тетрадь; далее – отсылать к духовному начальству для разбирательства по 219 статье «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных»³⁸.

Особый контроль предусматривался за служащими. Всех нарушителей записывали в особый табель. Этот табель должно было просматривать начальство, которое принимало решение о наказании. За первый раз – строгий выговор с записью в штрафную книгу как «ослушание против начальства и неисполнение обязанностей». Не исполнявших христианский долг исповеди причастия в посты без уважительных причин предполагалось отсылать для «увещания» к местному священнику и записывать в штрафную книгу. Две такие штрафные отметки должны были вноситься в формуляр служащего³⁹.

Такой проект Положения получил граф Сергей Григорьевич 22 декабря 1847 г. Рассмотрев проект в 1848 г., граф нашел, что он составлен «во всех отношениях несогласно» с его мыслями. Так как по мнению владельца в предложенном проекте Положения, возлагая на начальников «душеспасительную обязанность», В.А. Волегов учредил столь «изысканный порядок» (разделение жителей на классы и назначение каждому классу когда и сколько раз в год ходить в церковь; поручение правлениям, конторам и земским вести учет всех православных прихожан в книгах и реестрах и т. д.), который может показаться для подданных «крайне стеснительным», а для начальников мог послужить «бесплодным умножением бремени письменных их трудов, по невозможности с точностью исполнить правила, предписывающие столь положительное наблюдение за людьми в числе 90 тысяч душ и в деле столько неопределенности в себе заключающем»⁴⁰.

Поэтому граф предложил сначала испробовать в течение года правила Положения, составленные для мастеровых заводов и промыслов, так как там были наиболее благоприятные для этого условия. Правила было приказано объявить «с приличным внушением» жителям заводов и промыслов. «Я решился на сию меру побуждения, – писал граф, – сколько по долгу владельца, столько же по неограниченному желанию содействовать счастью людей, которое они находят в исполнении данных нам богом заповедей, а где же удобнее учиться сему исполнению, как не в доме Божиим из уст духовных отцов: ибо на них единственно лежит священный долг назидать порученную им паству в догматах

православия нашей веры и в уставах церковных, и особенно пеклись о юных детях прихожан своих, поучая их изустно в церквях и домах вседневным молитвам и начаткам христианской нравственности. Если мы употребим все зависящее от нас чтобы убедить людей в великой пользе, проистекающей для них из познания Закона Божия, кроткого послушания наставлением, то, без сомнения, и священнослужители будут ревностнее заниматься духовными благами своих прихожан»⁴¹.

Что касается многочисленного класса оброчных и подзаводских крестьян, то решено было на время ограничиться «общими заботами о постепенном им внушении необходимости и пользы молиться в церквях».⁴² Граф ожидал, что и управляющие и священники приложат все свои старания «к вразумлению вверенных им паств, прихожан, обращая особое внимание на молодое поколение, оставленное по несчастю до сего времени без всякого напутствия и спасительного учения». При первом же посещении граф лично обещал проверить знания «начал веры» и молитв мальчиками до 16 лет⁴³.

К сожалению, нам удалось обнаружить очень мало данных об исполнении этого предписания и дальнейшей судьбе проекта. Если смотреть по количественным характеристикам, то например, если в 1846 г. в приходе с. Егвинского (Иньвенский округ Соликамского уезда) количество исповедавшихся, но не причастившихся составляло 96 мужчин, 198 женщин; исповедавшихся и причастившихся 3 мужчины, 3 женщины. После введения в действие предписания, эти цифры резко возросли: в 1848 г. исповедавшихся, но не причастившихся было 215 мужчин, 456 женщин, исповедавшихся и причастившихся – 72 мужчины, 96 женщин; к 1849 г. это количество возросло уже до 389 мужчин, 791 женщины и 78 мужчин, 72 женщины. Таким образом, количество исполнивших христианский долг увеличилось по сравнению с 1846 г. в 44 раза⁴⁴.

В последней четверти XIX в. более охотно стали посещать свой храм Ошибские прихожане (Иньвенский округ Соликамского уезда). Если ранее «В праздничные и воскресные дни ошибки в храм ходили редко, разве есть лишь у кого заделье в селе: тогда по пути зайдет и в церковь... Даже в конце 70-х г.г. в некоторые средние праздники в церкви и одной души не бывало, как, например в 1 число августа и в день пятидесятницы, чтобы нести святые иконы на реку для водоосвящения, волостное начальство вынуждаемо было в самом селе оповещать народ для этого идти в церковь», то «ныне, [в 1889 г. – В.С.] ...в эти дни ежегодно для несения икон с избытком бывает народа не только из сел, но даже из дальних деревень. ... Большое стечения народа в церкви бывает в храмовые праздники, в день Крещения Господ-

ня, в День Входа Господня в Иерусалим, в неделю православия, в дни поминовения умерших, в Троицу и в Новый год. В день же Рождества Христова, или в день Вознесения Господня и в некоторые двенадцатые праздники работают и не считают их большими праздниками...». В то же время, исповедаться прихожане считали нужным, в большинстве своем только когда чувствовали какую-либо опасность для жизни и боялись умереть не исповеданными и подвергнутыми судебно-медицинскому осмотру, поэтому в положенное время у исповеди бывали преимущественно те, кто «подвержены периодическим или внезапным болезненным припадкам». При этом они всегда причащались, т. к. считали это необходимым обрядом после исповеди⁴⁵.

Ильинский благочинный в 1913 г. отмечал, что в приходах «не зараженных расколом»: Перемском, Слудском, Сретенском и других, – прихожане, особенно живущие вблизи храмов, охотно их посещали, по возможности, во все воскресные и праздничные дни. То же писал и соликамский благочинный: «усердие прихожан к частому посещению храмов Божиих в исполнении христианского долга, исповеди и святого причастия более проявляется в приходах исключительно православных» (например, в Карагайском)⁴⁶. По причине отдаленности от церкви прихожане мало посещали храмы Ильинский и Добрянский, но зато их «с усердием» наполняли близживущие прихожане во время торжков и базаров»⁴⁷.

Итак, характерной особенностью православных приходов Пермского имения Строгановых было то, что состояние нравственной и религиозной жизни прихожан в них находилось под контролем духовенства, которое действовало в области морального и духовного перевоспитания, но и Строгановых, которые использовали более жесткие методы и все возможности, как в пресечении, так и в наказании безнравственных проступков своих крепостных. Кроме законов Российской империи на территории имения действовал своеобразный «кодекс нравственности» – «Правила о предупреждении и пресечении распутства».

Сложное положение складывалось в имении с посещением прихожанами храмов и исполнением ими христианских обязанностей. При этом наибольший процент исповедавшихся и причастившихся отмечался в приходах II типа – подзаводских и приходах, «не зараженных расколом». Для улучшения существующего положения Строгановы предпринимали немалые усилия – было даже составлено «Общее положение о исполнении христианских обязанностей...» крепостными, которое частично (опять же для подзаводских приходов) было воплощено в жизнь.

Все эти меры были вызваны стремлением поставить под контроль официальной церкви и властей «непокорных» старообрядцев. Однако столь колоссальные усилия Строгановых и их администрации существенно не улучшили положение – большинство старообрядцев продолжало устойчиво придерживаться своих взглядов, а после принятия Манифеста 1905 г. о веротерпимости свободно стало исповедовать свою веру.

Немалых усилий требовало и приобщение к христианским нормам, правилам и тревам коми-пермяцкого населения, которое хотя и было крещеным и посещало храмы, в большинстве своем сути и значения многих православных канонов не понимало. В деле «просвещения» коми-пермяков большая забота ложилась на священноцерковнослужителей. Заинтересованность Строгановых в данном вопросе практически не прослеживается.

В этических представлениях прихожан как коми-пермяцких, так и чисто русских приходов, в основную канву православной веры были тесно вплетены финно-угорские и языческие воззрения. Что выражалось, например, в своеобразном политеизме православных коми-пермяков или суевериях, вере в знахарей, колдунов и т. п. языческие символы православных русских.

¹ Камкин А.В. Сельские православные приходы русского Севера (к изучению церковной истории и религиозности синодальной эпохи). // Религия и церковь в культурно-историческом развитии русского Севера (к 450-летию преподобного Трифона, вятского чудотворца): материалы межд. научн. конф. Т. 1. Киров, 1996. – стр. 244.

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3323.

³ Там же. – л. л. 13-18.

⁴ Вологдин А. Село Ильинское Пермского округа// Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. Пермь, 1926. – стр. 70.

⁵ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4616.- л. л. 136-142.

⁶ Там же. – л. л. 136-138 об.

⁷ Там же. – л. л. 138 об.-139.

⁸ Там же. – л. л. 140 об.-141.

⁹ Там же. – л. л. 139 об.-140 об.

¹⁰ Там же. – л. л. 141-142.

¹¹ Там же. – л. 140.

¹² РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1498.

¹³ Государственный архив Пермской области (далее – ГАПО). Ф. 198. Оп. 1. Д. 509.- л. 6.

¹⁴ ГАПО. Ф. 540. Оп. 1. Д. 52.- л. 5 об.

¹⁵ Камасинский Я. Около Камы. – М., 1905.

¹⁶ ГАПО. Ф. 540. Оп. 1. Д. 52.- л. 5 об. – 6.

¹⁷ Камасинский Я. Около Камы. М., 1905. Смирнов И. Н. Пермьяки. Казань, 1891.

¹⁸ «Пермские епархиальные ведомости». Пермь, 1889. – № 12. № 14.

¹⁹ Там же. № 12. – стр. 211.

²⁰ «Пермские епархиальные ведомости». Пермь, 1889. № 12. – стр. 212.

²¹ Вологдин И. Жизнь крепостных людей гр. Строгановых в Оханском уезде Пермской губернии // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1895.

- ²² Шишонко В. Пермская летопись. Период 5. Часть 2.-Пермь, 1887.- стр. 563; или Вологдин А. Село Ильинское Пермского округа // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2-й. Пермь, 1926.- стр. 69-70.
- ²³ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2392. – л. л. 83-83 об.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1056. – л. л. 1 об. – 2.
- ²⁵ Там же. – л. л. 6 – 9 об.
- ²⁶ Там же. – л. л. 6 об. – 7.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. – л. 8 об.
- ²⁹ «Пермские епархиальные ведомости». Пермь, 1889. – стр. 213 – 214.
- ³⁰ Там же. – л. л. 7 – 9 об.
- ³¹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1056. – л. л. 16 – 21.
- ³² Там же.
- ³³ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. – стр. 274.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1056. – л. л. 10.
- ³⁵ Там же. – л. л. 11 об. – 12.
- ³⁶ Там же. – л. л. 12 об. – 13.
- ³⁷ Там же. – л. л. 13 – 13 об.
- ³⁸ Там же. – л. л. 14 – 14 об.
- ³⁹ Там же. – л. л. 14 – 15 об.
- ⁴⁰ Там же. – л. л. 24 об. – 25.
- ⁴¹ Там же. – л. л. 25 – 26.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Ильинский районный краеведческий музей (далее – ИРКМ). 1965/86 осн. ф. – л. л. 110 – 110 об.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2392. л. 51.
- ⁴⁵ «Пермские епархиальные ведомости». Пермь, 1889. – стр. 213 – 215.
- ⁴⁶ ГАПО. Ф. 540. Оп. 1. Д. 52. – л. 19.
- ⁴⁷ ГАПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 509. – л. л. 6 – 6 об.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Дети

Женился я в 1856 г. в Москве на третий год службы при графе С.Г.Строганове на Екатерине Ивановне Яновой. Брак совершен 1-го октября в домово́й церкви. Благословляли меня сам граф и Стефанида Афанасьевна Фирсова, князь и княгиня Мещерские, дочь и зять графа.

Через 9 месяцев 3 дня, 3 июля 1857 г. родился первый ребенок, назвали Сергеем, в честь графа, приемниками были графиня Наталья Павловна и сын ее граф Николай Сергеевич. Умер 3 июня 1885 г. – 27 лет. Был женат 2 раза.

Второй ребенок – дочь София, родилась в Москве же 16 января 1859 г., приемниками были те же лица. Скончалась 15 марта 1870 г.

Третий ребенок – сын Константин, родился в Петербурге в августе 1860 г.; приемники те же лица. Умер 20 мая 1891 г. – 31 года. Был женат, детей не оставил.

Четвертый – дочь Наталья; родилась в Ильинске 27 марта 1862 г. Кончила курсы в Нижегородском институте с золотой медалью. Вышла замуж в Усолье за Плюснина Александра Ивановича 29 апреля 1881 г. – 19-ти лет.

У нее дети: Лев, род. 13 февраля 1882 г.

Зоя – 15 февраля 1883 г.

Борис – 22 февраля 1887 г.

Пятый – дочь Вера, родилась 13 сентября 1863 г. в Ильинске же. Замужем за Владимиром Феофемптовичем Кожевиным 21 августа 1888 г.

У них дети: Евгений – родился 16 декабря 1889 г.

Константин – 4 июля 1891 г.

Зинаида – 16 июня 1894.

Дмитрий – 4 марта 1898 г.

Николай – 10 марта 1900 г.

Шестой – Ольга, родилась в Ильинске же 8-го декабря 1867 г. За мужем за потомственным почетным гражданином Григорьем Афанасьевичем Тимоновым 9 июля 1889 г.

У них дети: Вера – родилась 12 апреля 1890 г. умерла 11 октября 1902 г. 12 л.

Мария – 6 апреля 1892 г.

Евгения – 14 марта 1894 г.

Маргарита – 17 января 1897 г.

Юрий-Георгий – 18 марта 1899 г.

Седьмой – Юлия – родилась в Усолье 25 февраля 1871 г. Вышла замуж за Александра Ивановича Субботина 17 июля 1895 г.

У них дети: Анатолий, родился 12 июля 1901 г.

Дмитрий – 6 марта 1907 г.

Сначала поведу речь о детях, потом о себе.

Серезжа

Родился, как сказано выше, в Москве 3 июля 1857 г. В с. Ильинское привезен из Петербурга четырех лет. Малыш был способный, понятливый. Начальной грамоте как его, так и всех детей, я обучал сам. В 1868 г. 20 августа Серезжа (11 лет) поступил в Пермскую гимназию, живя у Ф. Аф. Воронина. В 1872 г., бывши 15 лет, начал курить с сентября. От Воронина, к сожалению, пришлось перевести на квартиру маленького чиновника Алексеева, где его втянули в карточную игру, и в марте 1873 г. он проиграл данные ему на содержание 28 руб. и еще в долг 66 руб. 50 коп. Начал дурно вести себя. Гимназическое начальство до экзамена не допустило и пришлось взять из гимназии.

Летом 1872 г. Серезжу и Ташу увезли в Москву для помещения его в Земледельческую школу, а Ташу для ученья в частном пансионе. Оба жили у брата жены Н. Ив. Янова, а сами ездили в Петербург. Серезжа до Святков жил у дяди; после них поступил в школьный пансион, где попал в дурную среду и со второй половины 1874 г. поведением начал портиться. На Святках с дядей Яновым ездил в Петербург к брату, и дяде Серёжи Гаврилу Абрамовичу. В апреле 1876 г. получил от заведывающего в Москве воспитанниками графа г. Ощепкова сообщение о дурном поведении Серезжи и о возможности его исключения, а 15 августа получил уведомление его исключении из школы. С октября поступил в Добрянский завод к пудлинговым печам. С сентября 1877 г. работал учителем в Чердынском четырехклассном городском училище; с сентября 1878 г. (21 г.) в Усольском двухклассном общественном

мужском училище. 27 июля 1879 г. женился на усольской учительнице Анне Ивановне Ольгиевой, умершей от чахотки в июне 1882 г. на даче в Огурдине и похороненной в с. Орле при церкви. В том же году ноября 12-го Сережа вновь женился на Манефе Ст. Стражевой. С зимы 1883/84 г. поступил бухгалтером в контору общей заготовки дров для всех соляных промыслов. С мая 1884 заболел и уехал учиться в Казань, где 11-го февраля умерла и вторая его жена, а сам, больной, отправлен Ардашевыми в сопровождении особого человека на пароходе домой и 3-го июня умер 27 лет 11 месяцев. Похоронен в Орле же вместе с первой своей женой; из Усолья доставили в Орел гроб и всю похоронную процессию на двух лодках. Над могилой его поставлен чугунный памятник, а над могилой жены плита. Детей не осталось. На раннюю смерть повлияло раннее курение табаку и выпивка неумеренная. Если бы не это, мог бы быть счастливым человеком.

Костя

Костя родился тоже в Москве; из Петербурга привезен в Ильинск 10 месяцев. В августе 1871 г. поступил в пермскую гимназию с жизнью в пансионе. Со второй половины 1872 г. я взял его из гимназии, где у него терялось белье, и поместил вместе с Сережей у Алексеева. Во время каникул 1875 г. Костя во время шалости упал со скамейки в прачешной и во время падения попал в стекло окна, стекла вошли глубоко в ладонь руки, так что пришлось, чтобы вытащить их, его хлороформировать. Врач Колпаков с фельдшером Губановым с большими усилиями вытащили стекла и, вероятно, повредили один из двигательных мускулов, следствием чего явилось несгибание одного пальца.

В 1874 г. Костю возили в Москву для поступления в Московское Техническое училище, но не приняли по молодости (14 лет). В том же году в августе поместил в III классе Сарапульского реального училища с квартирою у Кожевиной. Осенью 1877 г. Костя, купаясь, простудился и заболел тифом до того серьезно, что по первому зимнему пути пришлось послать за ним из Усолья фельдшера А.П. Пепеляева, который и привез его домой. Поправился только к весне 1878 г., почему Косте пришлось пробыть в VI классе два года, и он кончил курс (все семь классов) в 1880 г., и в том же году я возил его в Петербург для поступления в Горный институт, куда он не попал, а поступил (20 лет) в Петровскую Лесную и Земледельческую Академию в Москве, где и кончил курс в 1884 г. по агрономическому отделу, а в 1885 г. сдал экзамены и по лесному отделу, с зачислением по Лесному корпусу с откомандированием в имение графа Строганова.

В 1881 г. Костя, уезжая из дома с каникул, сделал величайшую глупость – увез с собою из Усолья дочь фельдшера Чиркова, на которой и женился в Москве без нашего согласия. Женильбу его я долго не признавал. Жизнь вдвоем, конечно, потребовала больших расходов. Кроме получаемой от графа стипендии 300 руб., я давал ему от себя 150-200 руб. Живя скромно и умеючи, можно было жить на эту сумму и вдвоем; но Костя не умел или не хотел жить скромно и постоянно выпрашивал порядочные суммы, забывая, что у меня на руках большая семья – Вера в Петербурге, а Оля и Юля в Перми. В 1882 г. Костя приезжал на каникулы домой, вместе с женою, сыном Владимиром (родившемся 2 октября) и с нянькой. Сынишка в июне умер и похоронен в ограде кладбищенской церкви. По окончании курса осенью 1885 г. поступил лесным практикантом в Очерский завод. По прошествии положенных двух лет определен с 1-го октября 1889 г. окружным лесничим Кувинского округа. 20-го мая 1891 г. умер от простуды при поверке леса во время водополюя. Оставшейся жене я предоставил все имущество Кости на весьма значительную сумму. Жена его вышла замуж за простого промыслового работника.

Таша

Таша родилась в Ильинске 27 марта 1862 г. Очень способная девочка, с хорошею памятью; очень рано начала говорить и читать и по-русски и по-славянски по выученным наизусть молитвам. Летом 1873 г. Ташу (11 лет) вместе с Сережей увезли в Москву для ученья в частном пансионе с жизнью у брата жены Н.И. Янова, а затем отвезли в Петербург. До весны 1875 г. Таша вместе с Верой (она с 1874 г. учебного года училась вместе с Ташей) учились в Петропавловской немецкой школе, а с августа 1875 обе помещены в Нижегородский институт полными пансионерками с платою по 250 руб. в год. Таша принята в IV класс, а Вера в III. С этого года Женя ежегодно ездила в Нижний в мае за ними, а в августе с ними. Таша училась хорошо и легко; знает французский и немецкий языки; говорит и пишет на них. Зимой 1877/8 г. Таша заболела глазами; на каникулах поправилась было, а в институте снова заболела, и жена телеграммой 28 августа вызвала меня в Нижний. По приезде обращались к доктору Зиненко; он помог Таше и Вере от глухоты. Мы уехали из Нижнего домой в 20-х числах сентября. В 1879 г. Таша окончила курс всех восьми классов с золотою медалью; тогда же окончила курс дочь брата Николая Аврамовича, Анюта. Зимой 1879/80 г. Таша (17 лет) выказала себя дурно: упряма, своевольна, увлекалась учителем Шомпуровым; потом А.И. Плюсниным, за которого и вышла замуж 19 апреля 1881 г. почти против нашего жела-

ния. Замужняя жизнь ее до половины восьмидесятых годов была, по видимому, счастлива, потом начала расстраиваться, кажется, по вине мужа, вздумавшего развивать молодых девиц, сначала преподаванием им научных знаний, впрочем, о нем будет особое сказание. С конца восьмидесятых годов живя вместе, муж и жена предоставили, по обоюдному согласию, полную свободу жизни.

Вера

Родилась в Ильинске 13-го сентября 1863 г. В 1874 г. в августе увезли в Москву для совместного учения с Ташей в немецкой школе, живя у дяди. Перед Святками заболела скарлатиной, а с 6-го по 15 января болела ногами. С 1875 г. после каникул Веру вместе с Ташей поместили в Нижегородский институт, Веру 12 лет в III класс. Вера была весьма прилежна и старательна, но по случаю золотушного состояния, слышала плохо и потому училась неважно. Хотя слышала плохо, но сильно желала учиться музыке и брала уроки на рояле. Кончила курс в 1881 г. – 18 лет. До сентября 1882 г. жила немного дома, потом в Перми, занимаясь с сестрами Олей и Юлией. 15 сентября уехала в Петербург и поступила на Высшие Бестужевские женские курсы по математическому факультету и там брала уроки музыки у хорошей учительницы; музыкальных знаний приобрела настолько, что впоследствии могла преподавать своим детям. Вера болела тифом, и, только когда поместили в клинику, поправилась.

Кончила курс в 1886 г. и, побыв дома всего две недели, 24 октября уехала в Чердынь учительницей и заведывающей двухклассным женским училищем, куда она заранее была приглашена и где ее ждали с большим нетерпением. Прослужила только около двух лет; 21 августа 1888 г. вышла замуж за казенного лесничего Владимира Феопемптовича Кожевина (товарища Кости по Академии).

Муж Веры прекрасный человек во всех отношениях: как муж, как служащий, и как вообще человек. На жизнь их глядя, только можно радоваться, по крайней мере, до сих пор, т.е. до 1903 года: старшие два сына Евгений и Константин учатся хорошо в Елабужском реальном училище, особенно старший – переходит в следующие классы всегда с наградой. Вера всех детей своих подготавливает сама.

Мы с женой почти каждый год, летом, бываем у них со времени (1893) перемещения их в лесной поселок – Казаринов-Биклянское лесничества I разряда; тут же и низшая лесная школа, которой и заведует Владимир Феопемптович.* В поселке живет только лесная стража: сам лесничий, он же заведующий школой и преподаватель ученикам лесных законов, два помощника лесничего, они же и преподавате-

ли в школе; лесобъездчик, лесной кондуктор из учеников школы, писарь канцелярии с помощником. Все живут в казенных домах. Предполагается еще должность культурного надзирателя для постоянного наблюдения за лесными питомниками. Место лесного поселка прекрасное: возвышенное с покатостью к Каме, кажущейся очень близко, между тем, отстоит на 12-15 верст. Перед поселком поля, ближе к Каме, луга, за Камою Елабуга, впереди село Прости уже в долине; слева – село Соболеково и дача богачей Стахеевых с их дворцами и парком на берегу Камы, с пристанью для пароходов и «Св. Ключиком», освещаемыми электричеством; еще левее деревни и село. С боков поселка и сзади лес с древесными питомниками и посадками, посаженные деревца в некоторых из них выросли уже более двух сажен. Все это труды Владимира Феопемптовича, которыми по справедливости восхищаются разные начальники, со включением самого министра. Восхищаются лично, а относятся почти индифферентно к заслугам его.

Со времени выхода замуж (с 21 августа 1888 г.) израсходовано мною на нее и детей ее всего 452 руб. 43 коп., в течение 18 лет. – в год по 25 руб. 13 коп. В числе расходов заключаются пособия ей на лечение при поездках в Казань, помощь при переезде на место службы мужа, на поездку к нам по вызову нашему и на подарки детям со включением маленького музыкального инструмента.

Всего же по 1 апреля 1911 г. – 1388 руб. 35 коп.

Оля

Родилась в Ильинске 8-го декабря 1867 г. Первоначальной грамоте, как и прочих детей, учил я сам; в марте 1874 г. Оля (7 лет 3 месяцев) начала читать. Подготавливал к гимназии один из учителей усольского двухклассного училища, потом ее и Юлю приготавливал Сережа, и Оля поступила во II кл. пермской гимназии 12 лет 9 месяцев с жизнью у М.Л. Пермяковой, где жила и Санька Рогова-Чиркова. Оля курс не кончила, по случаю болезненного состояния вышла из VII класса. С осени 1881 г. (нового учебного года) нанята особая квартира в у. Полетаевой для Оли, Юли и бабушки с ведением особого хозяйства. Перевезли и рояль; музыке учила Л. Вал. Вольхина, но не научили, потому ли, что преподавательница плоха или мало упражнялись по неимению времени.

В 1885 г. вышла из гимназии (18 лет) и жила дома; в 1886 учебном году начала заниматься в двухклассном женском училище без жалования. В 1888 году познакомилась на танцевальных вечерах и на нашем катке, устраиваемом мною в саду при доме (против дома), с молодым служащим при солеваренном заводе графа Шувалова (ученым штейге-

ром Григорием Афанасьевичем Тимоновым), за которого в 1889-м г. вышла замуж. Свадьба праздновалась 9-го июля в каменном графском доме, так же и Веры. Расходы тоже были огромные. В 1895 г. октября 24-го Оля по настоянию Григория Афанасьевича выпросила себе рояль, стоящий 700 руб.

В первые годы женатой жизни Григорий Афанасьевич получал жалованье маленькое, потом с переходом на Березники, хотя увеличенное, но немного, и имел небольшую квартиру. И с рождением детей расходы стали расти и, потому, естественно, пришлось им помогать, а помощь состояла в том, что или бабушка с двумя, тремя детьми и нянькой, или сама Оля со всеми детьми и прислугой жили у нас; на что, т.е. на содержание их, включая и обыкновенные подарки детям, израсходовано в течение 16 л. 1854 руб. 13 коп., упадет на 1 год 116 руб.; в том числе заключаются и обычные подарки детям.

Теперь, сентябрь 1906 г., мы живем вместе с Олей в общей квартире, занимаем комнаты небольшие и платим ей 55 руб. в месяц за содержание с квартирою. Такую плату некоторые находят высокою. Оля из всех наших детей находилась и находится в лучших материальных условиях. Но нельзя похвалиться ее душевным спокойствием от неспокойного характера мужа. Он доставляет ей много лишних хлопот и нисколько не заботится уменьшить их и заменить ее где можно; напротив, еще часто свои дела поручает ей. Поэтому, особенно последние три года, когда она большую часть жила дома, он постоянно отрывал ее от нужного дела (от занятий с детьми или от работы для детей) часто для пустяков – подать что-нибудь или рассказать ей что-нибудь или даже посмотреть, как он забавляется с птичками или посылает её с поручениями то туда, то сюда; после чего Оля придет домой утомленной до изнеможения. Когда Григорий Афанасьевич был в отсутствии, Оля была более покойна, иногда даже жизнерадостна и находила время не только заниматься репетиторством детей, музыкой и Риточкой, а и исполняла массу шитья и всю починку для детей, даже успевала сама шить им платья; с приездом его занятия музыкой прекратились, работать почти не удается; репетиторство хотя и продолжается, но в ущерб спокойствию и к большому утомлению. Но никогда не жаловалась, для того чтобы не обращаться к врачам и избежать расходов на них и на лекарства, чтобы устранить в будущем упреков за большие расходы и за неумение экономить. Так ныне на пятой неделе В.Поста были бурные ветра, а она ходила подолгу за разными покупками для свбих и чужих детей. Вот тогда-то она, должно быть, окончательно простыла, и последовало воспаление левого легкого, а в субботу (7 число) на воскресенье почувствовала сильные боли. Затем, через четыре дня,

воспаление перешло на правое легкое, уже болевшее в 1905 г., и быстро поразило все. Через день, в субботу 14 числа, Оля умерла в 12,5 ч. дня.

Эта катастрофа страшно поразила всех нас, окружающих ее в момент смерти. Первая мысль у меня явилась, что лучше бы умер я, а не она. Говорят, роптать грех, но как не роптать на такую страшную несправедливость Судьбы. В момент смерти Юра закричал – «дайте мне ножик, я зарежусь», а Муся заявила желание отравиться; да и теперь мысль о самоубийстве ее не оставляет. Положение детей поистине трагическое, которое еще усугубляется тем, что отец в скором времени должен уехать на службу. Вся надежда, как говорят, на нас. Разумеется, я не брошу детей Оли, помогу им, сколько могу материально и морально, но ведь лета наши таковы, что надежды на нас не очень-то велики, особенно бабы Кати, она особенно плоха. Я не желал бы обвинять Григория Афанасьевича в преждевременной смерти Оли, но не могу не думать, что он не хотел или не умел беречь ее, не соразмерял ее физической силы со своими желаниями. При виде его настоящих страданий можно предполагать, что он чувствует страшную потерю, и не мудрено, что и сознает свое небрежение к Оле. Напрасно только он сваливал на Олю желание держать нахлебников; нам очень хорошо известны его требования; а раз он заявил какое-либо требование, оно для Оли становилось законом, и она строго исполняла его. (27 апреля 1907 г.)

После долгих страданий, которые, мало-помалу разрывали припавшие ее к земле путы, она освободилась от земного плена и ушла туда, где нет печали. На Олю и ее детей со времени ее замужества по 1 апреля 1911 г. издержано мною 2874 руб. 64 коп.

Юля

Юля родилась в Усолье 25 февраля 1871 г. Кончила курс гимназии в 1889 г. восемнадцати лет. Живя дома, служить учительницею не пожелала (на полях: «в 1893/4 г. жила в Перми у Таши, искала службу»). Старшая сестра – Таша – влияла на нее не особенно хорошо, увлекая на любительские спектакли и знакомя во время театральных репетиций с такими молодыми людьми, с которыми не следовало бы, приучала ее, как и она сама, к некоторому самовольству. Юля в 1893/4 г. увлекалась знакомством с музыкантом (дирижер клубного оркестра) Т-м, до того, что дала ему повод ухаживать за собой и просить ее руки. Т. сам бедняк, да и она ничего кроме тряпок не имеет. Я постарался убедить Юлю в безрассудности такого союза, она согласилась и отказала Т.

Зимой 1894/5 г. (23-24 лет) Юля снова увлеклась вновь приехавшим в Усолье фельдшером при больнице графа Строганова. Увлеклась настолько, что хотела даже тайно обвенчаться с ним. Сколько я ни противился, сколько ни убеждал, что жить семейно на получаемое Субботиным жалование (30 руб. в месяц) весьма трудно, что ей предстоит постоянные лишения и что ни она сама, ни мы Субботина не знаем хорошо, – ничего не помогло. Видимо, она прониклась убеждением, что не только на 30 руб. в месяц, а даже на 15 руб. можно жить. Такое убеждение составилось у нее, вероятно, под влиянием фраз и резонерства Субботина; как и оказалось впоследствии – Субботин увлекающийся человек и безрассудный фразер. В упорстве Юлю поддерживала Таша.

Видя страдание Юли от моего сопротивления, – я, наконец, согласился на ее брак, но без всяких церемоний, который и состоялся 17 июля 1895 г. После венца и легкой закуски в квартире Субботина при больнице они уехали на пароходе к его родителям в Кудымкор. Юля с мужем прожили в Усолье только 2 года, и в августе 1897 г. Субботин вследствие столкновения с врачом отказался от службы и поступил на особый пункт в Нижне-Кыштымский завод.

В течение двух лет женатой жизни Субботин накопил в Усолье долгов: Бабушкину более 100 руб. и Тарасову тоже более 100 руб., кажется, за взятый в кредит велосипед. Выбраться из Усоля, конечно, было не на что, и мне пришлось дать Субботину 95 руб. на переезд и на багаж по железной дороге. Это первое доказательство их умения жить на 15-30 руб. в месяц.

На новом месте Субботин сумел приобрести доверие заводского рабочего люда и у доктора был на хорошем счету, но и там прослужить пришлось недолго. И опять-таки по причине долгов частным лицам. Одно из таковых пожаловалось Управлению, управляющий на основании существующих там правил, положил резолюцию о немедленном увольнении Субботина, если он не заплатит немедленно долга. Хотя это уладилось, даже прибавили Субботину жалование на 5 руб., но так как кроме этого долга у Субботина еще были другие долги, то может случиться так, что его уволят тогда, когда нигде не будет свободной вакансии, а между тем, в то время как раз было место при земской больнице и в Кудымкоре, где живут его родители, которые, по словам Субботина, давно желают, чтоб он перебрался в Кудымкор, что они предоставят в его распоряжение один из своих домов, вообще окажут ему всяческую помощь, как в его перемещении, так и в жизни там. Выехать из Кыштыма не на что, да и должники не позволяли. При таких обстоятельствах я (как раз приехал к ним) должен был выручить

Субботина из тисков и дал ему заимообразно 100 руб. для расплаты с кредитором и на расходы по переезду. Это второе доказательство неумения Субботина жить на небольшие средства. По словам Субботина, как я выше сказал, родители его окажут ему всяческую помощь и что данные мною ему взаимобразно сто руб. он возвратит – присылкою хорошею лошадыю в 75-80 руб. и остальные овсом и др. припасами. При выдаче ему ста руб. я спросил Субботина, почему он не спросил у отца, он ответил, что помощь оттуда не может придти скоро. Ввиду таких уверений и обещаний, я не мог отказать, да и Юля с большою охотою согласилась переехать в Кудымкор, так как, гостя у его родителей в августе-сентябре, ей жилось там хорошо.

Субботин, служа в Кыштыме, в первые два года получал жалованья по 45 руб. в месяц, истрачивал на наем лошади, на квартиру и прислугу до 20 руб., оставалось на содержание 25 руб., а в последний год службы, при готовой квартире, 30 руб., да Юля получала каждый год от меня до 100 руб., и от бабушки до 70 руб., да службу свою в управлении по 12 руб., так что в общей сумме оба они получали от 470 до 614 руб. в год чистых, за исключением расходов на квартиру, лошадь и прислугу. На эту сумму вдвоем можно было бы жить безбедно, не накопляя долгов; но они ухитрились накопить долгов до 200 руб. Да хотя бы в одежде был, не говоря, избыток, по крайней мере, достаток, а и того нет, напротив, чувствовался постоянный недостаток, ибо в последний приезд их в Усолье в августе 1900 г. мне пришлось сделать ему осеннее пальто в 25 руб. и дать Юле 20 руб.; все уходило на содержание, на угощение гостей, на карты, водку и табак. Ведь что замечательно, что Субботин якобы сознает, что так жить не должно; жить так – значит жить на чужой счет; но сознание это, видимо, не искреннее, выражается только во фразах. Уехали из Кыштыма в начале февраля к нам в Усолье. Он уехал от нас в Кудымкор один, а за Юлей приехал 27-го, и 28-го уехали совсем. Юля находилась во второй половине беременности. На первое время они жили у родителей его.

Теперь надо сказать, что все, что Субботин обещал, что родители давно желают, чтоб он перебрался в Кудымкор, что жизнь там будет легка, приятна и вообще представит очень много материальных выгод, что отец получал жалованья 100 руб. в месяц, имея два дома, полевое хозяйство со скотом и птицей, окажет им всяческую помощь; что, хотя сын будет получать жалованья меньше, но его почти некуда будет тратить и будут выплачивать старые долги. Но что же оказалось? Родители не только не оказали Субботину помощи ни на одну копейку, а даже назначили квартирную плату за помещение в одном из их домов и потому пришлось для уплаты железной дороги за доставку багажа из

Кыштыма до Веретии и оттуда до Кудымкора взять из земской управы жалованье вперед за два месяца, а самим остаться без гроша. О возврате мне данных мною Субботину в Кыштыме 115 руб. нечего и думать. Да и самая жизнь с родителями Субботина оказалась далеко не сладка, и Юля сильно раскаивалась, что уехала от нас ранее, чем устроится отдельная квартира для них. Ясно, что Субботин, давая вышеозначенные обещания и уверения, сказал неправду. Не может быть, чтоб он не знал отношений своих родителей к нему. Зная это, для чего было обманывать и нас и свою жену, для чего было стремиться из Кыштыма? Было бы в тысячу раз лучше данные мною деньги употребить на уплату долгов и остаться в Кыштыме и твердо решиться не делать долгов. Новая неприятная неожиданность?

Сегодня – (17 апреля 1901 г.) Субботин приехал к нам в 5 ч. пополудни, едет в Соликамск для объяснений с управой; его уездный врач уволил от службы. Субботин представил дело так: что выставил себя защитником обиженных, а врача ненормальным человеком, несправедливо обижающим весь медицинский персонал, и что врач уволил его именно за защиту служащих. А между тем впоследствии выяснилось, из слов побывавшего у меня члена управы К.А. Железных, что врач уволил Субботина не за защиту служащих, а за непослушание – за отказ от дежурства в больнице. Субботин, сознавшись в этом, отказ свой от дежурства мотивировал тем, что он ожидал во время дежурства неминуемого столкновения с врачом и оскорблений от него. Такой мотив, предвидение будущего, могущего и не случиться, показывает скорее ненормальность самого, Субботина. Остается одно сказать: бедная Юля! Как она жестоко ошиблась в Субботине!

Субботин 20 числа уехал в Пермь искать место, Юля, конечно, переехала к нам в Усолье Юля, живя у нас, в июле 12 числа родила сына, названного Анатолием. Они прожили у нас до половины сентября и тогда уехали опять в Кыштым на то же место фельдшера в Нижний завод с жалованьем уже 50 руб. в месяц при готовой квартире с отоплением. Кроме ежемесячных выдач Юле, стоимости содержания ее с мужем и прислугою у нас в течение пяти месяцев пришлось и перевезти их в Кыштым на свой счет. Всего до переезда туда Субботин задолжал мне, всё займами и расходами на него лично, 334 руб. 83 коп., и с того времени по настоящее снова задолжал 206 руб., так что весь долг возрос до 540 руб. 83 коп., не считая в этих суммах стоимости купленного мною граммофона с пластинками и нашего содержания у них, которое оплачивалось нами особо.

Субботин получал жалованья, как я выше сказал, 50 руб. потом 55 руб. в месяц при готовой квартире с отоплением, но все жалованье

тотчас же расходовалось на уплату долгов, сделанных в течение месяца, даже не оставалось ничего для уплаты одной прислуге. Расходовалось же оно на водку, карты, табак, на угощение его гостей и, конечно, на пищевое довольствие семьи, которое, впрочем, только при нас было порядочное, а без нас, если бы не молочные продукты от купленной мною коровы, зачастую бы питались одним чаем с хлебом. Из получаемого жалованья Субботин ни на жену, ни на сына не расходует ни копейки, даже на свою одежду ничего не может уделять, а делать таковую на «заемные» у меня или у кого-либо. На Юлю с Толечкой, со времени второго приезда в Кыштым, с сентября 1901 г. по сентябрь 1906 г., в течение 5 лет я израсходовал 937 руб. 94 коп., почти по 200 руб. в год, а со времени выхода замуж в течение 11 лет по 85 руб. 30 коп. в год. Расходы шли на одежду, обувь, на поездки в Пермь к нам и к Вере, на ремонт зубов и др. Субботин, кроме задолжания мне в сентябре 1901 г. 206 руб., задолжал еще в Кыштыме разным лицам, как он сам говорил, более 300 руб. Ужас и ужас! Я бы, да и всякий благоразумный человек, не мог бы вынести такое положение. Такую безрассудную жизнь можно объяснить только грубейшим эгоизмом, безволием, нежеланием ограничить свои требования и привычкою жить на чужой счет. Вот тому доказательства: Субботин, живя в Усолье холостым 1-2 года, задолжал Тарасову более ста, чуть ли не 150 руб., потом, женившись, в течение 2-х лет, ко времени переезде в Кыштым, в сентябре 1897 г. задолжал мяснику Бабушкину до 120 руб., итого 270 руб., и мне 95 руб. – всего 365 руб. Живя в Кыштыме до января 1901 г., в течение 3-х лет, задолжал мне 239 руб. 38 коп.; с января 1901 г., приезжая из Кыштыма в Кудымкор и обратно в Кыштым, в августе 1902 г. задолжал мне еще 206 руб., всего мне по настоящее время 540 руб. 83 коп. Кроме сего, Бабушкину и Тарасовым 270 руб. и, наконец, задолжал в Кыштыме 325 руб., всего долга 1135 руб. 83 коп. С декабря 1906 г. по август 1907 г. приполнилось 85-40, всего 626-23.

Между тем, он старается убеждать себя, что долги его ужасно угнетают, и от этого он страдает морально и физически. Я бы поверил этому, если бы Субботин приложил хотя малейшее усилие улучшить свое положение, изменил бы свой образ жизни. Желая испытать его, я весною 1906 г. из Перми письменно предложил ему, что я готов помочь ему выйти из такого положения, готов заплатить все его кыштымские долги, но с тем, чтобы он радикально изменил свой образ жизни, в том числе изменил бы и отношения свои к жене и сыну – прилагал бы заботы об их спокойствии и благосостоянии. Но что же он ответил мне в нескольких письмах на мои письма? Ответил, что «в таком невыносимом положении не он один виноват, виновна и жена его и что одними

деньгами, уплатою его долгов, стирающихся до 325 руб. 76 не можем, что нужна моя помощь – повлиять на его жену «психически». Что он подразумевает под этим словом и в чем виновата пред ним его жена, я, сколько ни старался узнать от него, вызывая на откровенное объяснение, никак не мог добиться узнать, в чем он собственно обвиняет ее, кроме указания на один незначительный факт. Ясно, что он не имеет ничего сказать серьезного; да и мы, живя у них ежегодно по несколько месяцев, не могли увидеть или заметить ее виновности перед ним; напротив, его невыносимый, грубый, эгоистический характер почти постоянно выказывался.

Субботин, не имея ничего серьезного сказать против жены, высказывал только одни фразы. Не получив от него откровенного объяснения и обещания исполнить мои условия, я, конечно, не заплатил вполне его кыштымских долгов, но все-таки по просьбе Юли я послал ему в августе, живя у Веры, 50 руб. на уплату неотложных долгов и чтоб он мог выехать в отпуск для поправления здоровья и для посещения родителей в Кудымкоре. Вместо благодарности за присылку денег он позволил себе даже оскорбить меня. При возвращении от родителей оба Субботины прожили в Перми у Оли в наших комнатах, кажется дней 10-ть и в благодарность за свое пребывание [Субботин] выпросил у Григория Афанасьевича «взаймы» 15 руб. до первой получки. Эта получка, конечно, продлится бесконечно, как и прежние займы у Оли, во время прошлых приездов.

Август 1907 г. Субботин совсем рехнулся: в довершение всех своих безумств обзавелся еще любовницей на стороне. Его измена имела бы хотя какое-либо оправдание, если бы жена ему изменяла, была бы стара, некрасива, бездельница или тратила бы на себя из его средств много денег, или часто больна; ни одной из этих причин нет. Или, наконец, сам Субботин был бы здоров, силен, жена не может удовлетворять его или имеет большие средства, что может без ущерба для семьи и хозяйства тратить на свои прихоти; опять-таки ни одной из этих причин нет. Напротив, он часто болен (от излишнего употребления спиртных напитков), часто жена тратит даваемые ей лично деньги на его прихоти; мало того, он даже тратит на свои прихоти деньги ребенка, даваемые ему мною на одежду, обувь или в подарок. Одним словом, Субботин полный безумец. Этим объясняется его требование к жене с лета прошлого года уехать от него совсем. А в письмах ко мне уверял, что он жену уважает и отъезда ее не желает. Лжец и фразер!

На Юлю и ее мужа, со времени выхода ее замуж издержано мною собственно на нее:

По 1 мая 1908 г. 2435-43.

Выдано лично мужу 787-33232 руб. 46.

А по день ее смерти 11 января 1911 г. 1162-87.

На лечение и похороны 113-84.

Толку: за уроки 24 руб., на одежду и

учебные пособия 49-17 1325-88

4558-34

Повесть болезни и смерти Юли

(Умерла 11, похоронена 13 января 1911 г.)

Выписка из моего дневника

Не стало милого, дорогого Юльчика! Все мои мечты, все предположения смерть Юли разрушила вконец. Думал, что имел в Перми свой угол, домик, спокойно доживу с Юлей, и она уложит меня рядом с моей мамой-старушкой; но поторопилась сама занять мое место. Да, устроилась! Не будет таскаться по неудобным квартирам! Невыразимо тяжело сознавать свое сиротливое положение! Где и как устроится моя будущая жизнь, теперь еще не могу сказать. Толечка начинает привыкать к своему одиночеству; первые дни боялся заходить в столовую и в свою комнату. Спит в маленькой, запасной комнатке, рядом с моей; на полу спит кухарка. С 17-го числа начал ходить к учительнице. Уроки учит без напоминаний; вообще мальчик старательный.

Причины и ход болезни Юли таковы: Юличка с начала декабря стала чувствовать лихорадочное состояние. Я несколько раз предлагал пригласить врача, отказывалась, говоря, что пройдет, что она никогда не простужается. При отправлении на рынок за провизией, особенно в холодные дни, предлагал ей надевать пимы или, по крайней мере, мои валяные галоши, не надевала, повторяя, что она не простужается. Но в 4-х числах декабря, во время сильного холода на рынке, должно быть, все-таки простудилась и с того времени начала чувствовать лихорадочное состояние. Несмотря на это, не переставала ходить во всякую погоду со своими просьбами о месте; кроме того, еще пришлось много раз ходить к сестре мужа по поводу заказанного ей выходного, траурного платья; и путь к ней на другом конце города – до 4-х верст. Эта простуда, при ее истрепанных нервах, быстро ослабила ее, так что в 23-е число она уже кое-как дошла домой с Сибирской с покупками для елки; тогда я настоял пригласить врача, который и приехал утром 24-го. Исследовал Юлию, признал, что у нее инфлуэнца, при температуре 38,90, уложил в постель. Во второе посещение 26-го определил окончательно болезнь «брюшной тиф», велел постоянно лежать, подниматься и ворочаться с помощью сиделки, которая и должна неотлучно находиться при больной; но сиделки ни в Красном Кресте, ни в Алек-

сандровской больнице не достал, пришлось обходиться кухаркой и женой нашего дворника. Какое счастье, что они обе хорошие женщины – внимательные, заботливые, услужливые; особенно трудно досталось кухарке, находившейся при Юле днем и ночью. Приняты все противо-заразные и дезинфекционные меры. Ни лечебные, ни другие меры, как, например, держание льда на голове и в области сердца, температуру не понижали, дошло до 39,9о. Сиделку, сестру из Красного Креста достал только 6-го числа к вечеру. Очень внимательная и опытная.

Накануне вечером был сильный прилив жара к голове – лицо горело и было красно как кумач и сильное беспокойство. Мы страшно перепугались и думали, что Юля не доживет до утра. Утром, в Крещенье, приняла священника, исповедалась и причастилась. Жар спал до того, что поинтересовалась узнать, сколько я заплатил священнику. 7-го Юля чувствовала себя бодрою, вообще очень хорошо выглядела, температура понизилась до 38,2°. Мы все обрадовались, думая, что был кризис, перелом болезни и пошла на поправку. Но ночью на 8-е и 8-го опять сделалось хуже, и вечером, ночью опять повторился прилив жара к голове. 9-го весь день сильно металась головой, желая так спустить голову на пол, где холоднее, к вечеру потеряла сознание, смотря широко открытыми глазами на сиделку и переводя на других приближавшихся к ней. Так прошло все 10-е, ночь и утро 11-го; с 12-го часа дня начала трудно дышать и в 2 ч. 15 м. тихо скончалась. Как ужасно тяжело было смотреть на ее прекрасное исхудалое лицо!

После первого прилива жара к голове, накануне Крещенья, Юля начала терять память и соображение; до этого времени на все вопросы доктора что и где болит, всегда отвечала «ничего нигде не болит». После второго прилива жара, ночью на 9-е число потеряла сознание и лишилась речи. Ясно, что эти два прилива жара к головному мозгу окончательно парализовали нервный центр, который и прекратил деятельность сердца. Простуда приняла такие грозные размеры еще и потому, что Юля физически и нравственно переутомилась. Неудачи прискания службы, соединенные иногда с унижением, страшно ее угнетали. Стремление Юли найти место было против моего желания. Я писал ей еще в Кыштым и говорил здесь, что ей следует отдохнуть, пожить спокойно хоть год; но, видя ее сильное желание найти службу, я не стал настаивать. Службою своею, понятно, она желала уменьшить мои затраты на нее и дать мне возможность по-прежнему помогать в воспитании других внучат. Говорят, от судьбы не уйдешь, значит, что случилось, должно было случиться. Но все-таки меня не покидает

мысль и сознание, что при других условиях – могло и не случиться этого.

Семейная хроника И.А. Рогова

Из родословной и жизни отца: отец переехал из С. Капилина в с. Ильинское в 1836 г.; я был 4-х лет.

Сестра Анна выдана замуж 5-го ноября 1827 г. – 18 лет (род. в 1819 г.)

Брат Гаврила приезжал из Перми в Ильинское лечиться от дурной болезни в 1839 г., бывши 18 ½ (род. в 1820 г.).

Дядя Александр Иванович Рогов приехал из Перми в Ильинское, умер в мае 1840 г. – 46 лет.

Братья Николай и Яков отправлены в С.-Петербургскую школу в августе 1841 г.

Брат Гаврила сдан в солдаты в 1843 г.

В детские годы, до школьного возраста, я припоминаю некоторые эпизоды из своей жизни. Помню, бывши пяти лет, старшую сестру Анну невестою. Помню посещение жениха ее, В.Ф.Гилева, помню, как во время вечерних его посещений были разные игры с невестою и ее подругами, как девушки подшучивали над ним, нашивая на верхнюю одежду его лоскутки ситца и др., прикалывали к его сюртуку бумажки и др. Помню поднятие старого дома вагами, как он качался со всем в нем находящимся, помню сделанную к нему пристройку и проделанную из избы через кухню переход в ту пристройку; в ней стали помещаться мать отца Татьяна Ефимовна с второю сестрою нашею Татьяною. Помню, бывши семи лет, лечение приехавшего из Перми старшего брата Гаврила (в 1839 г.), болевшего дурною болезнию в возрасте 18½. Помню (8 лет) смерть дяди Александра в мае 1840 г. и отправку братьев Николая и Якова в августе 1841 г. в С.-Петербургскую Горнозаводскую и Лесную школу. Помню, я довольно часто провожал сестру Татьяну в дом управляющего В.А.Вологова к его жене для занятий рукодельем и вечером приходил за ней. Управительша прославилась своим энергичным характером и вмешательством в служебные дела мужа; за что в 1846 г. владелец имения, бывшего в Ильинском, сделал замечание самому управителю В.А.Вологову.

Затем очень памятен пожар 1842 г. июля 22-го, в который выгорело почти все село Ильинское, в том числе и наш дом и почти все наше имущество. Пожар начался хотя далеко от нашего дома за 300-400 сажень у реки, но бывший тогда сильный ветер (сначала северный, потом северо-восточный), перебрасывал горящие головни и берест на далекое расстояние, отчего наш дом загорелся очень скоро после первого загоревшегося дома, отчего наше имущество, хотя и было в

большей части вынесено на двор и на улицу, но там и сгорело, а между тем хозяева промежуточных домов (дома которых загорелись значительно позднее) почти все свое имущество успели спасти. Во время пожара мне исполнилось только 10 лет, а брату Александру 8½ и сестре Татьяне 18½ лет. Силы наши были ничтожны, поэтому, вытаскивая имущество, часто не под силу тяжелое, мы до того измучились, что вечером руки наши распухли и пальцы не сгибались. В это время, вероятно, образовалась у меня паховая грыжа. Имущество сестры (приготовленное приданое), хранившееся в сундуке и в углах, выбрасывали прямо из окна на улицу, и спасать его помогали поклонники сестры – молодежь – служащие в Ильинском правлении (по-тогдашнему приказные) Гр. Ник. Таскаев, Ив. Ив. Мохнаткин, Як. Ив. Дружинин и др.

Во время пожара отца не было дома, он был на Макарьевской ярмарке (ныне Нижегородской) для продажи железа, полученного с Всевожского заводууправления за поставленный на их заводы провиант. В том же 1842 г. выгорели Пермь, Казань, Усолье и многие другие города и села. Лета было жаркое. Жители Ильинска, спасаясь от пожара, выбрались на гору, к кладбищу, там и ночевали под открытым небом. Бабушку Татьяну Ефимовну мы было потеряли, думали, что она сгорела, оказалась – она доплелась кое-как со своим самоварчиком на ближнюю мукомольную мельницу к хорошему знакомому отца и родственнику – мельнику Данилу Гр. Голубеву, а оттуда увезли ее в с. Средне-Егвинское (за 16 верст) ко второму сыну ее, нашему дяде Ефиму Ивановичу Рогову, тоже мельнику. Нас на другой день приютил крестьянин Кузнецов, отец в Макарьевской ярмарке продал железо в убыток, одним словом, мы разорились.

После пожара отец, по приглашению старшего зятя своего Гилева, зимою 1842/3 г. переехал со всеми нами в Билимбаевский завод, где надеялся найти какое-либо торговое или промышленное дело, чтобы приобретать средства к жизни, но переезд наш туда был крайне неудачен. Неудачен он был тем, во-первых, что отец уезжал из Ильинска вместе с Николаем Григорьевичем Агеевым (в скором времени женившимся на сестре Татьяне). Получил из Ильинского правления для передачи в Билимбаевское правление большую приму денег (кажется, 40 тыс. руб. ассигнациями) в запечатанном пакете, при пересчете которых в Билимбаевском правлении не хватило 500 руб., хотя печати на пакете были целы. Эту сумму и пришлось ему заплатить, по общему убеждению, несправедливо, так как запечатывал деньги в Ильинске кассир Яков Шехурдин, пакет в Билимбаеве получен неповрежденным, ясно, что деньгами воспользовался он, Шехурдин, но он остался в стороне, вероятно, потому, что он был брат члена Ильинского прав-

ления Ивана Федоровича Шехурдина, да и это было в крепостное время. Во вторых, переездка наша была неудачна тем, что отец никакого дела там для себя не нашел. Поэтому отец решил снова перебраться в Ильинск, как место промышленное и торговое, и где он мог пользоваться кредитом своих знакомых, куда действительно и перебрались весной 1843 г., сплывя по реке Чусовой на чугунном караване (барки с чугуном), следовавшем до Добрянского завода.

Плавание по Чусовой было весьма памятно. Известно, что река Чусовая извилистая, очень быстрая, берега ее усеяны каменными скалами, выдающимися в русло реки; некоторые камни нависли над рекою, и приходится плыть под такими нависшими камнями. Плавание в то время было весьма опасное, многие барки разбивались, люди и груз тонули. Глядя во время плава вперед, видишь, что барка несется с страшною быстротою прямо на камень, вроде «разбойника», «бойца», «шило» и др., приблизясь к камню, не успеешь мигнуть или открыть закрывшиеся от страха глаза, как камень уже позади, а впереди видится уже другой, столь же опасный. В начале 40-х годов барки сплавляли без лотов, и у редкого камня были устроены предохранительные заплавывающие защиты. Во время приближения барки по камням и во время прихватки барок на берегу на ночлег труд рабочих делается в высшей степени напряженным: в первом случае, надо приложить все силы, чтобы отгрести барку от камня, не дать ей удариться об него; во-вторых, – надо успеть проплыть в лодке со снастью к берегу, выскочить на него, ухватиться за ближайшее дерево, случается, что от быстрого трения снасти, завернутой за дерево, оно загоралось или вырывалось с корнем, и тогда снова повторяется та же работа. Надо большую ловкость и силу, чтоб при страшной быстроте плава успеть обернуть снасть вокруг дерева, удержать ее, травя или спуская ее понемногу, уменьшать ход барки и наконец остановить ее; также случается, что снасть обрывается, ушибает рабочих – и работа начинается снова. После благополучной остановки все молятся Богу, и тотчас начинается приготовление горячей пищи, разводя огонь на берегу, во время же дня рабочие едят сухую пищу урывками. Насытившись и в то же время отдохнув, рабочие затевают песни, играют на гармонике и пляшут.

По возвращении в Ильинск отец с помощью добрых людей стал заниматься прежним делом – скупкою разного рода хлеба и доставкой его на разные заводы, преимущественно Всеволожских. Тотчас по приезде отец приступил к постройке своего жилища – небольшого домика около рынка, в постройке которого и я помогал, стругая с отцом или матерью доски на кровлю.

В Билимбаевском заводе хотя мы жили одну зиму, а все-таки ходили (я и брат Александр 9 лет) в школу; законоучителем в то время был отец Григорий, внушавший своею сановитостью невольное почтение. В свободное время по вечерам мы ходили в завод на доменный двор смотреть на выплавляемый из доменной печи чугун; особенно нас интересовал выход расплавленной массы из отверстия горна, течение его по бороздам, отбрасывая по временам ярко-красные шары.

Однажды мы подошли очень близко к текущему струею чугуна, как вдруг я почувствовал боль на шее, на груди и по всему телу. Я, конечно, закричал, выбежал на двор и с криком пустился бежать домой. Дома меня раздели, и оказалось, что крошечный кусочек чугуна попал мне за воротник рубашки и прошел до самой подошвы ноги, оставив красную полосу от ожога один раз, для нашей потехи, один из мастеров голою рукою разбрасывал по всему доменному двору расплавленный чугун, выливаемый из ковша в форму, образуя этим множество разноцветных искр и звездочек. Мы также любили часто ходить в омшеник, где находилась воздуходувная машина с огромными стоячими деревянными цилиндрами (до 6 четвертей в диаметре) с качающимися в них поршневыми крышками; на эти крышки мы садились и качались, то опускаясь, то поднимаясь.

В эту же зиму, после Святков, сестра Татьяна выдана замуж за лесного практиканта Н.Г. Агеева, того самого, который вместе с отцом вез из Ильинска несчастный пакет с 40 тыс. руб. и который впоследствии сделался известным своею развратною жизнью, истязанием жены, отчего она и умерла в 1861 г. в Усолье; а вторая жена ушла от него за невозможностию жить с ним. Агеев, бесспорно, был человек умный, с быстрым соображением, но не разумный. Он, по одному случаю, прославился человеком в высшей степени бескорыстным; но мне известно несколько фактов, говорящих сильно против такого мнения. Очень дурно рекомендует его нравственную сторону распушенный им слух о том, что он женился первым браком уже на нечестной девушке; но это чистейший вздор, и он распустил этот слух для того, чтоб оправдать свою развратную жизнь.

В школу (двухклассное училище) в Ильинске я начал ходить 8 лет. И, должно быть, учился хорошо, потому что получал награды и переходил ежегодно в следующее отделение и все пять отделений прошел в пять лет, окончил курс 13 лет в 1845 году.

Во время ученья (бывши 11-12 лет) были еще такие случаи: однажды в торговый день, когда для закупки хлеба требуется много мелких денег, отец послал меня наскоро разменять деньги. Это было весною, снег уже стаял, но под навозом остался еще ледяной череп. А как я

должен был спешить, то почти бежал, а бежавши, поскользнулся и упал в грязь; бывший на мне по случаю праздника новенький казинетовый сюртучок весь выпачкался в навозе. Мне до того было жаль своего сюртучка, что я залился горькими слезами и долго не мог утешиться. А вот еще случай, довольно курьезный: но мог кончиться для меня весьма печально. Бывши приблизительно в те же годы, под осень, отец послал меня разменять крупные кредитные билеты на мелкие, положив их в небольшой холщевый мешочек. Возвращаясь в разменянными деньгами, понадобилось мне остановиться для большой нужды, присев у забора; место это, как теперь, перед глазами. Освободившись, тотчас побежал домой, забыв мешочек с деньгами на месте остановки. Об оставленном мешочке я вспомнил, когда уже зашел в дом, и тотчас бросился обратно. К счастью, было темно, и мешочек оказался на месте остановки.

Пред окончанием курса, вместе с двумя товарищами – Ф.Н. Пишалкиным и А.Як. Власовым – был назначен к отправке в С.-Петербург в Горнозаводскую и Лесную школу, где уже учились старшие братья Николай и Яков. Но со смертью владелицы имения графини Софьи Владимировны Строгановой (в марте 1845 г.) супруг новой владелицы, полновластный распорядитель граф Сергей Григорьевич Строганов, школу закрыл, потому что она дорого стоила. По окончании курса в Ильинской школе правление намерено было отправить меня как лучшего ученика в г. Пермь в уездное училище, но отец оставил меня дома для помощи ему в торговле; но правление все-таки определило меня в канцелярию.

Закрытие С.-Петербургской школы вначале не особенно меня огорчило, но с возвращением в 1845 г. из С.-Петербургской школы брата Якова, кончившего курс по горнозаводскому отделению, слушал его рассказы об учении, о его знаниях, о развлечениях в С.-Петербурге, которые по временам им доставлял старший брат Гаврила, об улицах, зданиях, театрах и проч. Чувствуя его громадное превосходство в умственном и физическом отношении, – я проникся страшным желанием еще учиться, и тогда-то я почувствовал всю глубину лишения от закрытия С.-Петербургской школы. Видя невозможность дальнейшего школьного образования, я решил приложить все свои силы приобретать знания посредством чтения книг, для чего и послужила имевшаяся при Ильинском правлении библиотека, пополнявшаяся ежегодно на подписные деньги служащими с пособием от правления. В числе книг библиотеки были все русские классики, значительная часть иностранных, масса исторических, например, «История» Карамзина, «Всемирная история» Беккера, «История войны 12-го года» и др., много исто-

рических романов и хроник; романы Шекспира, Диккенса, Теккерея, Вальтер-Скотта, А. Дюма, Ж. Занд, Стколь, Евг. Сю и др. Много описаний путешествий и проч. В течение службы своей в канцелярии правления (1846-1852 г. включительно), я, разумеется, перечитал всю библиотеку. Увлекаясь чтением и делая выписки замечательных мыслей, я часто просиживал за книгою до утра. Хотя я поглощал все почти без разбора, все-таки чтение имело для меня большое образовательное значение и делало меня лучше внутренне и наружно, – отчего между сверстниками своими я был выдающимся молодым человеком, и с 16-ти лет молодые девушки отличали меня более других, особенно на вечеринках. Знаменитая же управительница Анна Максимовна начала приглашать меня на свои вечера для танцев.

С закрытием С.-Петербургской школы я хотя лишился возможности попасть в С.-Петербург для учения, но не терял надежд побывать в нем и постоянно мечтал об этом. Мечты мои, как будет видно ниже, неожиданно осуществились.

Выдаваясь из среды учеников по ученью, я славился еще каллиграфическим письмом и умением чинить перья (тогда писали еще гусиными перьями); поэтому в большую перемену почти все ученики второго класса окружали меня, и я должен был чинить им перья. Даже по выходе из школы я по просьбе учеников приходил в училище для этого. Однажды вышел такой случай. По приходе в школу меня обступил почти весь класс и своею назойливостью, вероятно, мне порядочно надоели. В этот момент я оттолкнул кого-то от себя, а оттолкнутый ученик уперся рукою на голову сидящего ученика (Аф. Ципилина, племянника члена Главного управления В.А.Власова) и державшего ножичек и перо перед собою. Голова Ципилина от давления упершегося ученика наклонилась на ножичек, которым и разрезал нижнюю губу. После этого случая я уже не приходил в школу, а в правлении от начальников получил строгий выговор.

Поступив в канцелярию правления, я сразу попал на хороший счет как бойко, чисто и правильно пишущий, и мне назначили жалованье по 1 руб. 50 коп. в месяц, что тогда считалось очень высоким окладом для начинающего мальчика. Живя с родителями и не тратясь на пищу, я все свое жалованье сберегал; вообще я был очень бережливый мальчик. Увеличению сбережений немало способствовала получаемая плата (3-5 коп.) за написание доношений крепостным крестьянам на получение по ним из уездного казначейства паспортов для отлучки из места жительства на заработки. Таких доношений, особенно во время весны, бывало чрезвычайно много, и из выручки на мою долю иногда приходилось до 1 руб. в день. Сбережения свои я употреблял на улуч-

шение своей одежды; и действительно, между своими сверстниками я отличался лучшею одеждою и большим вкусом, хотя и были дети богатых отцов.

В 1851-м г. (бывши 19 лет) главноуправляющий имением П.А. Волегов, отправляясь в июне на Сергинские минеральные воды для лечения, с тем, чтоб по окончании курса лечения приехать в Билимбаевский завод для обычного обзора, взял меня с собой в качестве письмоводителя, что было весьма кстати, так как мне тоже необходимо было полечиться от золотушного состояния. Пользовались водами (пили воду и брали ванны) в течение шести недель. В одно время с нами был на водах ильинский коммерсант Еп. В. Поносов с семейством. Близ источника был особый дом, и в нем зал и буфет; от зала вела довольно длинная крытая галерея к источнику, по которой прогуливались пьющие воду из самого источника. В вечернее время играл оркестр музыки и собралось в зале и на галерее довольно много публики, особенно в дурную погоду, когда нельзя гулять на открытом воздухе. В течение сезона не один раз посещал воды начальник Урала известный генерал Владимир Андреевич Глинка, весьма внушительная особа; с ним наезжало много чиновников и управляющие ближних заводов. В хорошую погоду все здоровые и большая часть лечащихся уходили гулять, самая местность располагала к тому. За источником начинались довольно высокие скалы, прорезанные оврагами и покрытые лесом, перед источником довольно обширная долина лугов, посреди которой протекает речка; в недалеком расстоянии Уфалейский завод, который ради прогулки довольно часто посещал. Свободное время я употреблял на чтение, писание дневника и писем и на прогулки.

Во время пребывания на водах был страшный ливень, отчего протекающая речка вышла из берегов, затопила долину, снесла мостики, прервала сообщение источника с домами пациентов; был сильный пожар в заводе, и произошло первое курение мною табаку, впрочем вынужденное. Дело в том, что близ нашего дома было сырое место с небольшим леском; вследствие такого соседства в нашем жилище была масса комаров, не дававших покоя ни днем, ни ночью, и я был страшно искусан. Управительша, жалая меня и желая избавить меня от комаров, дала мне сигару и посоветовала курить. Курение сигары в самом же начале подействовало на меня опьяняющим образом с головокружением и тошнотою, отчего курение я оставил и не пытался возобновлять его, предпочитая кусание комаров.

В конце июля уехали с вод в Билимбаевский завод, где и остановились у управляющего П.С. Шарина. Меня поместили в особом флигеле, в одной половине которого находилась хозяйственная кладовая, а

другую половину предоставили в мое распоряжение. По приезде в Билимбай я тотчас же познакомился с молодым служащим Ив. Алек. Дьяконовым и сestroю его Алесанд. Алекс., впоследствии вышедшей замуж за брата Якова. Алек. Александр. мне очень понравилась, хотя красотой лица не отличалась, но привлекала приветливостью и разговорчивостью, при том немного пела и играла на гитаре. Проводя время в этой семье приятно, я почти каждый день бывал у них.

Живя с родителями в Ильинске, я по окончании курса в школе стал в свободное от служебных занятий время помогать отцу в его торговых операциях. Они состояли в следующем: отец в числе многих других в базарные, торговые дни скупал привезенный на рынок крестьянами производителями разного рода хлеб, преимущественно муку ржаную, рожь и овес и по зимнему пути отправлял чрез особо нанятых возчиков в соседние заводы и соляные промыслы, предварительно условившись с заводоуправлениями в цене за сдаваемый провиант. Скупка хлеба начиналась с осени и продолжалась всю зиму до распутицы, а также и отправка его на заводы.

Помощь моя отцу состояла в том, что в первое время, когда я плохо считал на счетах, только записывал имена продавцов, количество сданного ими по весу хлеба и цену, а вечером, по окончании приема, практиковался в подсчитывании всего принятого за день хлеба и суммы выданной за него; но скоро научился безошибочно рассчитывать на счетах и суммы, следующие продавцам по сданной цене; тогда (с 15 лет) отец стал доверять мне и расчета продавцов деньгами. Прием хлеба начинался с раннего утра, даже с огнем, потому отец будил и меня очень рано и тотчас отправлял вместе с весовщиками к амбару, а сам отправлялся на рынок для определения цены и приглашения продавцов хлеба. Ильинское было издавна село торговое и промышленное, и скупщиков хлеба и других крестьянских произведений было довольно много, и каждому хотелось купить возможно больше, а потому, вследствие конкуренции между собою цены на хлеб не могли упасть низко. Прием у отца был безобидный, потому к нему продавцы ехали охотнее, отчего случалось нередко, что в один день принималось до 3-х т. пуд и более. Особенно мне тяжело было зимою в морозные дни (а тогда морозы были сильные и продолжительные). Бывало, записываем веса и рассчитываем продавцов до того, что руки и ноги совсем окоченеют и откажутся служить, это тем скорее достигалось, что в то время (1846-1853 г.) бумажных денег было мало, а больше золото, серебро и медь. Тогда на четверть часа убегаем домой, чтоб обогреться наружно и выпить теплой браги для согревания желудка. Постоянное морожение рук и ног имело последствием то, что руки, ноги начали сильно

потеть. Кроме сего, я помогал отцу и в отпуске хлеба возчикам, отвозившим его в заводы. В этом случае записывались подробно имена, места жительства, вес сданного каждому и давалась точная накладная.

Отец, видя мою подготовленность к делу, вздумал командировать меня в Нижегородскую ярмарку для продажи накопленного зимою овса, для чего и выпросил у моего начальства отпуск. В исполнение сего отец весною 1852 г. (19½ лет) снарядил плоскодонное судно (барку), нагрузил овсом и отправил меня на нем сплавом до Усть-Камы с лоцманом, водоливом и нужным числом рабочих. В г. Осе должен был принять и погрузить несколько тысяч пудов мочала в догрузку к овсу. Отец провожал меня на судно до с. Слудки, откуда отправился 2-го числа июня утром, приплыв в Пермь 4-го числа, где, выправив в судоводной конторе нужные документы, отправился далее. В Осе была остановка на два дня для погрузки мочала. До Челнова плав был благополучный, а тут, пониже на 8 верст, по ошибке лоцмана, барка наша села на мель, пришлось для облегчения суда часть мочала (до 2-х т. пуд) выгрузить на берег, на что израсходовано 50 руб., да простояли два дня. На Устье-Камы приплыли 24-го июня, пробыв в пути три недели. В тот же с водоливом ездил в с. Богородское в баню. 25-го июня сдал барку под коноводную машину князя Голицына для доставки в Нижний Новгород, куда прибыли только 8-го августа. Таким образом, путь от Устья-Камы до Нижнего продолжался 40 дней, тот путь, который теперь грузовые пароходы проходят неделю; а весь путь от Слудки 65 дней. Это ужасно.

Путь до Устья-Камы в три недели был не особенно скучен, потому что барка двигалась быстрее и на ней были люди-рабочие, постоянное движение и говор, а со времени подчалиния барки под коноводную машину рабочих на ней (барке) и на всех подчаленных судах (всех до 10-ти суд.) не стало, осталось по одному водоливу, рабочие были только на машине, отчего настала страшная скука. Хотя мною и были взяты с собою книги для чтения (между прочими была взята «Всемирная история» Беккера), но медленный (по 11 верст в день) ход каравана нагонял сильную скуку. От безделья довольно часто с помощником караванного Третьяковым я съезжал на берег для охоты; также съезжали в Казань для поклонения чудотворной иконе Казанской Божией Матери и для осмотра города. Во время плава по Каме при проплывании села Николы Березовского я сходил с судна для посещения в том селе чудотворной иконы Николая Чудотворца.

Порученная мне торговая операция сошла неудачно; овес продал без барыша, мочало с ничтожным барышом. В Нижнем прожил почти полтора месяца – до 10-го сентября; во время пребывания в Нижнем по

поручению отца купил в приклад для Ильинской церкви серебряный напестольный крест в 150 руб. и для строящегося дома скобяного товара, сахара, чая и десерта, всего на 350 руб. Брат Гаврило, узнав, что я в Нижнем, стал просить меня приехать к нему в Петербург; он тогда служил уже в штабе военно-учебных заведений и был на хорошем счету и кроме того управлял домом бывшей Горнозаводской школы, имея в том же здании квартиру.

Это приглашение совпало и с моим желанием побывать в Петербурге. Испросив разрешение отца, я 11-го сентября отправился в почтовом брике (тогда железной дороге еще не было) в Москву, а оттуда уже по Николаевской железной дороге в Петербург. Боже! С каким удовольствием я совершил это путешествие! При отправке в Петербург со мною случился казус. Взяв билет на товаро-пассажирский поезд, шедший двое суток и спросив о времени отхода поезда, я, сдав свой багаж, пошел осматривать все устройства, как не виданные мною. Придя на вокзал к назначенному часу, меня увидал тот же носильщик, который сдавал мой багаж, удивившись, сказал мне, что мой поезд уже ушел, что я, вероятно ослышался о времени отхода поезда. Я, конечно, страшно перепугался, думал, что мне придется брать новый билет вплоть до Петербурга, но он утешил меня, сказав, что через час идет почтово-пассажирский поезд, который обгоняет на такой-то станции ушедший товаро-пассажирский поезд, до этой-то станции и следует взять новый билет, а по приходе туда пересесть на свой поезд. Я так и сделал. Проезжая Москвою и видя ее обширность, громадность домов, массу садов и церквей, сильное движение на улицах, шум от езды по мостовой, говора людей и носильщиков, – я был поражен и оглушен. Приехав в Петербург, я был еще более поражен, тем более, что от вокзала на Васильевский остров мне пришлось ехать по самым оживленным улицам – Невский проспект, Большой Морской, Английской набережной и чрез Неву по Николаевскому мосту. Прибыл в Петербург 15-го сентября, прогостил у брата 10 дней. Во время пребывания своего я, осмотрев дворцы, Эрмитаж и другие достопримечательные учреждения и памятники, отправился обратно. Живя в Ильинске, я по платью считался щеголем, а в Петербурге брат нашел мое платье совсем устаревшим и сговорил меня сшить новое платье, на устройство какого-то и дал займы сорок руб., так как своих денег у меня хватало только на обратный проезд.

Пребывание у брата мне доставило величайшее удовольствие, жена его Елена Алексеевна мне очень понравилась своею хозяйственною домовитостью и ласковым общением, старший сын Николай 2-х лет,

славный, бойкий мальчик, хотя говорил еще не все чисто, а второй – Александр, полугодовой.

В Нижний приехал 1-го октября и только-только что успел попасть на последний отходивший товаро-пассажирский пароход «Орел» с баржей. О возвращении в Нижний и о том, что я сел на пароход «Орел», я сообщил родителям письмом из Нижнего, которое они и получили своевременно, а по получении стали ждать меня домой. Пароход наш «Орел» летел не по-орлиному, а шел по-черепашьему и, дойдя до Елабуги, встретил лед и принужден был остановиться в ожидании оттепели для дальнейшего хода, но, к нашему несчастью, оттепели не последовало, и мне с другими пассажирами, едущими в Пермь, пришлось зазимовать и, вследствие холода на пароходе (тогда отопления не было), выбраться на берег в ближайшую деревушку до зимнего пути. Этой остановкою я поставлен в крайне неприятное положение: оставшихся у меня в С.-Петербурге денег, по расчету моему, должно было хватить до дому, но остановка в Елабуге поглотила все, и я остался без гроша. Не будь на пароходе одного знакомого, едущего тоже в Ильинское с молодою женою, пришлось бы продавать и закладывать свои вещи в Елабуге.

Как только потеряли надежду двинуться пароходом далее и съехали на берег, я отправил родителям письмо, но письмо это, пошедшее кружным путем через Вятку, родители не получили. А я выше сказал, что из Нижнего сообщал им о своей отправке и что они то письмо мое получили и, конечно, стали ждать меня домой. Естественно, долгое невозвращение мое домой породило сильное беспокойство и дало им повод думать о моей гибели. Стали наводить чрез Ильинское правление справки и в Перми и в Нижнем – оказалось, что пароход «Орел» из Нижнего вышел, а в Пермь не пришел, стало быть он погиб, а с ним и я. Вследствие таких дум, родители во сне и наяву видели мою гибель и хотели уже служить панихиды по мне. Но в ноябре уже по зимнему пути я приехал в Ильинское в одной кошеве* с молодыми Аникиевыми и, не доезжая до квартиры, я ушел домой пешком. Приход мой домой прежде всего увидел работающий для нашего нового дома столяр-вятчанин и в тот же момент воротился в дом, сообщил родителям о моем возвращении пешком без всяких вещей. Родители не поверили ему до тех пор, когда я вошел сам в комнату – тогда радость была общая, чрезвычайная. Одним словом, как библейский сын: «пропадал и нашелся, погиб и ожил». Отец от радости не стал и упрекать меня за большие расходы мои по поездке в Петербург, издержал 108 руб. Вместо разрешенных 30 руб. и тотчас же заплатил долг Аникиеву за привоз меня из Елабуги.

В общей канцелярии правления я находился недолго, меня перевели в межево-юридическое отделение для приспособления к юридическим делам под руководством начальника отделения М. В. Пашихина. Распорядитель имения, граф Сергей Григорьевич, обращал серьезное внимание на подготовку для имения образованных юристов, или, по крайней мере, знающих законы империи, так как в то же время была масса неоконченных тяжёбных земельных дел с соседними владельцами и с казною. Для этой же цели граф даже особо подготовлял в С.-Петербурге одного из учеников Петербургской школы – Луку Ивановича Хайдукова; а для приспособляющихся в юридическом отделе (меня и Клепцина) присылал сенатские записки о производящихся в Сенате делах.

В 1846 г. (мне было 14 лет), в первый год моего служения, приехал в имение граф и, бывши в здании правления, поднимался в верхний этаж. Знакомясь с начальником отделения, обратил почему-то внимание на меня, спросил мою фамилию, когда я ответил, граф снова спросил «не брат ли я Роговых, которые учились в С.-Петербургской школе?» По утвердительном ответе граф одобрительно кивнул головою и ушел.

В юридическом отделе я прослужил почти до конца 1852 г., когда был отправлен в Пермь письмоводителем к поверенному Адр. Павл. Пушкину, пользующемуся известностию как замечательно умный человек. В этой должности служить мне пришлось недолго – только до конца мая 1853 г., когда начальство вытребовало меня в Ильинск и немедленно отправило в Москву для занятия у самого графа, едва дав родителям возможность мало-мало снарядить меня.

Требование меня из Перми и частное известие, что я назначен к отправке в Москву, меня поразило в высшей степени. Мне было и радостно и грустно. Радостно потому, что мечты мои – попасть в Петербург – отчасти начали сбываться, и я буду иметь возможность еще более образовать себя, а грустно потому, что приходится расстаться с родителями и друзьями. Назначение мое последовало таким образом: граф потребовал прислать хорошего молодого человека в возрасте около 25 лет для помощи его домашнему секретарю Ег. Кон. Демидову. Ильинское Главное управление по получении требования графа составило список молодых служащих всего имения и наметило кандидатов, в число коих попал и я. Желających попасть в Москву было немало, несколько товарищей по ученью и по службе, и между ними были серьезные кандидаты – сын члена Главного управления Власова – Алексей и товарищ мой по юридическом отделе А.Клепцин, но из всех кандидатов выбор пал на меня, совсем не знавшего об этом событии и

не ожидавшему его, хотя по летам я не подходил к требованию – ибо мне было в то время около 21 года.

В Москву прибыл я в половине июня и по данному адресу явился в дом графа, жившего на Большой Никитской в доме графини Паниной. Поместили меня в одной комнате с В. Андр. Желватых, недавно прибывшем из Баронских Усольских Строгановских промыслов, тоже по требованию владельца для занятий в С.-Петербургской конторе отца графа Григория Александровича и вскоре уехавшего отсюда. По приезде я тотчас явился к Демидову. Он показался мне чрезвычайно важной особой, и по болезни был в халате и туфлях; в этом костюме иногда и граф его заставлял. Важности Демидова придавала и самая обстановка; он помещался в концертном зале – огромной, высокой двухсветовой комнате с драпировками у окон и дверей. Граф с семейством жил на даче в с. Кунцево в 7 верстах от Москвы, откуда и приезжал в Москву для занятий почти каждый день.

Увидев меня в первый раз, граф задал мне весьма странный вопрос: «грамотный ли я?». Экцентricность вопроса хотя ошеломила меня, но я отвечал утвердительно. Жалованья мне положили по 15 руб. в месяц. Такое жалованье теперь кажется ничтожным, но тогда оно казалось значительным, ибо все было дешево, например, мясо – 2-3 коп. фунт. С переездом графа с дачи в дом Демидову дали особую квартиру во флигеле, а меня поместили в верхнем этаже в комнате рядом с комнатами младшего сына графа Николая Сергеевича, при котором еще состоял гувернером Николай Ник. Анциферов, ныне управляющий Главною СПб. конторою. Столовался я у швейцара М.И. (кстати сказать, прекрасного человека) за 5 руб. в месяц.

Служба моя в Москве при графе до осени 1854 г. ничем особенно не отличалась, разве только тем, что осенью и зимой 1854/5 и 1855/6 годов я с разрешения графа слушал в университетской лаборатории популярные лекции физики и химии московских профессоров. Служа вместе с Демидовым, мы часто сближались более и более, и к концу его службы в Москве (к лету 1855 г. он отправлен в имение – в Очер помощником управляющего Малых) мы сделались друзьями.

Демидов, руководя моими служебными занятиями, был руководителем и моей интимной жизни в Москве. В течение лета 1854 г. я с Демидовым почти каждое воскресенье или праздники ездил для прогулки по окрестностям Москвы (Сокольники, Петровский парк, знаменитую Воробьеву гору, известное с. Фили, Кунцево, где постоянно летами жил граф на даче в главном доме, а Эммануил Нарышкин жил в другом доме в Липовой Роще.

Посещая Кунцево, мы каждый раз были приглашенными старшими домовыми служащими графа и графини к себе на кофе или чай. Вследствие этих посещений я короче познакомился с семейством домоправителя (дворецкого) Ан. Ан. Розанова и с камер-юнкерками графини, двумя пожилыми вдовушками Ольгой Францевной и Степанидой Афанасьевной. По переезде графа с дачи в город 1 сентября я еще более сошелся с этими лицами, особенно со Степанидой Афанасьевной, надо сказать, кстати, прекраснейшей женщиной как физически, так и нравственно, несмотря на ее 40-летний возраст. Эта женщина, как будет видно ниже, в жизни моей будет играть немаловажную роль.

Бывая довольно часто по праздникам днем, а в будни вечером у Степаниды Афанасьевны на кофе, а вечером на чай, я зимою 1854/5 г. познакомился с камер-юнгферою княгини Елизаветы Сергеевны Мещерской (дочери графа) молодою девушкою Екатериною Ивановной Яновой, ревельской урожденной и, выдавши часто у Степаниды Афанасьевны, скоро сблизился с этою девушкою настолько, что стал бывать у ней в комнате (она жила с княгиней в нижнем, этаже того же дома), а потом гуляли иногда одни, иногда вместе со Степанидою Афанасьевной в дворцовых садах или на бульварах.

К Степаниде Афанасьевне за ее внимание ко мне и ласковое обращение я проникся глубоким уважением с сыновним почтением и с ее позволения стал называть ее Мамашей, а Екатерина Ивановна еще ранее меня начала звать ее Мамашей. По вечерам иногда у Степаниды Афанасьевны играли в карты (Мамаша, я, Ольга Францевна и Софья Петровна, жена дворецкого), а большею частию время проходило в разговорах, я поговорить было о чем, – ибо и Степанида Афанасьева и Екатерина Ивановна оба были за границею, во всех главных городах Европы – в Вене, Берлине, Париже, Риме, Неаполе, в Лондоне, в городах Швейцарии и во многих приморских лечебных курортах. Особенно Кетти (по весне 1855 г. я уже начал так называть Екатерину Ивановну) довольно долго жила за границей с княгиней и, имея прекрасную память, практически научилась говорить и по-французски, и по-итальянски и, пробыв короткое время в Англии, стала понимать тот язык и сама задавать необходимые вопросы. Немецкий же язык был им природный, на котором они довольно часто говорили между собою, особенно когда что-либо хотели скрыть от меня. В этом случае я усиленно приставал к ним, чтоб сообщили мне, что они говорили. Разумеется, часто говорили неправду, и это вызывало большой смех. На их немецкий разговор я часто в душе досадовал и потому решил научиться ему. Действительно, с помощью самоучителя, словаря и с помощью их скоро стал многое понимать, когда говорят ясно и не торо-

пясь, да и сам стал говорить короткими фразами, конечно, часто ошибался, что вызывало взрывы хохота. Так продолжалось всю зиму 1854/5 г., и к весне 1855 г. я до того увлекся Кетти, что стал мечтать о женитьбе на ней.

Весною того же года князь Александр Васильевич Мещерский должен был отправиться к театру войны – в Одессу по должности адъютанта графа Александра Григорьевича Строганова; с ними уехали и княгиня с Кетти. Разлука эта для меня была весьма тяжела и не только не охладила моей любви, напротив, усилила ее, и я твердо решил жениться на Кетти, если она согласится. Переписываясь с Кетти, я высказывал ей свое предположение, но Кетти находила мое желание несбыточным потому что, во-первых, что я молод и мне еще рано жениться; во-вторых, что она старше меня, скоро состарится и надоест мне, в-третьих, что она меня вовсе не любит, в-четвертых, что она не одною со мною веры, и в-пятых, что за крепостного она ни в каком случае не пойдет. Здесь, кстати, надо сказать, что Мамаша уговаривала меня не настаивать на женитьбе на Кетти, указывая на то, что Кетти, хотя очень хорошая во всех отношениях девушка, действительно старше меня и что это в будущем может иметь дурные последствия (примеч. И. Рогова). Разумеется, я старался опровергать все ее доводы против нашего брака.

Переписка наша в таком роде продолжалась во все время пребывания Кетти в Одессе, вплоть до возвращения в Москву, в начале августа 1856 г. В желании иметь Кетти своею женою имели у меня и такие соображения. Кетти, зная языки с природным немецким во главе будет руководительницей будущими нашими детьми при обучении новых языков, которые теперь необходимы в жизни, а знания ее в модном и белошвейном ремеслах будут весьма необходимы в экономии домашнего хозяйства. Кулинарному же искусству, вообще домоводству, научиться при желании не трудно.

С возвращением Кетти в Москву, я разумеется, стал настаивать на нашем браке. Кетти, по-прежнему отклоняла мои настояния, но уже не с такою твердостью и, по-видимому, не прочь была согласиться на мое предложение, только удерживало ее окончательно решиться мое зависимое состояние. Для выяснения моего служебного положения и для устранения препятствующей нашему браку причины, крепостного моего состояния, Кетти обратилась за советом к своей принципалке – княгине. Княгиня, любя Кетти и желая ей счастья, весьма сочувственно отнеслась к ней и, разумеется, передала своему отцу – графу. Граф отозвался обо мне княгине так: «Рогов на хорошей дороге, и от него самого зависит и идти по ней вперед; отпускную же я сейчас ему дам».

Отзыв этот княгиня, конечно, сообщила Кетти. Таким образом, главное препятствие к нашему браку потеряло свою силу. Мало того, в решении нашей судьбы, т.е. в совершении нашего брака приняли живейшее участие княгиня, князь и сам граф с графиней – граф, узнав от княгини мое желание жениться на Кетти, на другой же день сам заговорил со мной об этом. Похвалив Кетти, граф сказал, что «продолжайте служить хорошо, и будущее счастье вполне будет зависеть от меня. Чтобы устранить всякое опасение вашей невесты, я вам даю отпускную, приготовьте ее поскорее». Я поблагодарил графа с глубоким поклоном, слова у меня от робости не шли с языка. Вскоре после того на даче в Кунцеве нас благословили образом: меня граф и Мамаша, а Кетти, княгиня и князь. Свадьба наша назначена в 1-е число октября и совершилась в домово́й церкви в присутствии графа, графини, княгини, ее супруга, Н.Н. Анциферова и шаферов – графа Николая Сергеевича и конторщика Лазаревых, Василия Василия Чебынина. После совершения венчания по православному обряду был совершен в гостини́й у графини обряд пастора. После этого все сошли церемониальным маршем вниз в швейцарскую, откуда посадили нас молодых в карету, а все прочие, в том числе граф, графиня, княгиня и другие отправились пешком через двор в мою квартиру, где граф с Мамашей у порога встретили нас хлебом и солью. Хотя наступил уже октябрь, но погода была теплая, ясная и потому все присутствующие перешли через двор без верхней одежды, на нас же, на меня – надели шинель графа Павла Сергеевича, Строганова, а на Кетти мантилью княгини, говоря, что так надо. Конечно, я был на седьмом небе. Кроме вышеупомянутых лиц, были на нашей свадьбе приехавшие из Петербурга: брат Гаври́ла Аврамович, брат и сестра Кетти Гертруда с грудным ребенком.

Общее, так сказать, официальное пиршество наше продолжалось недолго – с час, не более. Сначала было выпито много шампанского, а потом через небольшой промежуток был чай. Граф, увидя обстановку моей квартиры, ее уютность, похвалил меня и умение мое устроиться, даже поставил примером для своего сына графа Григория Сергеевича, только что женившегося на графине Марье Болеславовне Потоцкой. Здесь и стоит сказать, что в приличной обстановке моей квартиры и в доставлении припасов для брачного пира принимала участие чуть не вся фамилия графа: от графа – вина и десерт, от княгини приданое Кетти и от графа Александра Сергеевича мебель, оставшаяся на его даче по отъезде в С.-Петербург после коронации. Мой брат Гаври́ла Аврамович и брат Кетти Николай Иванович прогостили у нас два дня, а сестра Гертруда чуть ли не неделю. Через 9 месяцев 2 дня в 3 июля

1857 г. родился у нас первый сын – Сергей; восприемниками были графиня Наталья Павловна и младший сын графа Николай Сергеевич.

Выше я сказал, что женился по любви на Екатерине Ивановне Яновой, что кроме чувств взаимной любви я рассчитывал, что жена будущих детей наших научит говорить по-немецки, что, при желании некоторой настойчивости и при помощи Мамаши Стефаниды Афанасьевы сделать было нетрудно. Но, к сожалению, при излишней любви к детям, доходящей до баловства, приучения детей к неумеренности в своих желаниях, частью даже к роскоши, – я, вероятно, не могу избавить себя от упрека в уступчивости обеим воспитательницам, хотя всемерно старался проводить свои принципы, выраженные мною в особой записке под названием: «Мои мысли о первоначальном учении и воспитании». При воспитании детей возникли первые разногласия и столкновения между мною и женою. В этих серьезных случаях начал выясняться настоящий характер жены и, надо признаться, весьма некрасивый: упрямый, лживый, с желанием во что бы то ни стало оправдать себя, свалив вину на других, склонный к самовольству и мотовству. Последнее впоследствии рельефно выразилось в краже денег у меня из стола с подобранным ключом и в растрате 600 руб. во время моей поездки в Петербург в 1900 г. сберегаемых мною на приданое Юли, и еще ранее взятых от Жакова займа 200 руб.

Такие действия жены причинили мне много неприятностей и огорчений и лишили возможности составить большие сбережения. За такие поступки жены другой, на моем месте, кроме ненависти, злобы, постарался бы давно избавиться от нее. До какой степени характер жены упрям и скрыт: я в течение 17 лет до сих пор не мог добиться от нее объяснения: куда она истратила такую уйму денег. Это тем более непонятно, что с переездом в Усолье, вплоть до выхода моего в отставку, она постоянно имела на руках на расходы 10-20 руб., которые приходилось списывать в расход просто на хозяйство по дому. Бесцеремонное расходование денег, правильное, мотовство, особенно сильно начало проявляться со времени поездок ее в Нижний за Верой и Ташей, хотя я не скупился, давал большие суммы, и все-таки их не доставало; она брала дополнительно из Нижегородской конторы в мой счет. Такие поступки, конечно, должны были неблагоприятно отражаться на моих отношениях к ней.

С отъездом Демидова я остался один, и на меня перешла обязанность заведывать всеми Местровскими имениями, доставшимися графу от графини Софьи Ивановны де-Местр. Имения эти находились в Тамбовской губернии и уезде; в Тульской, в Веневском уезде; Рязанской в Михайловском уезде. Эти два имения, лежащие рядом, состав-

ляют одно, под названием Тульско-Рязанского; Ярославской в Пошехонском уезде; Новгородской губернии, в Устюженском уезде, и Московской в Серпуховском уезде. Первые два имения, большие, имели господское барщинное хозяйство, управляемое особыми управляющими, в первом был поляк Короткевич, а во втором в звании приказчика служащего из Пермского имения Н.Гр. Агафонова; остальные три имения были на оброке и управлялись бурмистрами и старостами. Во всех этих имениях состояло около 2-х тыс. душ; а доходы давали всего около 30 тыс. руб., но имения были обременены домами казенными и частными настолько, что доходов не хватало на покрытие всех расходов.

Обязанности мои по заведыванию этими имениями состояли в следующем: в учете управляющих и старост в представляемых ими доходах по сравнению с предыдущими годами в получении оброка с проживающих в Москве крепостных дворовых и крестьян этих имений в выдаче паспортов; в ведении приходно-расходных журналов по всем имениям во взнос в указанные сроки платежей по займам процентов и погашению, в уплате казенных повинностей, в ведении сравнительных ведомостей о доходах и расходах по всем имениям, которые до меня не велись, и проч. и проч. По сделанному мною подробному учету и доходах и расходах за несколько лет по Тульско-Рязанскому имению оказалось много неправильностей, неясностей. Граф по докладу об этом приказал мне лично исследовать на месте в имении положение дел и обревизовать действия приказчика Агафонова. По получении на это письменного уполномочия я в марте 1856 г. отправился в имение, где и пробыл более месяца, проведя там и Пасху. По письменному и подробному исследованию неправильные и своекорыстные действия г. Агафонова подтвердились фактически, о чем по возвращении в Москву было письменно доложено графу. Граф распорядился немедленно уволить Агафонова от управления имением, возложив таковое по-прежнему на бурмистра.

В Тамбовском имении, самом большом и более доходном, где имелись и барский дом с фруктовым садом и теплицами, я был два раза, — один раз с графом, а другой уже из Петербурга в 1859 году с новым владельцем графом Павлом Сергеевичем, к которому перешли все Местровские имения, очищенные от долгов, в выделе из нераздельного Пермского имения. Это вторая поездка была предпринята с исключительной целью ревизии действий управляющего, для чего и пришлось остаться в имении и после отъезда графа П.С. И здесь начали обнаруживаться неправильности, но тщательно обревизовывать не пришлось, так как я заболел бронхитом, напившись холодного, и чтоб не расхвораться, испросил разрешения уехать домой к семье в Петербург, в ка-

кое время (в 1859 г.) у меня уже были сын Сергей и дочь София. Приехал домой на дачу графа по Петергофской дороге в лихорадочном состоянии и более недели еще гулял в саду в шубе, несмотря на летний жар.

В сентябре 1858 г. граф переехал на жительство в Петербург по вызову государя для присутствия в Государственном Совете; с ним переехал и я. Квартиру мне дали в главном доме графа у Полицейского моста, где жил сам граф и где помещалась контора. Контора была в нижнем этаже, а моя квартира окнами на Невский проспект в верхнем третьем этаже. По коридору моей квартиры жил бухгалтер Иван Семенович Мельников, товарищ по службе в конторе старшего нашего брата Гаврила Абрамовича. С переездом в Петербург я стал заниматься в той же главной конторе. Обязанности мои состояли в следующем: в составлении по резолюциям графа бумаг, в докладе их графу; особенно важные дела по Пермским имениям – как нераздельному, так и наследственному, докладывал сам управляющий главною конторою Н. Н. Анциферов; все бумаги, следующие к подписи графа, докладывал я. Вел сравнительную ведомость о доходах и расходах по всем округам Пермского нераздельного имения, которая и была весьма полезна при рассмотрении годовых отчетов главного и окружного правлений. Одним словом, был фактически помощником управляющего главною конторою. Кроме меня и управляющего, находились в конторе: бухгалтер И. С. Мельников, для особых поручений П. М. Япишин, оба старые служащие, Ширшев и Желватых В. А., прибывшие в Петербург в том же 1853 году для занятий в конторе по наследственному имению, Первачев С. М. Почти вся переписка бумаг лежала на этих трех служащих; я переписывал только доверенности по личному распоряжению графа. Заведывание конторою, ее хозяйственной частью и прислугою лежало на моей обязанности, и, помимо меня, никто не имел права в это вмешиваться. Обязанности по заведыванию Местровскими имениями и по переезде в Петербург остались на мне.

В Петербурге 16 января 1859 г. у нас родился второй ребенок – дочь София; восприемниками были те же. В начале 1859 г. граф был назначен московским генерал-губернатором, и я вместе с графом переехал в Москву. Сначала мы остановились в номерах гостиницы, где и прожили вплоть до переезда на дачу в Кунцево, куда прямо приехала и графиня со всем штатом прислуги. Генерал-губернаторский дом (на Тверской) ремонтировался, в том числе и моя квартира. В этом доме никому из нас не пришлось пожить, так как граф волею государя Александра II в начале осени призван был попечителем покойного наследника Николая Александровича, и все опять прямо с дачи пере-

ехали на житье в Петербург. Служебные обязанности мои не изменились, только по Местровским имениям я докладывал дела уже новому владельцу Павлу Сергеевичу.

В августе 1860 г. в Петербурге родился у нас третий ребенок – сын Константин; восприемниками были те же.

Служба моя в Петербурге продолжалась с сентября 1859 г. по январь 1861 г., когда потребовался для Пермского имения в состав главного управления финансовой или хозяйственной члена управления вместо устаревшего члена В.А. Власова, место которого и было предложено мне Н.Н. Анциферовым, и я решил принять его; но граф, видимо, не совсем охотно согласился отпустить меня от себя. К принятию этой должности в Пермском имении побуждающими причинами были не одно только желание жить на своей родине вместе с родителями, но и некоторые действия управляющего г. Анциферова, который мне не нравился и которые я изменить не мог.

В 10-е числа января 1861 г. я расстался со своей семьей и отправился в имение; до Москвы по железной дороге, а от Москвы до Нижнего в почтовом брике (тогда железной дороги еще не было). В Нижнем, купив себе большие сани и войлока для подстилки и закрышки, на переносных отправился по тракту через Казань, Оханск, Очер в с. Ильинское. Таким образом, я, бывши 28½ лет, занял такой важный пост в имении, какого не достигал ни один служащий в таких молодых летах. Помимо того, что я признан был достойным занять такой высокий пост, у г. Анциферова, как мне потом стало известно, была задняя мысль – удалить меня из конторы, дабы я не мог быть свидетелем операций с владельческими процентными бумагами. Назначение меня хозяйственным членом главного управления льстило моему самолюбию еще тем, что назад тому 7½ лет я, бывши почти юношей, состоял подчиненным не только начальствующим лицам в управлении, но и многим средним служащим, а теперь возвращаюсь в имение сам начальствующим лицом над теми служащими, которые были моими начальниками, вторым после главноуправляющего.

Путь из Москвы в Нижний в почтовой карете был не из приятных (причем сидеть на переднем месте, внутреннего мне не досталось, потому что места брали за неделю и ранее). Были до того сильные холода, что карета чуть (она очень тяжелая) остановится, она прикипает полозьями к укатанным колеям дороги и лошади, хотя их было четыре, не могут сдвинуть ее с места; один раз пришлось простоять на шоссе целый час, пока ямщик съездил в ближайшую деревню за народом, а пассажиры, чтобы не замерзнуть, отправились тоже в деревню для обогрева. Путь мой был медленен, так как пришлось пробыть в

Москве и Нижнем по два дня, в Москве по неимению билетов в почтовых каретах, а в Нижнем за покупкою проходной повозки и устройства ее для такого дальнего пути. В Ильинское приехал только в 23-е число января вечером в 11 час. Родители, хотя уже спали, но, ожидая меня каждый день и каждый час, тотчас, конечно, встали и просидели со мною до третьего часа утра.

Весною 8-го мая отправился в Петербург за семьей, куда прибыл только 22-го числа, хотя нигде не останавливался. Прежде сообщение было весьма медленное – пароходы из Перми до Нижнего шли более недели.

Из Петербурга на службу в имение – в Ильинское – мы приехали с тремя детьми: Сергеем 4-х лет, Софьей 2-х и Константином 10 месяцев, с одной прислугой – мамкой-кормилицей Константина. Из Петербурга отправились в конце мая 1861 г. по железной дороге до Твери, докуда провожала нас Мамаша Степанида Афанасьевна и посадила нас на пароход.

День выезда из Петербурга и день пребывания в г. Твери был хороший, теплый, а во время пути до Рыбинска погода резко изменилась – сделалась холодная, дождливая. Во время пересадки в Рыбинске на другой, более сильный и большой по размерам пароход, погода была ужасная, шел сырой снег с сильным ветром, в каютах парохода холод (тогда не только парового отопления не было, и не было даже хотя бы сносных удобств), сырость, с потолка течет, так что детское белье, чтоб оно было теплое и сухое, нужно было держать под собою. Рыбинский пароход шел только до Казани, где пересели на пароход Общ-ва «Кавказ» и «Меркурий», шедший до Перми, куда прибыли в первых числах июня.

В Перми ожидал нас присланный из Ильинского большестный экипаж, в котором поместились все, приехали в Ильинское. Остановились у родителей в доме, так как квартира наша не совсем была очищена жившим в ней семейством бывшего члена главного управления С.И.Конюхова.

В то время высшее в Ильинском общество состояло из следующих семейств: главноуправляющего В. А. Волегова, главного лесничего и члена главного управления и членов вотчинного правления А. Е. Теплоухова, В. А. Пищалкина, доктора Д. А. Ивановского, семьи предшественника моего В. А. Власова, семьи С. И. Конюхова, Ильинского коммерсанта Еп. В. Поисова. Из этих семейств ближе всех сошлись с семейством А. Е. Теплоухова, склад жизни которого был отчасти немецкий и более других нам нравился; поэтому очень часто сходились и гуляли вместе. Огороды усадеб наших соприкасались и как от Тепло-

уховых, так и из нашего огорода выходили калитки (двери) в лежащие за нашими заборами поля. Зимой же заборы эти до верха заносились снегом, и мы беспрепятственно переходили одни к другим для гулянья по снежному насту до древесного рассадника – Козьминки или в находящийся на их усадьбе лог для катанья с горы по замерзшему там пруду. Особенно много гуляли вместе обе семьи, когда приехали к нам в 1866 г. на житье Мамаша Степанида Афанасьевна и когда наши трое старших детей подросли – Сережа 9 лет, Соня 7 лет и Костя 5½.

В 1862 г. 27 марта у нас родилась первый ребенок в Ильинске, по счету 4-й, Наталья, зародившаяся во время житья в доме родителей. Для Таши, как и для первых троих детей, взяли мамку-кормилицу, которая, покормив 3 месяца, заболела, пришлось положить в больницу. Вследствие этого перерыва в кормлении Таша заболела весьма серьезно, чуть было не умерла и поправилась только когда мамка выздоровела и снова начала кормить ее. Таша из ряда вон быстро развивалась, на третьем месяце у нее появились зубы, с полугода начала говорить папа, мама, хотя нечисто.

В 1863-м 13 сентября родился второй ребенок в Ильинском, по счету пятый, дочь Вера, для кормления которой тоже взята мамка-кормилица из Добрянки, кержанка, правильнее, раскольница. Высокая, полная, молодая, здоровая женщина, лицом хотя некрасивая, но имела так называемую русскую красоту и весьма памятная по некоторым обстоятельствам. А обстоятельства эти таковы, что она первая заставила меня изменить супружеской верности. Положительно не могу припомнить, с которой стороны последовало начало наших интимных отношений, только помню хорошо ее заигрывания, и я не мог устоять; надо при этом сказать и то, что жена после родов Веры долго болела. Вероятно, и это обстоятельство способствовало установлению моих близких отношений к мамке, которые и продолжались до самого ухода ее от нас к мужу. Не знаю и не могу объяснить постоянное влечение ко мне молодых лиц женского пола – девушек и женщин. Вероятно, было что-нибудь привлекательное в моем взгляде, в моей фигуре, вообще, в моем обращении с женским полом; так как не только молодые девушки: Теплоухова Катенька (впоследствии выданная замуж за известного негодяя-взяточника Игнатьева), Олинька Конюхова, Елизавета Поносова, выданная потом замуж за Грацинского Н. И., Гратчинова, ее двоюродная сестра, внучка Ан. Аф. Власовой Раичка Словцова, ухаживали за мной, все наперерыв друг перед дружкой старались более танцевать со мной. Надо сказать, что я действительно танцевал очень ловко, даже по выражению некоторых, грациозно, очень хорошо катался на коньках, ловко правил санками при катанье с горы, катались

же часто из двора Теплоухова мимо церкви и здания правления или в лозу сада Теплоухова же. Все вышесказанные барышни тоже напереыв желали кататься со мной. Особенно ухаживала за мной жена старшего сына Поносова Анечка – молодая, бойкая, веселая женщина, отношения с которой сделались очень близкими-дружными и вызвали ревность со стороны жены; но, как перед Богом, не могу сказать, чтоб отношения наши дошли до измены с обеих сторон, хотя в мои годы (мне тогда было 30 лет) и с моей, полученной с детства к чувственным удовольствиям натурой, я не мог быть ангелом. Жена, видимо, не верила в наши только дружеские отношения, подозревала большее, и с этого времени ревность ее начала проявляться довольно часто, иногда доходила до острой степени, вызывая свою несправедливостью неприятные столкновения и раздражения с любой стороны. Несправедливые обвинения кого-либо и в чем-либо, естественно, вызывают озлобление, а между мужем и женою охлаждение; повторение таковых зачастую вызывает нарочное исполнение того, в чем подозревают; разумеется, это последствие охлаждения отношений.

В 1864 г. мы вздумали съездить в Петербург повидаться с Мамашей и показать ей всех наших детей. Я взял отпуск на месяц и в начале июня месяца отправился со всеми 5-ю детьми и с мамой-кормилицей Верочки (она была тогда 9-ти месяцев) на двух экипажах в Пермь, дабы там сесть на пароход до Нижнего. Намерение это было весьма необдуманно, можно сказать – глупо! Ведь легко сказать – отправиться в такой дальний путь с пятью маленькими детьми 7, 5, 4, 2,5 и 9 месяцев! Теперь даже, при более удобном сообщении и денежных тарифах, нелегко путешествовать с пятью детьми, а тогда? Брр... К счастью, что намерение это не осуществилось: в Перми захворал который-то из детей, и поэтому воротились домой.

В Перми, во время нашей короткой остановки у поверенного Н.А.Желватых, случился курьезный инцидент: Таша, бывши 2 лет 3-х месяцев, ушла одна со двора и отправилась по улице вниз по дороге к Каме; встречные, видя такую каплюшку, идущую одну, останавливались от удивления. Хорошо, что скоро хватились ее, и я с мамой-кормилицей побежали искать ее; догнали идущую преважно вниз по дороге к Каме. На вопрос зачем и куда пошла, она отвечала «гулять». Надо сказать, что Таша уже все говорила отлично и знала даже свою фамилию, поэтому не могла потеряться. В 1867 г. 8 декабря у нас родился шестой ребенок, дочь Ольга. После этого ребенка жена скоро поправилась от родовой болезни и чувствуя себя довольно крепкой, решила кормить ребенка сама и благополучно выкормила.

В 1866 г., кажется, в день именин Таши приехала из Петербурга к нам на житье Мамаша Стефанида Афанасьевна. У нее с графиней, при которой она была камер-юнгферою, вышли какие-то недоразумения, вследствие интриг второй камер-юнгферы, и Мамаша должна была оставить службу. Граф по моей просьбе назначил ей пенсию сначала 180 руб. в год, потом по вторичному моему ходатайству через несколько лет граф увеличил ей пенсию до 300 руб. в год, а в бытность мою в 1874 г. в С.-Петербурге дал мне 100 руб. для передачи Мамаше. С времени приезда и до сих пор (1900) Стефанида Афанасьевна безотлучно живет у нас, помогая в воспитании детей.

Начальной грамотою – чтению и письму я всех детей учил сам, и без хвастовства скажу, дети научились очень скоро. Быстрою понятливостью отличались Сережа, Соня и Таша, особенно последняя; она 3-х лет читала уже молитвы, а по ним скоро научилась читать и по-славянски. Наш образ жизни был таков: после утреннего чая я с 8 до 10 ч. занимался с детьми, потом уходил на службу в правление, в 12 ч. возвращался для обеда; после обеда со старшими детьми ходил гулять или со всею семьею ездил кататься. Летом на тарантасе просто для прогулки или за грибами, зимою в больших шестиместных санях, в этом последнем случае большею частию правил лошадьми сам. Весною занимался цветоводством – посадил рассады в грунт – в клумбы устроенного мною цветника, осенью посадкою деревьев во вновь пригороженном месте. Вечер после чая до ужина проводил в занятии с детьми – играми или рассматриванием книжек с картинками, потом, когда дети улягутся спать, я читал вслух жене и бабушке. На Святцах мною были устраиваемы спектакли на собранные по подписке деньги в нарочно приспособленном для этого господском доме (служившем ранее общежитием для мальчиков, учившихся в двухклассном училище). В спектаклях участвовали служащие в управлении графа Строганова и лица из высшего слоя общества. Вперемежку с спектаклями были и танцевальные вечера, на которых был один стол карточный – для старичков Поисова, Волегова, Пищалкина А.А.

2 июля 1865 г. родители отправились на богомолье по святым местам России, в Ерусалим и другие места с намерением вернуться домой, что, к сожалению, не последовало: отец умер в Александрии (Египт) от дизентерии 7/19 мая 1866 г. Родители прибывали в Александрию с целью побывать на горе Синай. Мать, возвращаясь в Россию, на пути из Киева заболела холерою и умерла 15 июля 1866 г. в с. Крапивне Нежинского уезда Черниговской губернии в присутствии своей товарки, вдовы протоирея Бобринской; напутствована местным священником Сазановским. Священника Сазановского и вдову Бобринскую

прилично вознаградили. Через переписку со священником устроена и положена на могилу матери надгробная плита. Отъезжая, отец выдал мне доверенность на полное распоряжение его имуществом – домом и проч., также на взыскание его долговых сумм, образовавшихся от выданного им крестьянам разных волостей семенного хлеба.

Имущество отца состояло: 1) из наличной суммы, сданной отцом при отъезде на хранение в кассу Ильинского правления 1812 руб. 42 коп. 2) из дома со службами и со складочными амбарами стоимостью в 2841 руб. из мебели и др. хозяйственных вещей 70 руб., всего на сумму 3542 руб. 86 ½ коп. Из домовых сумм за крестьянами разных волостей лицами за выданный им в ссуду на посев семенной хлеб, рожь и овес 5209 руб. 13 коп. В число долговой суммы получено только 153 руб. 72 коп. Дом продан ильинцу Егору Афанасьевичу Серебренникову. Вырученные за него деньги за мебель и другое имущество, разыгранное в лотерею, разделили вместе с наличною суммою между всеми братьями и сестрами поровну, хотя братья признавали за мною право на значительно большую долю в наследстве отца, так как отец нажил свое состояние при моей помощи, которая продолжалась с 14 лет до 28 лет вплоть до отъезда моего в Москву в июне 1853 г.

Пред раздачею хлебных семян и хлеба в виде муки на пропитание я просил отца не отпускать хлеб в ссуду, полагая, что без него возвращение ссуд сомнительно. Так на самом деле и вышло, почти вся сумма 5209 руб. осталась невозвращенной. Между тем, по случаю неурожая в 1864 г. и плохого урожая хлебов в 1865 г., в год отъезда родителей, цены в зиму 1865-66 г. возвысились настолько, что можно было выручить за хлеб на 25-30 коп. дороже от цен, по которым они были отпущены. Из этого ясно – отец пожертвовал нуждающимся крестьянам почти целиком всю сумму 5209 руб. и, кроме того, могущую получиться прибыль 2170-2604 руб.

В марте 1870 г. умерла дочь Соня, 11 лет, простудившаяся на детском вечере у Оленьки Котоховой, похоронена в церковной ограде, с положением на могилу чугунной плиты. Старший сын Сергей, до поступления в пермскую гимназию, два года учился в ильинском двухклассном училище; в гимназию поступил 11 лет в 1 класс, – живя в Перми у Воронина. С переездом в марте 1870 г. в Усолье жизнь наша значительно усложнилась. Мне уже весьма мало времени приходилось уделять семье и пришлось все расходы по дому предоставить жене.

Время с 24-го января до 1 февраля я отдыхал и употребил на визиты и для осмотра будущей своей квартиры и на соображение, что для нее необходимо и что в ней переделать-приспособить к своим потребностям. С 2 февраля вступил в определение своих обязанностей. Объ-

занности мои как хозяйственного члена Главного управления состояли в главных чертах следующие: в наблюдении за хозяйственной частью во всех заведениях и вотчинных округах имения, в ревизии месячных отчетов окружных правлений, в составлении общего по всему имению, месячного отчета; в составлении сметы о доходах и расходах по всему имению; в распределении между округами денежных капиталов на годовое содержание заводов и промыслов; в составлении общего годового обзора действий окружных и главного управления по управлению имением. Службою моею граф оставался доволен, и с конца октября 1869 г. в продолжение 4-х месяцев, по случаю болезни и смерти П.С.Шарина, я исполнял обязанности главноуправляющего имением. Еще несколько ранее был назначен графом уполномоченным для особых совещаний владельцев пермских имений или их главных доверенных пред открытием земских учреждений в Пермской губернии. Совещание состоялось под председательством Андрея Никитича Всевожского в его квартире в Перми.

С открытием земских учреждений уполномочен для участия в земских собраниях по Пермскому уезду. С назначением ильинского управляющего П.Я.Бушуева помощником главноуправляющего я в декабре назначен был на его место, но вскоре после того открылась вакансия на должность усольского управляющего, и мне предоставлено было право выбрать то или другое место. Я выбрал Усолье и в марте месяце 1870 г. вступил в должность управляющим Усольскими и Ленвенскими соляными промыслами, вообще Усольским округом, с жалованьем в 2000 руб. и столовыми 400 руб. в год, куда и уехал пока один без семьи; в Усолье остановился у члена правления Копылова. Я принял должность от Николая Григорьевича Агеева, который управлял так называемым наследственным Строгановским имением, принадлежащим двум братьям: графу Сергию Григорьевичу и графу Александру Григорьевичу. Принял в свое управление, после увольнения г. Глушкова и Усольный округ нераздельного имения; но спустя несколько месяцев отказался от управления последним, признав для себя непосильным управлять двумя такими большими имениями и более потому, что соляные промыслы нераздельного имения требуют больших усилий, чтобы привести их в порядок, при том, все служащие распущены, пьяницы. Такое вот какое наследство досталось мне в управление. И действительно, наследство досталось мне тяжелое: в промыслах имеется масса рассольных (скважин) труб, но ни одной трубы с крепким рассолом. Получилось соли с одной вариницы: в сутки 350-400 пуд. на 1 полукуб. саж. дров 57 п. 20 ф., дрова стоили 1 полукуб. саж. 1 руб. 847/8 коп., соль стоила 9,27 коп. пуд, утечки соли при выпуске ее

из амбаров в суда для доставки на рынки по 78 п. 13 ф. на 1 т. пуд. Во время моего управления соляными промыслами, в частности и Усольским округом вообще, скажу кратко, сделаны следующие улучшения:

1) большинство рассольных труб в обоих промыслах очищены от накопившейся в течение многих лет грязи в каналах и крепость рассола восстановлена;

2) конная сила, употребляемая при добывании из скважин рассола заменена тремя паровыми машинами и одним локомотивом;

3) устроено пять солеварен по баварскому, заграничному способу;

4) устроены воздушные рассолопроводы, вместо земляных;

5) улучшено солеварение настолько, что соли стало получаться в сутки на черных варницах, вместо 400 п. 500-520 п. на 1 полукуб. саж. – 90 п. и на солеварнях – вместо 370-400, 612-658 пуд.

6) неявка или утечка соли на 1 саж. 120 пуд. В магазинах, при выпуске ее, с изменением процесса выпаривания ее и от лучшей просушки ее, уменьшилась с 78 пуд. до 2 пуд на 1 т. пуд. Подробные сведения о результатах моего управления промыслами помещены в особой брошюре, изданной в Перми под названием «Двадцатипятилетие одного солеваренного завода». А здесь укажу только на один факт, ярко доказывающий громадные выгоды, полученные графом от улучшения солеварения за мое управление промыслом: выше было сказано, что от улучшения техники солеварения, амбарная утечка соли (неявка) с 78 пуд. на 1 т. пуд уменьшилась до 2-х пуд. на 1 т. пуд., отчего последовали сбережения соли более 2 милл. пуд., за которую граф получил наличными деньгами до 200 т. руб., кроме сбережения той платы рабочим, которая ранее платилась за те 78 пуд. на 1 т. пуд, которые утекали в амбарах до выпуска соли. А эта плата составляла до 80 т. руб.

7) изменение способа доставки соли из промыслов в место сбыта – Нижний Новгород, Рыбинск и другие рынки. Вместо сплава нагруженных солью судов (людей и подчалов) до Устья-Камы силою людей и от Устья-Камы вверх по Волге и до Нижнего и далее силою лошадей на коноводных судах-машинах, сплава и взводки вверх весьма медленного, принят способ доставки соли пароходами в судах-барках, которые начаты строиться чрез подрядчиков, а частью своими средствами. Устроен на заводе Шипова сначала один пароход «Аника» (имя родоначальника Строгановых, потом вскоре еще два парохода, которыми и доставлялась на рынки одна треть груза (1 мил.) всего количества соли, отправляемого на рынки. Остальные две трети груза отдавались для доставки вольным судовладельцам и пароходоладельцам, чем значительно ускорилась доставка и сбыт соли.

8) Во второй год моего управления (в январе 1871 г.) учреждена общая для всех 5-ти владельцев промысловой лесной дачи (80 т. десят.) лесная стража с лесничим во главе. До учреждения ее каждое управление имело свою куренную стражу, заготавливало лес и дрова для промыслов, где угодно и сколько угодно без соблюдения паевого участия в даче, стараясь каждое захватить курень поближе к промыслам и с лучшим лесом, конкурируя между собой в цене на заготовку. Учреждение одной общей стражи – с лесничим во главе, устранило взаимную конкуренцию, дало возможность лучше охранять дачу, правильно пользоваться лесными материалами, уменьшило хищничество, пожары и проч.

Несмотря на очевидную пользу учреждения общей лесной стражи, соглашение между управлениями на учреждение ее было достигнуто с величайшим трудом при деятельной помощи управляющего соляными промыслами наследственного Строгановского имения брата Александра Аврамовича, а главное, вследствие сделанной мною уступки части количества дров из причитающейся своей доли по поземельному участию в даче, имению вместо следующей 1/3 части (21/63) и остальным четырем управлениям 2/3 (42/63) получать всем поровну, т.е. по 1/5 части; но доходы от дачи, в том числе и начисляемые на дрова попенные деньги делить по поземельному участию, т.е. наше управление должно получать свою 1/3 часть.

В 1875 году, по ходатайству моему учреждено Усольское ссудо-сберегательное товарищество для служащих и рабочих соляных промыслов графа Строганова, которое и существует до сих пор; между тем, открывавшееся таковое уже, со ссудою от земства, для служащих и рабочих князя Голицына прекратило существование, ликвидировав свои дела с убытками. В 1876 г., тоже по ходатайству моему и по соглашению с прочими управляющими всех владельцев Усольских и Ленвенских соляных промыслов, открыто на средства владельцев двухклассное женское училище. Первым попечителем училища в течение нескольких лет был я, и первую учительницею Софья Ивановна Карноухова, впоследствии – Кувшинская. В 1880 г. по моей же инициативе и по моему преимущественно ходатайству учреждено по написанному мною Уставу, Общество Усольских семейных вечеров (Клуб). В 1884 г., после усиленных моих ходатайств, состоялось соглашение между тремя владельцами (кроме Лазаревского) и приглашен для промыслов особый врач – Федор Александрович Ардашев.

Известно, что во время весеннего разлива ежегодно значительная часть Усожья, а в большие воды почти все селение, затопляется водою, и сообщение с обоими промыслами (верхними и нижними) со всеми

слободами и во многих местах между промыслами прерывается. Вследствие чего, каждое управление ставило в разных местах не менее 5 перевозных лодок с рабочими, а все[го] не менее 25-ти для перевоза рабочих и служащих в промысла. Видя крайние неудобства такого сообщения с промыслами, влекущие задержку в работах, особенно во время грузки соли в суда, когда скопляется в промыслах несколько тысяч рабочих, а также ежегодные значительные затраты денег на содержание перевозных лодок, – я убедил прочие управления устроить между конторою Лазаревых и припасными каменными амбарами мост на столбах, для сообщения с промыслами, который существует до сих пор; возвысил на счет управления графа Строганова полотно дороги, ведущей из Посада в промысла по направлению к Орлиной слободе; возвысил глухой фашинный мост между Посадом и Рубежную церковью и самое полотно дороги, ведущей из Посада в верхние промысла; возвысил полотно дороги, ведущей от моста из Посада в нижние промысла и из Посада к Пелчинскому мосту счетом только одного Строгановского управления; прочие управления от участия в расходах отказались. Весеннею водою, скопавшейся выше Капустинского моста, ежегодно затоплялись дома жителей. Для устранения сего я признал необходимым уменьшить подъем воды, а уменьшить его возможно расширением пролета под мостом. Поддерживать в неисправности мост лежало на обязанности Лазаревского управления, но от перестройки его оно отказалось, а потому я согласил все управления перестроить мост на общий счет, что и исполнено.

В 1876 г. по ходатайству моему граф разрешил увеличить рабочим платы на 30%, из коих 5% на единовременные награды по окончании заvara особенно усердным рабочим.

Почти с самого начала моего вступления в управление округом и соляными промыслами начались у меня столкновения с управляющим Баронскими (тоже Строгановскими) промыслами Николаем Григорьевичем Агеевым, которые впоследствии сильно обострились и принесли мне много вреда, особенно когда Агеев был принят на службу в наше нераздельное имение и был определен сначала товарищем главноуправляющего А.Е. Теплоухова, а потом и главноуправляющим. Первою официальною причиною столкновения было то, что он неправильно приписывал мне неуспешность в работах по постройке по его проекту в наших промыслах белой варницы (Натальевской солеварни); наблюдение за постройкой которой лежало на технике-технологе Н. Глушкове. Дальнейшие неудовольствия между нами поддерживались неудовлетворительностью действий той же солеварни, что Агеев приписывал недостаточному моему наблюдению за действиями г. Глуш-

кова. Это продолжалось вплоть до перестройки самой солеварни (в 1873 г.) и до возвышения по моему настоянию дымовой трубы.

С поступлением Агеева товарищем главноуправляющего и определения главноуправляющим Агееву явилось большая возможность вредить мне, стараясь подорвать доверие графа ко мне; но это ему не удалось до вступления во владение молодого владельца после смерти старика графа. Неудовольствия Агеева ко мне еще разжигались его ближайшим клеветом – членом правления Копыловым, у которого за дурное поведение – пьянство – я убавил служебную аттестацию. Копылов же пользовался расположением Агеева, потому что он, Копылов, поставлял Агееву разного рода прислугу и для хозяйства, и для его похотливых удовольствий.

В 1877 г. Баронские соляные промыслы, в числе имений были присоединены к промыслам нераздельного имения под мое же управление. С присоединением коим промысла увеличились более чем вдвое, и производительность увеличилась с 1,500.000 – 1,800.000 до 3,800.000 – 4,000.000 пуд. в год. По составленной мною на 1877 заваро-год смете, рассмотренной Главным управлением совместно со мною и утвержденной графом, стоимость соли определена в 8,68 т. руб. пуд. При утверждении сметы граф, сознавая, что дела мне прибавилось, сделал письменное обещание, если цена соли не будет превышать выше определенной нормы, выдавать ежегодно награды вместо увеличения жалованья. Обещание это исполнялось подряд четыре года: за первый 1877 заваро-год выдано мне 1000 руб., за второй 1878 – 800 руб., за третий – 600 руб., и четвертый – 400 руб., и затем совсем прекратились, хотя стоимость соли постоянно была ниже определенной нормы. На уменьшение наград, разумеется, имело влияние Агеева. Прекращение выдачи наград мотивировалось тем, что определено назначение служащим всего имения процентных денег с годового жалованья от 5 до 10. Однако же при всем желании вредить мне, Агееву не удалось поколебать ко мне доверия графа (старика). Но, уходя со службы на покой, передал свою вражду мне и выбранному им заместителю своему Конюхову, страшному формалисту – по нерешительному и мнительному своему характеру он о всякой мелочи спрашивает разрешения графа или Главной С.-Петербургской конторы.

Вступивший после смерти старика графа (27 марта 1881 г.) во владение имением внук его граф Сергей Александрович в первый раз посетил имение и был в промыслах в мае 1880 г. С графом приезжали два морских офицера, один из коих г. Крубокпф, бывший его начальник, командир миноноски во время войны с Турцией 1877-78 года. Во время пребывания в Усолье эти офицеры срисовали старинное здание,

общее всех владельцев, бывшую контору и соборный храм. Графа сопровождал и вступивший только что новый главноуправляющий Николай Григорьевич Агеев, который, по-видимому, не пользовался расположением графа. Пребывание графа в Усолье было кратковременным; вероятно, потому, что нельзя было никуда ни выйти, ни выехать. Тою весною была во все мое пребывание в Усолье с 1870 года самая большая вода, затопляла все промысла, все селение, за исключением небольшого клочка около собора и возвышенной части Полчинской и Богомольной слободе. Была вода и на дворе Управительного дома, где жил я и поместился граф; для того, чтоб можно было ходить и выезжать со двора, был настлан особый помост. Во время своего пребывания граф ездил в (конной) лодке со мною и с главноуправляющим только в Ленвенские промысла посмотреть на погрузку соли в суда.

Во второй раз граф был в имении в 1883 г., а в промыслах в августе месяце того года с молодою женою Марией Александровной, урожденною княжною Васильчиковою, приходящеюся ему сестрою – ибо родная тетка ее была замужем за родным дядей – графом Николаем Сергеевичем Строгановым. И в этот раз граф останавливался с Управительном доме; а я с семьей жил в Огурдине на даче. Графа сопровождал старый холостяк Иван Васильевич Новосильцев и известный прожигатель жизни Никита Никитович Всевожский (муж артистки Савиной*); граф прибыл на своем пароходе «Еруслан». С графом приезжал вместо главноуправляющего Агеева старший член Главного управления, брат мой, Николай Аврамович Рогов. Граф и особенно графиня помещением в нашей квартире остались очень довольны, благодарили мою жену и были очень любезны. Граф с супругою и со всею свитою из Усолья уезжали по железной дороге в Луньевские каменноугольные копи и в Александровский завод наследников Всевожских (в том числе и Н.Н. Всевожского, сопровождавшего графа). Поехали на экстренном поезде и на нем же воротились в тот же вечер в Усолье.

В день отъезда из Усолья был устроен спектакль бывшими в то время в Усолье приезжими актерами с участием местных любителей строгановских служащих. Из театра граф с супругою и со всею свитою отправился прямо на пароход. Весь путь от театра до парохода в Нижних промыслах был освещен бенгальскими огнями. Граф для актеров дал сто руб. и Новосильцев 25 руб., которые и разделены между любительским фондом и посторонними актерами. Пред тем как отпустить меня совсем, после разговоров о делах, граф дал мне лично 600 руб. для выдачи в награду промысловым рабочим. Пребыванием своим в Усолье, видимо, остался доволен. Пребывание графа и на этот раз было тоже непродолжительное. Понятно, в такие краткие визиты графа в

Усолье я не мог изучить характера его и его отношений к делам и служащим имения, а я привык служить, а не прислуживаться.

Во время управления имением графа Сергея Григорьевича (старика), согласно лично полученного от него распоряжения, я привык действовать более или менее самостоятельно и нередко, помимо Главного управления, обращался со своими представлениями прямо к нему и в Главную С.-Петербургскую контору. Не поняв характера графа, характера, как оказалось, самовластного, привыкшего к военно-морской дисциплине, не выносящего противоречий, я по вступлении его в управление имением продолжал действовать по-старому.

Таким образом, помимо Главного управления образована для промысловой дачи одно общее лесничество с особым лесничим во главе, устроены пароходы, изменен способ доставки соли на Нижегородский рынок, начались строиться баржи вместо неуклюжих ладей, для доставки соли по Каме и Волге; открыто на средства всех владельцев двухклассное женское училище; приглашен особый врач для промыслов 4-х владельцев, кроме г. Лазарева.

Особенно не понравились графу действия мои в деле об уменьшении попенных денег за лес, отпускаемый из казенных дач в виде дров для соляных промыслов. По этому делу мною составлена записка для губернатора, которою он остался весьма доволен, решил представить ее в Министерство и даже обещал ходатайствовать о награждении меня званием личного почетного гражданина и вообще иметь меня в виду при назначениях, согласно только вышедшему тогда новому закону, в председатели и члены уездных земских управ. Эту же записку я представил управляющему Главную С.-Петербургскую контору г. Анциферову, который тоже остался ею очень доволен; да иначе и не могло быть, потому что записка составлена весьма основательно, выразила правдиво и ясно одинаковость условий владельческих промыслов с казенными Дедюхинскими, коим одним предполагалось сделать льготу – сбавку попенных денег за отпускаемые из казенных дач дрова. В то же время я вместе с управляющими других владельцев отправил г. министру государственных имуществ особое прошение по сему делу. Сбавка попенных наполовину состоялась. Графу же такие мои действия – подача записки губернатору и прошения министру не понравились настолько (граф тогда был в первый раз (1866 г.) в имении – в Кувинском заводе), что он выразил мне свое неудовольствие за то, что я осмелился предпринять эти действия помимо Главного управления. Здесь было задето самолюбие нового главноуправляющего Конюхова, влияние которого, вероятно, имело свою долю в выраженном графом неудовольствии. Это первое неудовольствие, выраженное мо-

лодым владельцем, весьма дурно подействовало на меня; и мои отношения к графу во время его приезда в Усолье в августе 1886 г. были весьма холодны, ибо я считал действия свои совершенно правильными и вполне соответствовавшими интересам промыслов.

Считая себя обиженным отнятием обещанного стариком графом особого вознаграждения за управление соединенными промыслами, а теперь ещё и полученным выговором, я счел себя в высшей степени обиженным, что я высказал графу в особом письме. Но, несмотря на ухудшавшиеся мои отношения к графу, я ни энергии, ни своего рвения к соблюдению интересов управляемого мною округа и промыслов не умалил и по-прежнему, следуя своему прямому и правдивому характеру, не преставал в своих официальных представлениях, указывать на дурное ведение торговли солью на Нижегородском рынке вновь вступившего управляющего Нижегородскою конторою г. Ширшева. А г. Ширшев надо, кстати, сказать, любимец и ставленник управляющего Главною СПб конторою г. Анциферова. Поэтому немудрено, что мои указания не нравились г. Анциферову и могли причинить мне неприятности; но я, «служа всегда делу, а не лицам», не смущался этим.

Служба моя продолжалась благополучно до 1889 года. Во все время моего управления Усольским округом и соляными промыслами в продолжение почти 20-ти лет ни в имуществе, ни в припасах, ни в материалах не было сколько-нибудь значительных недостатков, тогда как при предместнике моем г. Глушкове в конце его служения оказался недостаток в дровах около 9 т. полукуб. саж. На сумму более 20 т. руб. и в других округах зачастую случались недостатки на весьма значительные суммы. С весны же 1889 г. начались неладицы. Предстояло продать две старые соляные баржи и отдать доставку и продажу соли в Пермь на комиссию. Баржи проданы, как и ранее, в кредит, пермскому купцу Мельникову, предложившему высшую против других конкурентов, цену. Доставка соли в Пермь и комиссионная продажа соли предоставлена ему же, так как он против принятого комиссионера г. Насонова уступил полкопейки на пуд; а эта уступка на такой дешевый продукт весьма много значит. В благонадежности Мельникова сомнения не могло быть. Его рекомендовал лазаревский управляющий г. Борисов, приведя его в правление. При этом сообщил, что Мельников несколько лет кряду вел дела с Чермозским Главным управлением заводовладельца князя Адама Лазарева, поставляя провиант для заводов и др. Мельников по лету того 1889 года оказался несостоятельным должником, и наша соль и баржи попали в конкурс, нанеся правлению убытка около 6 т. руб. Соль попала в конкурс по вине нашего юрист-консульта присяжного поверенного г. Жежеро, сделавшего непрости-

тельные упушения по этому делу; но еще ранее можно было избавиться от убытка, если бы пермский строгановский поверенный Невзоров принял от Мельникова деньги за соль, которую он хотел оставить за собой. Главное управление в передаче комиссионных от продажи соли Мельникову увидело самовольство с моей стороны и в таком тоне отравило донесение графу.

Одновременно с представлением этого дела в Петербург, Главное управление представило дело о представлении Усольским правлением права поставки 2 т. саж. солеваренных дров в промысла по весне 1890 года купцам Лаврову и Савинцову, находя представление такого подряда в одни руки рискованным и недостаточно обеспечивающим промысла от убытков. То и другое донесение Главного управления вполне неосновательны и мою виновность не доказывают, да и доказать не могут, ибо я действовал в обоих делах вполне легально, не единолично, а чрез правление с участием члена правления, а главное в интересах промыслов. Но тем не понятнее распоряжение графа, последовавшее в январе 1890 года, которым он через Главное управление предложил мне подать в отставку.

Хотя формально обвинить меня в чем-либо нельзя, но, считая за аксиому, что «всякий сам во всем виноват», так и я считаю себя виноватым. Виновата моя натура – природенная правдивость, прямота, несдержанность в высказывании правды и указания на упушения других; виновата ретивость моя в преследовании интересов имения и всегда «служению делу, а не лицам». Распоряжение свое о подаче мною в отставку граф мотивировал недовольством моими действиями по делам с Мельниковым. Недовольство это нельзя объяснить одним донесением Главного управления, а надо думать, что оно подогрето кляузою или интригою. Дело в том, что бывший комиссионер по продаже соли в Перми г. Насонов, которому я отказал от комиссии, приходится тестем Ф.А.Теплоухову, считая себя обиженным, обиду свою передал г. Теплоухову, а тот, бывши во время рассмотрения графом этого дела в Петербурге, передал мои действия, конечно, в извращенном виде своему приятелю, домовому доктору графа, а сей последний – графу. Что это было так, стало известно в Усолье чрез Копылова и Игнатьева, зятя Теплоухова. Немудрено, что в интриге участвовали и эти оба последние господина, в высшей степени низкие натуры и вместе пьянствующие. Только эту интригою и можно объяснить крутое распоряжение графа обо мне, которое удивило и самого главноуправляющего г. Конюхова, что он лично мне высказал. Кстати сказать, что Теплоухов, вероятно, припомнил в отместку мне мои неблагоприятные отзывы главноуправляющему г. Агееву на его вопросы о зяте его Игнатееве.

Не зная формально за собою вины, я, сдав управление округом и промыслами г. Мокрушину, телеграммою испросил разрешения представить свои объяснения. Граф разрешил, и я 13-го февраля выехал из Усолья в Петербург. Выехал с возбужденными нервами, путь для меня был очень тяжел (о чем будет сказано подробно в особой статье о моей жизни), и я прибыл в Петербург серьезно больной. Больной настолько, что из Москвы должен был поместиться в спальном вагоне 1-го класса, а доктор, которого по приезде в Петербург прислал ко мне В.А.Желватых, очень удивился, что я мог доехать до Петербурга в таком тяжелом положении. Натура моя оказалась еще настолько крепка, что я скоро поправился и явился в контору, чтоб расспросить о пути в местожительство графа – село Вошьшево Псковской губ. Пороховского уезда. В конторе я узнал, что графа ожидают в скором времени в Петербурге; в виду этого я остался ждать его, но ждать пришлось очень долго. Граф приехал только 27 числа марта во вторник на Страстной неделе на самое короткое время, проездом в Москву к сестре княжне Щербатовой на праздник Пасхи. По извещении о приезде графа я в то же утро явился к нему, но граф не принял, сказав очень громко из другой комнаты, вероятно, для того, чтоб я сам слышал, «прошу извинить, принять не могу, одеваюсь». Потом в тот же день в три часа пополудни меня известили, что граф желает видеть меня. Являюсь. Граф, поздоровавшись сдержаннее, чем прежде, сказал мне; «все ваши объяснения читал, и вы напрасно приезжали сюда, могли прислать их из Усолья; можете быть покойны, ждите распоряжения». Видимо, графу не по себе и как будто совестно, что он поступил со мною так круто. Такие слова графа подали мне надежду на возвращение после прежнего положения, и я отправился от него с облегченным сердцем. Но меня сильно беспокоило холодное отношение ко мне управляющего Главною конторою г. Анциферова, вероятно недовольного мною за мои указания на дурное ведение дела по торговле солью на Нижегородском рынке Нижегородского управляющего г. Ширшева, его протееже, заведывающего, между прочим нижегородским имением г. Анциферова.

Граф в тот же вечер уехал из Петербурга, а на другой день (в среду на Страстной неделе) по распоряжению графа контора выдала мне триста руб. на расходы по поездке в Петербург. Такое внимание графа еще более оживило мои надежды. Но на самом деле они не оправдались. В конце мая назначен вместо меня усольским управляющим член Билимбаевского правления Н. Б. Воронов, бывший первым лесничим общей промысловой дачи; в каковую должность был определен по моему назначению. Такое неожиданное назначение сильно меня огорчило, и я написал графу довольно дерзкое письмо с указанием на свои

заслуги, за которые я по справедливости заслуживал вознаграждения, а не увольнения.

В надежде на возвращение мне прежнего положения я пропустил случай быть участковым мировым судьей в Чердыни, куда меня просили приехать в начале мая баллотироваться. Весьма вероятно, что меня набрали бы, так как в Чердыни все знали меня с хорошей стороны по моей деятельности по званию земского гласного в продолжении шести трехлетий и почетным мировым судьей в течение двух трехлетних.

В Петербурге мне пришлось прожить еще неделю, до 3-го апреля, так как по наведенным конторкою для меня справкам по телеграфу, навигация на Волге не открылась, тем более на Каме, а по сообщениям Ширшева и Невзорова, только ожидается. Первый и второй день Пасхи (1 и 2 апреля) я провел у племянника А.Г. Рогова, служащего старшим помощником частного пристава Коломенской части в чине штабс-ротмистра. Отправившись из Петербурга на третий день Пасхи, 3-го числа апреля, более легким путем чрез Бологое и Рыбинск, прибыл в Нижний 5-го числа. Здесь пришлось остановиться, лед на Каме еще не прошел, и идти пароходом нельзя, а до Казани не стóит. По прошествии 4-х суток, 10 апреля, отправились, но в Казани снова пришлось простоять еще трое суток, и только 14-го могли выйти. Прибыли в Пермь, вместо 2½ суток, только на пятые 18 числа. Я в тот же день выехал домой по железной дороге, хотя предлагали ехать на пароходе, в первый раз отходящем из Перми, но я не решился ехать на нем; да и хорошо сделал – пароход шел до Усолья, встречая лед, трое суток. Я прибыл домой 19-го числа вечером.

Итак, моя служебная карьера кончилась. Началась так блестяще, а кончилась катастрофою. Я вполне убежден, что этой катастрофы не случилось бы, если был жив незабвенный граф Сергей Григорьевич. Может быть, все к лучшему. Я бы нисколько не жалел о своей отставке и был бы даже рад полученному спокойствию и был бы совершенно счастлив, если бы только имел возможность помогать в воспитании внучат. Получаемая же пенсия дает возможность только самим существовать. За всю свою долговременную службу управляющим я не только не сумел скопить какой-либо капиталец, как умеют другие и как сумел потихоньку из-за меня Копылов, но я даже прожил часть того небольшого сбережения, с которым приехал в Усолье.

Во время мое двадцатилетнего служения управляющим Усольского округа и промыслами переменялось три техника, заведывавшие солеварением на белых варницах, так называемых солеварнях, устраиваемых по заграничным типам. При вступлении моем я застал на службе

техником только что вернувшегося из-за границы технолога Н.И. Глушкова, сына бывшего управляющего, устроившего в Верхнем Усольском промысле первую солеварню – Аникиевскую и в то время устраивавшего в Среднем Усольском промысле по проекту Н.Г. Агеева, Натальевскую солеварню. Та и другая солеварня в первоначальном своем виде были неудачны и невыгодны, соль на них обходилась дороже, против стоимости соли с простых черных варниц. Вообще все его постройки были неудачны; главнейший недостаток их был недостаточная высота дымовых труб. Сделанное по моему настоянию возвышение трубы при Натальевской солеварне сразу подняло ее производительность как суточную, так и на сажень дров. Наконец, в 1881 г., проектируя солеварки нового типа с механическим выгребом соли и элеваторами для подъема ее на сушила, Н.Н. Глушков заболел прогрессирующим параличом мозга и в начале 1882 г. уволен от службы по болезни, помещён в пермский приют душевно-больных, где и умер.

В том же 1882 г. прислан из Петербурга новый техник, горный инженер Загаевский, который, не сойдясь в мнениях с главноуправляющим г. Агеевым по поводу постройки новой солеварни, оставил службу в январе 1883 года. Вместо Загаевского в том же январе прислан из Петербурга горный инженер Г.М. Моргулис (еврей). Человек с большими претензиями на знания; но на самом деле, по своей неопытности, делал при постройках крупные ошибки, на которые мне пришлось указывать при представлениях его проектов в Главное управление. Особенно выдающейся ошибкою его, показавшею его незнание самых элементарных правил гражданских построек – устройство потолка в Троицкой солеварне в Ленве. Так же как и у Глушкова не удался его проект солеварни с механическим выгребом. Все-таки нельзя отнять у него заслуги по установке всех манипуляций технических работ на солеварнях, отчего продуктивность их увеличилась. Впрочем, во всем много помогал Моргулису А. И. Плюснин, определенный в октябре того же 1889 г. Ленвенским надзирателем, а ранее несший обязанности строителя гражданских построек, на которого, по уходе Моргулиса (в августе 1888 г.) к г. Любимову, я возложил обязанности техника.

О деятельности в земстве

Теперь надо сказать несколько слов о своей общественной деятельности.

В 1890 году, состоя в должности почетного мирового судьи, я в течение целого месяца, летом, исполнял обязанности участкового мирового судьи вместо Игнатьева, уехавшего в отпуск. Игнатьев, уезжая, зло подшутил надо мною; на первый же день принятия его должности,

им назначено к разбору 13 дел, и мне пришлось разбирать их. Я, хотя каждый месяц участвовал в качестве почетного мирового судьи в заседаниях съезда мировых судей, разбирал дела по жалобам на решения участковых мировых судей, но только участвовал своими заключениями и иногда вопросами к подсудимым, тяжущимся и к свидетелям, но самостоятельно дела не докладывал, не допрашивал, не писал решений и не применял законов. А разбирая дела сам как участковый судья, мне пришлось все это проделывать самостоятельно. Вот тут-то и сказались моя неопытность. Поэтому первые два-три дела потребовали большего напряжения ума, и все 13 дел я мог разобрать только в продолжении 9-ти часов, с небольшою остановкою на обед.

Кроме ежемесячных поездок в Соликамск на съезд мировых судей в 1890 и 91 г., по лету 1891 г., я по выбору общего собрания членов Усольского Общества потребителей, ездил на Нижегородскую ярмарку комиссионером для покупки товаров для лавки Общества. Результаты моей командировки настолько удовлетворили Общество, что потом еще на два года сряду выбирало меня комиссионером; затем я отказался от этих командировок.

Здесь не лишним считаю привести историю моего первого выбора комиссионером. Много лет подряд на общих собраниях членов Усольского Потребительского Общества при выборе комиссионера для покупки товаров на Нижегородской ярмарке, членами Общества высказывались упреки комиссионерам, что покупаемые ими товары высшего качества и высшей цены, чем у других усольских торговцев; поэтому высказывались желанием избавиться от покупки всех мануфактурных товаров у братьев Титовых. Комиссионеры все, сколько их не перебивало со времени учреждения Общества в 1870 г., не исполняли этого желания, объясняя, что, покупая от бр. Титовых все мануфактурные товары почти с самого основания Общества ежегодно на несколько десятков тысяч руб., они пользуются кредитом; что Титовы так любезны, что товары, трудно или совсем не идущие здесь, принимают обратно, заменяя другими; другие же продавцы-фабриканты и оптовые торговцы, как незнакомые с торговлею потребительных обществ, кредита не сделают и товары обратно не примут.

Собрание, веря этим объяснениям, не ставило комиссионерам в вину неисполнение желаний Общества. И на этот раз общее собрание, бывшее в половине июля 1891 г., избирая меня комиссионером, снова высказало желание избавиться от бр. Титовых, надеясь, что я смогу получить кредит и от самих фабрикантов, и других оптовых торговцев. На этом же собрании состоялось ее очень важное постановление: по приезде в Нижний войти в сношение с комиссионерами других потре-

бительных обществ Пермской губернии для совместной покупки товаров, надеясь, что общая покупка будет более выгодна.

Глубоко сочувствуя целям, преследуемым Обществом, содействуя с самого основания его успехам, стоя много лет с самого основания во главе Общества, я и теперь, желая принести посильную пользу, согласился быть комиссионером. Оба поручения общего собрания членов Общества, как будет видно ниже, мною выполнены с полным успехом. По приезде в Нижний я чрез публикацию в местной газете пригласил к себе всех прибывших на ярмарку комиссионеров потребительных обществ, которые и явились на другой же день вечером. Обсудив вопрос о совместной покупке товаров, мы на следующий день, сойдясь все (от обществ: Усольского, Чердынского, Кыновского, Очерского, Чермозского, Ильинского и Кувинского) в числе 17 чел. под Главным домом отправились в магазины фабрикантов и других оптовых торговцев для переговоров по определению цен на товары, условий кредита и проч. Такое совместное, в числе 17 чел., посещение торговцев, бывшее в первый раз от потребительных обществ, произвело на ярмарке большую сенсацию. Переговоры с торговцами мы вели не только за себя от 7 обществ, но и за всех остальных обществ, долженствующих явиться на ярмарку для покупки товаров. Все торговцы фирмы без малейшего затруднения согласились сделать кредиты обществам с учетом 6% годовых.

Таким образом, само-собою легко и просто достигнуто избавление Усольского общества от бр. Титовых, которое крепко добивалось оставления за ними прежнего положения, т.е. покупки от них мануфактурных товаров, делая разные заманчивые предложения. Этим, вероятно, и должно объяснять неисполнение прежними комиссионерами желаний Общества. Этим же объясняется и продолжение покупки товара у Титовых Кувинским и Добрянским комиссионерами. Кроме того, при покупке всех мануфактурных товаров у них, труд комиссионера значительно облегчается. Избавление же от них потребовало значительно большего труда, потому что товары пришлось разделять по роду их: шелковые покупать от одной фирмы, полотняные от другой, шерстяные от третьей, суконные от четвертой, а бумажные разбить на несколько категорий; отчего пришлось иметь дело, вместо 40 фирм, с 60 фирмами или торговцами. Результаты таких действий получились: товары куплены по низшим, против прежних лет, ценам, скидки из общих сумм купленных товаров по счетам, получилось до 3 тыс. руб., тогда как в прежние годы комиссионерами привозилось не более 500-600 рублей. Такими же выгодами воспользовались и все остальные потребительные общества Пермской губернии, которые захотели пой-

ти по установленному нами пути, так сказать, по проторенной дорожке.

Члены Усольского Общества потребителей, зная мое сочувствие к делам Общества и поддержку его во все время службы управляющими, постоянно на общих собраниях членов, выбирали меня председателем таковых, и это продолжалось вплоть до 1898 г., когда я по случаю плохого зрения и ослабления слуха начал отказываться от звания председателя; тогда выбирали любимовского управляющего г. Самосатского, а когда его не было на собрании, выбирали или Губанова М. К. или Игнатьева. Также и члены Усольского Общества семейных вечеров (Клуба) выбирали меня на общих собраниях председателем, кроме тех лет, в которые я по усиленной просьбе членов состоял по выбору председателем Совета старшин. Здесь кстати сказать, что во время исполнения мною должности председателя Совета старшин, пришлось отстаивать театральное имущество при клубе (занавес и некоторые кулисы), которые Копылов, исполнявший тогда обязанности строгановского управляющего, добивался отобрать от клуба, обосновывая свое требование тем, что занавес и кулисы поступили в театр из Строгановского театра. По этому поводу было несколько общих соединенных собраний членов клуба и членов-любителей драматического кружка. Мне, как близко знакомому с делом учреждения клуба, образования драматического кружка и устройства театра, пришлось много поработать – написать историю этих учреждений, что и записано в книге постановлений клуба. Только моими усилиями удалось отстоять театральное имущество от притязаний г. Копылова. Притязания же свои он возымел в отместку за то, что возобновившийся и пополнившийся любительский кружок не избрал его своим председателем-режиссером. Состоя ранее несколько лет подряд режиссером-распорядителем, г. Копылов бесконтрольно распоряжался театральными суммами, на эти же суммы прежде – бывшими любителями, большею частью подчиненными ему строгановскими служащими, поднесен ему подарок – серебряный портсигар. Куда поступили остатки сумм театральных сборов за время его режиссерства – они должны быть значительны – неизвестно. Г. Копылову очень хотелось присвоить театральное имущество, подобно тому, как он сделался наследником театральных струнных инструментов, оставшихся от уничтоженного бывшим Баронским управляющим (самодуром) стариком Агеевым и от разогнанного им оркестра.

Всякому живущему в Усолье известно, как трудно существовать недостаточному люду и как здесь много бедноты. Трудность существования обуславливается как дешевизною вырабатываемого на заво-

дах продукта-соли, не дающего возможности увеличить заработные платы, так и неблагоприятными климатическими и гигиеническими условиями местностями. Недоедание, недопивание, подчас и голодание, естественно, должно вызвать недовольство такую жизнью и в то же время вызывает непреодолимое желание, насколько возможно, удовлетворять насущные потребности. Недостаточность, иногда неимение заработка, вызывает необходимость пользоваться чужим имуществом нелегальным путем, т.е. прибегать к краже. Кража с заводов дров и других припасов и материалов, как бы ни невинна была в глазах невежественного заводского рабочего, все-таки служит некоторым упреком совести; отсюда является необходимым заглушить ее выпивкою. Повторение кражи и выпивки обращается в привычку. Всего прискорбнее то, что бедность не дает возможности учиться детям, которые вместо посещения школы, сначала вынуждаются попрошайничеству, кражам и другим порокам. Отсюда ясно, что бедность в невежественном заводском люде есть противник всему доброму, хорошему и корень всему злему, недоброму и вредному. Да, бедность, можно сказать, мать пороков.

Чтоб несколько умерить бедность в Усолье и повлиять нравственно на заводской люд, я задумал учредить в Усолье «Общество попечения о бедных и призрения беспомощных убогих и сирот детей». Общество учреждается в память чудесного спасения царя и его семейства 17 октября 1888 г. и должно именоваться Александро-Мариинским. Обществу этому, в кратких чертах, дать следующие основы: Общество должно иметь целью доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных жителей с. Усолья. Общество составляется из членов - лиц обоего пола, всех званий и состояний. Члены могут быть почетные, действительные и члены сотрудники. Денежные взносы членов определяются на общем собрании. По мере развития средств Общество, кроме пособий бедным, устраивает дома призрения для беспомощных, убогих и сирот детей.

В этом смысле мною 5 мая 1892 г. сделано письменное воззвание к жителям с. Усолья, Ленвы и Березников. Воззвание это встретило полное сочувствие многих жителей, но учреждение самого Общества затянулось и вызвало к жизни учреждение церковно-приходского попечительства при Усольской Спасо-Преображенской церкви, которое получило начало следующим образом. 9 августа 1894 г. собравшимися в церкви прихожанами в числе 16-ти человек, восстановлен, совместно с церковным причтом, Акт об учреждении церковно-приходского попечительства на основании высочайше утвержденного положения 2-го августа 1864 г. На этом собрании были избраны должностные лица:

председателем Попечительства и попечителем прихода – местный земский начальник Владимир Александрович Лестовнический, заступающим его старший священник, от. Петр Швецов, делопроизводителем третий священник от. Петр Иваницкий, казначеем церковный староста Александр Брюханов и членами Совета: 1) я – Рогов Илья Аврамович, 2) – Тарасов Иван Иванович, 3) Зырянов Адр. Ал., 4) Кузнецов С.И., 5) Попов Фил. Сер. 6) Жаков В.Т., 7) Бондюгин Ил. Гр., 8) Зенцев Ст. Ив., 9) Железных Кл. Ал., 10) Савин Ал. Н. – становой пристав. Разрешение от епархиального архиерея на открытие попечительства, утверждение избранных лиц в должностях и 46 лиц, подписавших Акт членами учредителями, последовало 6 сентября 1894 г.

Выбранный председателем г. Лестовнический в продолжении 4-х месяцев никакой деятельности по своей обязанности не проявил. В виду сего и считая неудобным продолжать бездействие попечительства, заступавший место председателя свящ. от. Петр Швецов в 18 числа декабря 1894 г., собрав в Спасо-Преображенской церкви членов-учредителей и прихожан, открыл действие попечительства, но и после сего г. Лестовнический в должность свою не вступил. Наконец, вследствие вопроса заступающего его место 3 марта 1895 г. заявил официально, что «оставляя участок, не имеет возможности больше заниматься (хотя несколько не занимался) делами попечительства». Вследствие сего было собрано 19 числа того же марта общее собрание членов, которое избрало меня единогласно председателем попечительства. На собрании этом я после усиленных просьб присутствующих, хотя изъявил согласие принять эту должность, но, ознакомившись с Положением, я увидел, что для выбора на должность председателя и попечителя прихода, требуется не менее 1/10 части всех прихожан, т.е. не менее 114 человек. А как из собрания 19 марта не было этого числа, то, не желая быть самозванцем, я отказался от этого звания. Вследствие моего отказа, согласно мнения Совета, 26 числа апреля было вновь созвано общее собрание членов-прихожан, каковое и состоялось в числе 133 лиц. На этом собрании я единогласно был снова выбран председателем. По открытии попечительства первые же заседания постановили:

1) Имея в виду, что указанные в положении церковные нужды, об удовлетворении которых обязано заботиться попечительство, все в той или другой мере удовлетворяются без затруднения, а между тем в Усолье масса бедноты и нищих; а поэтому попечительство решило деятельность свою направить пока исключительно к уничтожению, или, по крайней мере, к уменьшению нищенства и вообще к правильной организации помощи бедным, на первое время в виде выдачи де-

нежных пособий, а по достаточном накоплении средств в виде устройства приюта, богадельни или дома трудолюбия и тому подобное. Для сего, чрез волостное правление привести в известность всех заведомо бедных нуждающихся в помощи и всех нищенствующих в Усолье, с показанием их семейного положения, лет их, и проч. По исследовании их положения, разделить требующих общественной помощи на категории – одним оказывать ежемесячно денежное пособие, другим, привыкшим уже к нищенству, выдать металлические значки со словом «бедный» для ношения на груди. Значки эти будут удостоверять право на общественную помощь.

2) Средства попечительства должны состоять: из единовременных и ежегодных членских взносов, пожертвований, сборов в церкви, кружечных подааний и др.

3) Члены могут быть почетные, действительные, годовые и пожизненные и члены-соревнователи. Почетными членами считаются внесшие единовременно не менее 50 руб., действительными – все учредители, вносящие ежегодно по 1 руб.

4) Члены Совета обязываются во все воскресенья и праздничные дни производить лично в церкви сбор подааний на блюдо.

5) Устроить возможно большее число кружечек и поставить их в лавки и магазины торговцев.

6) Члены Совета председателем созываются ежемесячно для обсуждения дел попечительства.

7) Нищие не должны, как было до сих пор, толпиться на паперти у церкви, а находиться внутри храма на определенном месте; подаания же для них входящие в храм должны класть: денежные – в кружечку, а хлебные в корзину, с коими и должно находиться на паперти двум женщинам. Подавания делить между нищими в каждое воскресенье по окончании литургии.

Ранее я уже сказал, что ещё до открытия земских учреждений в Пермской губ. я был назначен графом Сергеем Григорьевичем быть его представителем на совещании самих владельцев их главных уполномоченных по поводу открытия земских учреждений, состоявшихся в Перми под председательством владельца Андрея Никитича Всеволожского в его квартире. Протоколы совещаний сообщены всем владельцам пермских имений. С открытием земских учреждений я по уполномочию графа был избран гласным земского собрания по Пермскому уезду. По прочим уездам имения были назначены и избраны гласными: по Екатеринбургскому – билимбаевский управляющий А.Г. Зямтин; по Кунгурскому – кыновский управляющий Н. Ав. Рогов, по Оханскому – член Очерского правления В.Ф. Гилев; по Соликамско-

му-Усольскому управлению И.В.Глушков и по Чердынскому-Иньвенскому управлению П.Я. Бушуев. Первое трехлетие, живя в Ильинске (членом Главного управления) я был по Пермскому уезду; с назначением в 1870 г. управляющим в Усолье пяти трехлетий был гласным по Чердынскому уезду в Чердыни и одно, последнее, седьмое, по Соликамскому уезду – в Соликамске. Первое трехлетие, быв гласным по Пермскому уезду, и как недостаточно знакомый с обязанностями и правами гласного, ничем особенно не отличался от других и даже отказался от баллотировки в губернские гласные.

Действительную полезную службу земству я начал со второго трехлетия в Чердынском земстве непрерывно в течение пяти трехлетий и в губернском земстве шести трехлетий. Постоянно выбираем первым для ревизии отчетов о деятельности управления, я немало потрудился для установления правильного, ясного счетоводства и для выведения из хаотического состояния отчетности по аптекам земства. Особенно много мною потрачено трудов при ревизии дел губернского земства по ремонту пресловутого Сибирского тракта за 1875-76 годы, прожив в Перми целый месяц. Потом, по прошествии нескольких трехлетий, когда из постоянных гласных достаточно подготовились несколько лиц для ревизий дел и отчетности, я стал выбираем в сметную комиссию для рассмотрения сметы расходов и раскладки налогов.

По воле графа на седьмое трехлетие я перешел гласным в Соликамском земстве. В эту сессию Соликамским уездным собранием рассматривался вопрос о дурном состоянии в санитарном и гигиеническом отношении рудников Кувинского завода, служащих рассадником в населении Иньвенского края всевозможных болезней. Вопрос этот для предварительного рассмотрения был передан в сметную и редакционную комиссию, членом которой был и я. При обсуждении его присутствовали все земские врачи, со включением кудымкорского врача Колокольникова, возбудившего этот вопрос. Мне пришлось доказать Колокольникову неправильные и нелегальные его действия в этом деле. Колокольников до тех пор смотрел на Кувинское заводууправление, служащих его и работающих на заводе и для завода, как на отдельную неземскую единицу, что земский врач существует только для крестьянского населения и не обязан оказывать медицинскую помощь ни служащим, ни рабочим завода, забывая, что Кувинско-Иньвенский округ имени несет огромные земские налоги, далеко превышающие крестьянские платежи; от благ же земства почти ничем не пользуется. Напротив, земский врач, правильно понимая свои обязанности, обязан одинаково оказывать свою помощь всему населению своего района, обязан, если он увидел недостаточность медицинского персонала на

рудниках во время скопления там рабочих, сообщить об этом местному заводскому управляющему и по совместному с ним обсуждению и соглашению были бы управляющим приняты надлежащие меры для увеличения медицинского персонала и для возможного улучшения санитарного и гигиенического рудничных помещений. Колокольников должен был сознаться, что он действительно поступил в данном случае неправильно. Сметно-редакционная комиссия в полном составе вполне согласилась с моим мнением, и вопрос о Кувинских рудниках, как неосновательно возбужденный, оставлен земским собранием без дальнейшего рассмотрения; о чем мною и сообщено графу и гласному управлению.

В первом трехлетии в Чердынском земстве я настолько зарекомендовал себя в работоспособности, что был выбран единогласно в должность почетного мирового судьи также и на второе трехлетие. Затем, в остальные три трехлетия, не мог быть избран, потому, что между мною и представителями казны – лесничими – образовался во втором трехлетии большой антагонизм по оценке лесов в уезде. Представители казны, конечно, желали определить ценность казенных лесов как можно ниже, а частные выше; я же стоял на почве справедливости, и собрание почти вполне согласилось с моими доводами. Вообще прения по этому вопросу, занесенные в журналы и отпечатанные, весьма интересны. Последнее, седьмое трехлетие, состоя гласным в Соликамском земстве, и здесь я был опять единогласно выбран почетным мировым судьей. По представлению мирового съезда в министерство я высочайше награжден званием личного почетного гражданина.

Приложение

*Илья Абрамович Рогов
(фото 1888 г.)*

*Екатерина Ивановна Рогова
(Янова)*

Семья И.А. Рогова (конец 80-х гг. XIX в.)

*Юлия Ильинична Субботина
(ур. Рогова)
(на фотографии надпись:
«Юля, не забывай Сашу!»). 1888 г.*

*Вера Ильинична Кожевина
(ур. Рогова) с мужем Владимиром
Феопемптовичем Кожевниковым
1889 г., Пермь*

*Наталья Ильинична Плюснина (ур. Рогова)
Зам. наркома земледелия Украины. 1919 г., Киев*

*Ольга Ильинична Тимонова (ур. Рогова)
с мужем Григорием Афанасьевичем Тимоновым
и детьми (слева направо): Вера, Юра, Мария, Рита и Женя.
30 апреля 1902 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баландин Анатолий Максимович – историк, социолог, г. Пермь.

Баландина Вера Фёдоровна – историк, г. Пермь

Бесстрашников Николай Емельянович – старший научный сотрудник Очёрского краеведческого музея имени А.В. Невцетаева.

Варнакова Ольга Николаевна – старший научный сотрудник Березниковского историко-художественного музея, истории, краевед.

Дементьев Борис Петрович – доктор исторических наук, профессор историко-политологического факультета Пермского государственного университета.

Кальсина Алла Алексеевна – аспирант кафедры новой и новейшей истории России Пермского государственного педагогического университета.

Кузнецов Сергей Олегович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея (Строгановский дворец) (Санкт-Петербург).

Кузнецова Ольга Фёдоровна – научный сотрудник Ильинского районного краеведческого музея, Пермский край.

Мохначёва Ирина Владимировна – научный сотрудник Очёрского краеведческого музея имени А.В. Невцетаева.

Порозов Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Пермского государственного педагогического университета.

Рябкова Вера Александровна – директор Ильинского районного краеведческого музея Пермского края.

Чагин Георгий Николаевич – заведующий кафедрой древней и новой истории России Пермского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

Чудинова Галина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент Пермского краевого института повышения квалификации работников образования.

Шестова Татьяна Юрьевна – доктор исторических наук, профессор Западно-Уральского института экономики и права (г. Пермь).

Шилов Анатолий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного университета.

Шкерин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург).

Шустов Сергей Григорьевич – кандидат исторических наук, проректор по научной работе Прикамского социального института (г. Пермь).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Г.Н. Чагин. СТРОГАНОВЫ, ИХ ДУХОВНЫЕ ОТЦЫ И СЛУЖАЩИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЧЕРДЫНИ	4
Б.П. Дементьев. СТРОГАНОВЫ В ИСТОРИИ РОССИИ И ПЕРМСКОГО КРАЯ	9
С.О. Кузнецов. ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МЕЦЕНАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОДА СТРОГАНОВЫХ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД	19
А.В. Шилов. РАЗДЕЛЫ ВЛАДЕНИЙ СТРОГАНОВЫХ И ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ ГОРНОЗАВОДСКИХ ВОТЧИН В ПРИКАМЬЕ В XVIII ВЕКЕ	31
В.А. Шкерин. «КЫШТЫМСКОЕ ДЕЛО» ГРАФА А.Г. СТРОГАНОВА....	40
Т.Ю. Шестова. СВЕДЕНИЯ О СТРОГАНОВЫХ В ТРУДАХ ПЕРМСКОЙ УЧЁНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ.....	52
С.Г. Шустов. СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОРЕФОРМЕННОГО РАЗВИТИЯ СТРОГАНОВСКИХ ВОТЧИН НА УРАЛЕ	67
Н.Е. Бесстрашиников, И.В. Мохначёва. СТРОГАНОВЫ И ОЧЕРСКИЙ ЗАВОД.....	80
О.Н. Варнакова. ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И ЗАСТРОЙКИ СЕЛА НОВОЕ УСОЛЬЕ СЕРЕДИНЫ XIX В.....	85
Г.В. Чудинова. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ОБРАЗЫ СТРОГАНОВЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	89
А.М. Баландин, В.Ф. Баландина, О.Ф. Кузнецова. АРХИВ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМЕНИЕМ СТРОГАНОВЫХ В ИЛЬИНСКОМ РАЙОННОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ	98
А.А. Кальсина. УЧАСТИЕ ПЕРМСКОГО ЗЕМСТВА В РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ШКОЛЫ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ИНЬВЕНСКОЙ ДАЧИ СТРОГАНОВЫХ	104
В.А. Порозов. СТРОГАНОВЫ И ВАСИЛЬЧИКОВЫ	111
В.А. Рябкова. ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ ПЕРМСКОГО ИМЕНИЯ СТРОГАНОВЫХ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, РОЛЬ СТРОГАНОВЫХ В «ДУХОВНОМ ВОСПИТАНИИ» КРЕПОСТНЫХ ...	124
И.А. Рогов. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА	139
Сведения об авторах	202

СТРОГАНОВСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ

Сборник научных статей

Выпуск 3

Ответственный редактор: *С.Г. Шустов*

Технический редактор: *Е.А. Ошева*

Компьютерная верстка: *Л.Н. Аликина*

Подписано в печать 26.11.2008. Формат 60x84/16.

Бумага ВХИ. Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,86.

Тираж 100 экз. Заказ № 46.

Отпечатано в АНО «Координационный центр
непрерывного гуманитарного образования»
614022, г. Пермь, ул. Карпинского, 68, тел.: 8 (342) 223 00 34
Лицензия ИД № 04783